

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

АДЕПТЫ СТУЖИ

книга первая

ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Бремя империи

Александр Афанасьев

Под прикрытием

«ЭКСМО»

2011

Афанасьев А. Н.

Под прикрытием / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2011 — (Время империи)

Канун XXI века. Российская Империя раскинулась от Варшавы до Багдада, ее население достигает миллиарда человек, она – самое могущественное государство мира... Кто сказал, что все этим довольны? Разумеется, у великой державы есть хитроумные и опасные враги. Кровавый мятеж в русском городе Бейруте подавлен, его руководитель Бен Ладен уничтожен, но за спиной исламских фанатиков маячат джентльмены из Лондона. И Россия принимает вызов. Полем битвы тайной войны становится весь мир, а одним из ее солдат – герой Бейрута князь Воронцов, действующий под маской британского офицера в логове коварного врага...

© Афанасьев А. Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Картинки из прошлого	8
Картинки из прошлого	13
Картинки из прошлого	17
Картинки из прошлого	27
Картинки из прошлого	39
Картинки из прошлого	48
Картинки из прошлого	54
Картинки из прошлого	59
Картинки из прошлого	68
Картинки из прошлого	71
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Афанасьев

Под прикрытием

Пришли к Конфуцию его ученики и спросили: «Учитель! Чем следует платить за зло? Может быть, за зло следует платить добром, как подобает всякому хорошему человеку?»

И ответил им Конфуций: «Нет, ни в коем случае! Нельзя платить за зло добром! Ибо если вы заплатите за зло добром – то чем же тогда вы расплатитесь за добро?»

Пролог

18 августа 1992 года.

Военный госпиталь под Санкт-Петербургом

Закрытый военный госпиталь для командного состава Министерства обороны представлял собой старинную виллу-дворец, выкупленную казной и превращенную в нечто среднее между госпиталем и санаторием. Здесь не столько лечили, сколько долечивались на природе, набирались сил, чтобы снова встать в строй. К сожалению, не так давно к старому, причудливой итальянской архитектуры зданию пристроили новое – обычную, пусть и закрытую со всех сторон стеклянными панелями примитивную семиэтажку – здоровенный и уродливый корпус, ставший архитектурной доминантой на местности и портящий весь ландшафт. Хорошо, что остался огромный смешанный, в основном сосновый бор с посыпанными песком дорожками и удобными скамейками на каждом шагу. Сидеть в таком вот бору, вдыхать свежий лесной воздух было даже не столько удовольствием, сколько одним из лечебных мероприятий, довольно эффективным, кстати...

Сейчас, по одной из дорожек, в глубь леса довольно быстро шагал среднего роста, крепкий на вид человек лет пятидесяти, с проседью в волосах и аккуратно подстриженной бородой, в форме Его Императорского Величества полка казачьей конвойной стражи без знаков различия. В руках он нес большой серый пакет из плотной крафт-бумаги. Видимой охраны у него не наблюдалось – возможно, она скрывалась где-то неподалеку, а возможно, и вовсе – осталась у ворот, ибо в государстве, которым правил этот человек, после недавних бурь вновь воцарилось спокойствие, и бояться ему было нечего. Тем более среди офицеров его собственной армии, в которой когда-то служил и он сам. Встречные врачи и долечивающиеся офицеры уже привыкли к его визитам сюда и при встрече отдавали честь, как это было предписано придворным этикетом и армейскими уставами. Человек кивал в ответ и шел дальше.

Тот, к кому он пришел, сидел в беседке, на самом краю соснового бора, в одиночестве. Его желание побыть в одиночестве уважали – и вовсе не за то, кем он был, а исключительно за то, что он сделал. Цесаревич на удивление быстро поправлялся с тех пор, как пришел в себя, и светила медицины, совсем недавно не решавшиеся давать прогнозы, теперь стыдливо опускали глаза...

– Как ты? – коротко спросил Государь, присаживаясь рядом на невысокую деревянную скамейку и неуклюже подбирая под себя ноги. – Тебе, кстати, Ксения пакет собрала. Просила передать. Ну и я кое-что добавил от себя, не знаю, можно ли...

– Пока нет, – ответил цесаревич, – но скоро будет можно... Как Ксения?

– Как всегда. Источник проблем. Занимается тем, чем не пристало бы заниматься благовоспитанной девице из хорошей семьи. Она думает, что может скупить всю Россию... Не сразу, конечно, годам к сорока...

– Возможно, она и сумеет это сделать... – задумчиво произнес цесаревич Николай, – и тогда мне придется царствовать, но не править. Как это сейчас модно говорить: «бабло побеждает зло», правильно?

– Нет, неправильно, – сухо проронил Государь, – государство, живущее по такому принципу, обречено на гибель. Там, где «бабло», как изволит выражаться твое поколение, «побеждает зло» – оно побеждает не только зло, оно побеждает и честь, и достоинство, и верное служение. Не все измеримо «баблом», и не все можно купить за «бабло». Впрочем, довольно об этом. Я хочу спросить, какие у тебя планы на будущее?

– Планы? – цесаревич пожал плечами. – Думаю, они несовместимы с твоими. Вернуться в часть, верней, в то, что от нее осталось. Служить дальше. Наше знамя осталось с нами – значит, и дивизию мы возродим. Пусть даже из пепла.

– Ошибаешься, – сказал Государь, – это как раз в моих планах. Сегодня я подписал высочайшее повеление на этот счет. Шестидесят шестая десантно-штурмовая дивизия приобретает статус придворной и перебазируется под Санкт-Петербург, где включается в состав частей лейб-гвардии. Тебе, после выздоровления, конечно, надлежит подобрать место для ее дислокации – не дальше пятидесяти километров от Царского села.

– Для чего? – цесаревич скривился, как будто от боли. – Я же просил... Я обычный офицер армии, и не стоит...

– Стоит! – возвысил голос Государь. – Как раз стоит! Ты не просто офицер, ты будущий государственный деятель и Император Всея Руси! Это – твой крест, твое служение, и ты не смеешь забывать о нем!

Цесаревич угрюмо молчал.

– Как ты считаешь, – спокойнее спросил Император, – все закончилось?

Цесаревич поднял голову, посмотрел на отца, с удивлением отметив, как тот сдал за последнее время. От нестарого еще, подтянутого мужчины, умевшего нравиться женщинам, не осталось и следа – теперь перед ним был пожилой, отягощенный проблемами, требующими немедленного решения, человек.

– Что им еще надо?

– Что надо? Им надо уничтожить нас, – ответил Государь, – и не за то, что мы что-то совершили или что-то умышляем против них, нет. Просто у нас есть богатая земля, трудолюбивый народ, мы слишком большие и сильные. Мы существуем, мы сильнее их – и это достаточный повод для того, чтобы желать нам гибели.

– Почему бы тогда не уничтожить их?

– Потому что в таком случае мы станем такими же, как эти люди. Если ты победил, но стал при этом негодяем – в чем смысл такой победы? В том, чтобы стать негодяем? В том, чтобы одним негодяем на Земле стало больше? Я не хочу становиться негодяем, уподобившись им. А ты должен готовиться принять власть – потому что в любой момент это может потребоваться.

Цесаревич невольно вздрогнул, взглянул на отца – тот был спокоен и тверд, как всегда.

– Они попробовали нас на прочность. Всех нас. Они напали на нас – и получили такой урок, который запомнят надолго. Возможно, до того, как враги осмелятся напасть снова, пройдет лет семьдесят, а скорее всего, меньше. Но кое-что они попытаются сделать и раньше. Ты читал «Конец эпохи ядерного сдерживания» фельдмаршала Лотиана?

– Нет.

– А должен был. Куда интереснее, чем полевой устав, и этим ты и займешься, когда выйдешь отсюда. Фельдмаршал Лотиан умный и прозорливый полководец, он нашел слабые места

в концепции гарантированного ядерного взаимоуничтожения, которая уже несколько десятилетий не дает свершиться новой большой войне. Он написал, что если в стране вооруженный мятеж и гражданская война, если ее самодержец убит – то никто не сможет нажать на ядерную кнопку, и эту страну можно брать голыми руками. Индивидуальный террор в сочетании с молниеносными ударами по жизненно важным точкам обреченной страны – вот новая концепция ведения войны Британии. САСШ пока ничего не хотят слышать, идут даже разговоры о коалиции между нами и САСШ по совместной разработке астероидного пояса¹ – но это пока только слова. Коалиция была бы чрезвычайно выгодна, прежде всего для самих САСШ – но ей не дадут свершиться. Помимо публичной власти в САСШ, которую они считают демократической, есть и тайная власть – власть старых европейских денег. Прежде всего это деньги британцев и бежавших из страны французов – и они разрушат все коалиционные планы, с Россией им нужна война, а не мир.

Цесаревич что-то хотел сказать, но Государь предостерегающе поднял руку.

– Дослушай до конца. В мире беспокойно, и с каждым днем становится все беспокойнее. Африку так и не удалось окончательно замирить, а у Германии не хватит сил, если та взорвется. Британцы этому взрыву, конечно же, помогут. Персия, хотя и является нашим протекторатом и партнером по нефтегазовому картелю – одновременно закрывает глаза на радикальный ислам, направленный против нас. Шахиншах готов за деньги приютить кого угодно, лишь бы это не было направлено против него самого. Италия и Австро-Венгрия слабеют, за их колониальное наследство развернется нешуточная борьба. Япония посматривает на нашу Сибирь, им мало половины Сахалина и островов, они хотят захватить как можно больше, хотят выбить нас из Порт-Артура, аннексировать Желтороссию². Наступает эпоха войн – и мы должны быть к этому готовы. Шестьдесят шестая десантная передислоцируется в Санкт-Петербург, в течение года-двух нужно ее подтянуть до уровня дивизии особого назначения. Случись что со мной – ты должен будешь принять власть. И во власти – ты окажешься менее уязвим, чем я. Армия заслуженно считает тебя героем, в шестьдесят шестой дивизии ты легенда. Какой бы мятеж или переворот ни был инспирирован из-за рубежа – армия не пойдет против тебя, потому что ты – ее часть, один из тех офицеров, на которых нужно равняться. Поэтому в случае с тобой концепция фельдмаршала Лотиана не сработает.

Цесаревич молчал.

– Подумай над тем, что я тебе сказал. Как мы говорим – с нами Бог, за нами Россия? Так вот, за тобой и в самом деле – вся Россия, и ты в ответе за нее, теперь уже не меньше, чем я. А фрукты съешь все. Тебе надо быстрее поправляться...

¹ Разработка астероидного пояса – в этом мире космические технологии развивались быстрее. В 90-е годы уже стоял вопрос о том, чтобы исследовать астероиды на предмет наличия в них цветного металла и, если исследование показывало, что металла там много и разработка рентабельна, буксировать его, переводить на околоземную орбиту и там добывать этот металл. Проект этот был вполне реален и окупаем, в отличие от бессмысленных полетов на Луну.

² Желтороссия – так называлась территория, находящаяся под русским протекторатом в Китае – современная Маньчжурия и еще кое-что.

Картинки из прошлого

06 сентября 1992 года.

Палермо, Сицилия

Маленький турбореактивный самолет «Лир», высвистывая моторами нудную тягучую мелодию, заходил на посадку в аэропорту Палермо «Фальконе и Борселлино», и два его пассажира прильнули к иллюминаторам, во все глаза рассматривая окрестности. Аэропорт был расположен у подножия огромной горы, самолет на фоне горы казался карликовым – этакая белая точка на широком полотне коричнево-серого базальта. Точка быстро снижалась, стремясь коснуться колесами пыльной бетонной полосы, пассажиры восторженно наблюдали проносящиеся совсем недалеко от иллюминаторов горные склоны, понимая, что видят самую вечность...

Самолет зарулил к единственному современному и ухоженному зданию в этом аэропорту – поблескивающему стеклом бизнес-терминалу. Обычно прилетевших сюда на своем личном самолете бизнесменов-итальянцев встречала кавалькада машин, пропущенная прямо на летное поле – патриотичные и состоятельные итальянцы из машин предпочитали представительские «Ланчия» и «Альфа-Ромео». Цвет предпочитали обычно не черный, как русские и североамериканцы, не серый, как германцы, а темно-синий. Но этот самолет никто не встречал, его даже в полетный план внесли за день – хотя обычно вечно спешащие бизнесмены и купцы так и делают. Как только самолет замер на положенном ему месте, дверь, ведущая в пассажирский салон самолета, откинулась, превращаясь в удобный трап. Из самолета вышел один из пассажиров, осмотрелся по сторонам и неспешно отправился в здание бизнес-терминала. Пешком...

Человеку этому было на вид лет сорок. Крепкий, коренастый, среднего роста, с тонкими седыми усами, короткой стрижкой и постоянно шныряющими по сторонам глазами, тепла в которых было не больше, чем в выброшенных прибоем на пляж окатанных волнами гольшах. Черные, поблескивающие, никогда не остающиеся без движения глаза, по которым прочесть мысли этого человека было совершенно невозможно. Одет он был в неприметный, недорогой серого цвета костюм, в руках держал кейс.

Таможенный контроль в бизнес-терминале – совсем простой и примитивный. Для итальянцев понятие «уважаемый человек» – не пустой звук, а для сицилийцев – тем более. На контроле вошедший предъявил новенький, в темно-синей обложке с золотистым гербом британский дипломатический паспорт на имя Найджела Мартина, и его, как это и полагается по Венской конвенции, пропустили без досмотра. На плохом, с сильным акцентом итальянском человек попросил подвезти его до основного здания аэропорта, что и было незамедлительно выполнено – ради таких случаев в бизнес-терминале всегда держат несколько легких тележек на электротяге, похожих на те, которые используют в гольф-клубах, только с полностью закрытой кабиной.

В аэропорту Палермо человек никогда не был – но, войдя в него, сориентировался мгновенно и подошел к стойке «Hertz rent a car», оформленной в фирменные серый и черно-желтый тона. Расплатившись корпоративной карточкой Visa (здесь лучше было платить так, наличными всегда платила мафия) от банка Бэринг Бразерс, взял напрокат пожилую серую «Альфа-Ромео» – пожилую, это относительно, в прокатных фирмах совсем старых машин не держат. Шесть лет – довольно большой срок для прокатной машины с ее громадным пробегом и сменяющимися за рулем водителями – поэтому прокат ее обошелся совсем недорого.

Но для понимающего человека прихотливый герб «Альфа-Ромео» на капоте значил многое – эти машины, седаны и купе, отличались отменной управляемостью и мощными, полугоночными двигателями, при этом стоили дешевле германских. Такая машина, если не раскрашена в яркие, столь любимые итальянцами цвета, весьма незаметна и при этом позволяет как догнать любую машину, так и самому уйти от погони...

Расплатившись за три дня аренды (если решите продлить, сэр, не извольте беспокоиться – мы принимаем оплату через любой банк, кредитными картами и через Интернет...), британец лихо проскочил паркинг, заодно опробовав ходовые качества машины, и, оставшись ими доволен, подкатил к ведущим на летное поле воротам. Несколько минут переговоров с важным, толстым, усатым карабинером закончились тем, что из рук в руки перекочевала бумажка в пять британских фунтов, а ворота для прокатной серой «Альфы» открылись. «Уважаемых людей» здесь уважали, особенно тех, кто готов был платить за то, чтобы его уважали...

Выехав на летное поле, британец дал полный газ и уже через минуту лихо, с заносом подрулил к «Лиру» с откинутым трапом. Только после этого из самолета выбрался второй человек – похожий на старого боцмана. В руках он держал глиняную курительную трубку...

– Э... Найджел, ты уверен, что этот Боливар выдержит нас двоих? – спросил второй британец, подозрительно осматривая поданное к трапу транспортное средство.

– Она и четверых выдержит, сэр, это вторая фирма в мире, выпускающая полугоночные машины в больших количествах, после MG, естественно, сэр... Она не подведет.

– Ну, раз так...

Вообще, машина была четырехместной и четырехдверной, но перенести длительную поездку на заднем сиденье взрослому, средней комплекции мужчине, не получив при этом острого приступа радикулита, вряд ли было под силу. Поэтому сэр Колин, покряхтывая, влез на переднее пассажирское сиденье – как и в любой полугоночной машине, в этой роли выступало спортивное сиденье с минимумом удобств и максимумом боковой поддержки, пристегнулся четырехточечным ремнем безопасности, бросил на колени старый потертый «дипломат» и в следующую секунду едва не проглотил язык – так лихо водитель взял с места...

– Найджел... Ты вроде должен охранять меня, а не убить... Не забывай об этом...

– Нужно поспешать, сэр... – отозвался водитель.

Почти не снижая скорости, машина вылетела на шоссе – таможенник, прикарманивший до этого пять фунтов, с радостью поднял перед приближающимся на скорости серым болидом шлагбаум...

Сам аэропорт «Фальконе и Борселлино» располагается в десятке километров западнее Палермо, на самом берегу моря, а до Палермо и дальше, туда, куда было необходимо добраться двум прилетевшим на «Лире» британцам, вела одна из красивейших автострад мира – E90. Она шла по всему сицилийскому побережью и пресекалась только в самом Палермо – часть скоростной автострады, проходящая в городской черте Палермо, считалась городской улицей и носила название «Норд-Квест»...

Первое, что бросалось в глаза в Сицилии, – это дороги. Дороги здесь идеальные – широкие, скоростные, бетонные, постоянно ремонтируемые – лучше, чем в любой столице мира. Бьющим в глаза контрастом с ними была беспросветная нищета поселков и маленьких городков – грязь на улицах, вольготно лежащие в лужах свиньи, бродящие в поисках съестного козы, чумазая, играющая тут же ребяшня. Даже в городах особого богатства не наблюдалось – любому, кто приезжает на Сицилию, в любом небольшом городке в старых кварталах бросаются в глаза обвивающие дома трубы, с которых капает вонючая вода – таким образом отводятся нечистоты. Хорошо, что не по открытым канавам, как было раньше...

Из этой нищеты не было выхода. Сицилия вообще не так уж богата от природы – бедная, каменистая, сложно обрабатываемая почва не дает щедрого урожая, хорошо растут только виноградники, поставляющие особое, красное, терпкое и насыщенное вино. Приличный улов

можно взять в территориальных водах, поэтому все прибрежные городки и деревеньки – сплошь рыбацкие (заодно и контрабандистские). Но на Сицилии людей было намного больше, чем могла прокормить земля этого острова, итальянки вообще рожали много, и путь у многих был один – в мафию. Мафия здесь не просто пустила корни – здесь было ее родовое гнездо. Власти в Риме давно уже отчаялись с нею бороться, ибо во многих населенных пунктах в мафии состояли все взрослые мужчины, от первого и до последнего человека. Мафия занималась контрабандой, рэкетом, наркоторговлей, убийствами. Благодаря мафии на острове и появились такие великолепные дороги – все дело заключалось в том, что на строительство коррумпированные римские чиновники выделяли деньги, и все они шли в руки мафии. Нет, они не разворовывались – считалось грехом обкрадывать родной остров. Просто мафия держала эти деньги в обороте год, другой, покупала и продавала наркотики, увеличивала эти деньги пятикратно, а то и десятикратно – а потом пускала их на предназначенные цели, на строительство и прочее. Все это знали, но копать в этом никто не хотел. А те, кто хотел, кто не соблюдал закон молчания, давно лежали в земле, изрешеченные пулями – и здесь, в Палермо, и в Риме.

– Сэр, пригнитесь, пожалуйста... – В голосе Найджела зазвучал металл, придерживая руль одной рукой, второй он вытащил из-за пояса американский автоматический «кольт» и положил его рядом с рычагом переключения передач. – И не поднимайтесь, пока я не скажу...

– Что? – сэр Колин поспешил выполнить указание, он знал, что на острове опасно, но не думал, что проблемы начнутся вот так, сразу...

– Мне не нравятся вон те мотоциклисты, сэр, они идут прямо за нами. И они нарушают местный закон, рассекая таким образом. Сейчас мы свернем и посмотрим, что к чему.

И впрямь – в соседнем ряду, двумя корпусами дальше держался восьмисоткубовый «БМВ», переделанный для езды по городу – самая мощная европейская машина в данном классе, если не считать нового, тысячекубового стритфайтера этой же фирмы. И на нем восседали два затянутых в кожу седока, причем на голове у каждого были черные шлемы с наглухо закрытым забралом. Все в черном, на черном мотоцикле, эти люди казались посланцами смерти, а вполне возможно – так оно и было на самом деле. Несколько лет назад власти острова издали местный закон, запрещающий двум мужчинам одновременно ехать на одном мотоцикле – острословы прозвали его «законом о мотоциклистах-гомосексуалистах», хотя на самом деле проблема заключалась в том, что самым популярным способом демонстративной расправы с неудобным здесь был расстрел его из автомата пассажиром мотоцикла. Мощный, приспособленный для городской езды мотоцикл, водитель и киллер, оба в шлемах, так, чтобы потом не опознали, заполненные транспортом улицы Палермо, которые такой вот мотоцикл прошивает, как раскаленный нож масло, дешевый пистолет-пулемет, который выбрасывается в мусорный контейнер или в море после террористической акции... Так погибли судья Стампанато, капитан карабинеров Креси и многие другие – это только последние жертвы, а вообще их – сотни. Бывали случаи, когда полицейские либо охрана мафиозных донов, подозревая киллеров в каждой паре мотоциклистов, просто открывали по ним огонь без предупреждения – так погибли несколько европейцев, путешествующих на мотоцикле. Поэтому принять закон приняли, ну а кто его нарушал – тот мог потом пенять исключительно на самого себя. На Сицилии много народа, у которого «легкая гашетка».

Найджел ждал до последнего и только после того, как проскочили Виллаграция де Канини, резко, через полосу, слетел с главной Е90 на второстепенную дорогу СС113, ведущую в Капачи, под визг тормозов и разъяренные гудки других водителей. Непонятно – то ли эти мотоциклисты охотились за ними, то ли за кем-то другим, но как бы то ни было, свернуть на эту же дорогу они не смогли, и дорожный поток унес их дальше, к Палермо...

В Капачи – после этого населенного пункта можно было снова выскочить на Е90 – Найджел Мартин и сэр Колин остановились перекусить в придорожной траггории. Траггория эта представляла собой покосившуюся одноэтажную лачугу с несколькими деревянными столи-

ками под обвисшими, выпцветшими, спасающими от беспощадного солнца зонтами – но боже, как же здесь кормили! Ничего подобного местной *pasti* не ел ни один из британцев. *Pasti*, *antipasti* в виде выловленных только утром даров моря, местный лимонад со льдом из только что выжатого лимона, который еще утром висел на ветке в нескольких десятках метров отсюда. И вся обильная трапеза на двоих обошлась британцам ненамного дороже, чем ленч в каком-нибудь лондонском недорогом ресторане, после которого глотаешь маалокс и другие подобные лекарства для снижения кислотности в желудке. В качестве бонуса – пока хозяин траптории готовил, прислуживала дочь хозяина, на вид ей было лет шестнадцать. Ни один модный журнал мира не отказался бы поместить ее фото на обложке. И таких девушек в этом бедном, но гордом краю много, эта была не самой красивой среди подруг. Сэр Колин начал понимать, почему человек, навестить которого он приехал сюда, выбрал в качестве своего убежища именно этот край...

Перекусив и оставив на столе вдвое больше, чем стоил обед, британцы снова сели в машину и уже через километр вновь выскочили на E90. Мотоциклистов не было видно, а автомобильный поток уплотнялся – впереди был «Норд Квест», а дорога эта была платной...

– Сэр, может, проедем побережьем? Виа Сапмоло, Сент-Эразмо? – осведомился Найджел, пока машина, двигаясь в час по чайной ложке, подъезжала к пункту сбора оплаты.

– Ты тут бывал?

– Нелегально, сэр... Сами знаете, здесь бывают и русские, и германцы – а вот нас не жалуют...

Сэр Колин подумал.

– Нет, не стоит... Еще не хватало вляпаться во что-нибудь... Говорят, перестрелки происходят прямо в городе?

– Бывает и такое, сэр, но редко. У донов заключено соглашение: в городе не воевать, все разборки – за городом. Многие там живут, у многих – семьи, дети, для итальянцев это священо. Они не такие уж злодеи, сэр, просто они не такие, как мы. У них есть понятие *l'onore*, честь – и это священо для каждого сицилийца. Любой сицилиец скорее умрет, чем потеряет свою честь...

– Тем не менее убивают они друг друга частенько, мой мальчик... – философски, как старый, пожилой и умудренный опытом человек, заметил сэр Колин.

Найджел промолчал.

Расплатившись на пропускном пункте, британцы поехали по «Норд Квест» – здесь были городские ограничения скорости, но их никто не соблюдал, а дорога была ничуть не хуже федеральной E90, позволяла держать скорость далеко за сотню. По левую руку мелькали жилые кварталы Палермо вперемешку с промышленными – это был единственный город на Сицилии, где имелась хоть какая-то промышленность. Здесь даже автомобильный завод был, от компании «ФИАТ»...

Машины попадались самые разные, в основном двух крайностей – либо небольшие, итальянцы вообще обожают небольшие автомобили с их-то городской теснотой, либо, наоборот, шикарные. Прямо перед ними катила чисто мафиозная машина – серая «Ланчия Тема» с шестицилиндровым мотором от «Феррари». Часто такие машины бронировались, но бронирована ли эта – понять не удалось бы. Эскорта у машины не было, здесь это не принято. Только самые авторитетные доны, члены Копполо³, позволяли себе эскорт из машин. А если какой-нибудь выскочка из менее авторитетных решится на подобное, – это уже повод для убийства. Каждый должен знать свое место.

Быстро проскочив по «Норд Квесту», у Чиавелли вновь вышли на E90, тут уже плату не собирали. Теперь дорога вновь пошла по самому берегу, через Кастельдаччия, туристическую

³ *Копполо* – купол, высший совещательный орган мафиозных группировок.

Термини Имереса и дальше, на Катанию – второй по величине город Сицилии, край рыбаков и контрабандистов. Но до Катании им ехать было не нужно...

Картинки из прошлого

20 мая 1993 года.

Зона племен, провинция Нангархар.

Афгано-британская граница

И хотя здесь не было суровой зимы, с морозами и ледяными ветрами – горы все равно чувствовали весну. Горы просыпались. Пели птицы, на склонах гор весело зеленели поля конопли – конопля являлась едва ли не единственным источником дохода местных крестьян, все сильнее пригревало солнышко. Неизменным оставалось только одно – дорога. Великий путь, по значению не уступавший Шелковому, проходил через эти места, кормя всех, кто желал от него кормиться. Движение на дороге не замирало ни днем, ни ночью, и даже прошлогодние ракетные налеты не озлобили людей. Русские били только по военным объектам и по лагерям подготовки боевиков, – а они здесь пользовались такой славой, что если где-то организовывался подобный лагерь, то в соседних кишлаках начинали готовиться к уходу на другую землю. Те, кто обучался в лагерях, были дикими и жестокими людьми. Коран они признавали только на словах, а единственным правосудием для них был автомат. Автомат да местный амир – не менее жестокий, чем они сами. Торговать с лагерями было выгодно – всем требовалась еда и одежда, заодно и наркотики, а вот жить рядом с ними было невыносимо. Когда русские одним махом избавили местных от большинства таких лагерей – при этом на мирные кишлаки не упала ни одна ракета, – местные племенные вожди поняли это и оценили. Но лагеря восстанавливались. Снова и снова в эти края приходили люди со злобой в сердце и фанатичным желанием убивать – но до того, что здесь творилось в предыдущие годы, было очень далеко...

Темно-зеленый внедорожник с закрытым кузовом остановился у мадафы, пристроенной к местной мечети, в самом центре небольшого селения, расположенного в двадцати километрах западнее Джелалабада. Водитель какое-то время медлил, осматривался, но потом открыл хлипкую, сделанную из дерева (в Индии часто весь кузов машины делали из дерева) дверь и одним ловким прыжком выскочил наружу.

Выглядел этот человек, как типичный местный житель, зажиточный – во всяком случае, не так, как русский, на русского он был не похож совершенно. Среднего роста, довольно молодой, чернявый, загорелый, с длинной бородой. Одет он был скорее не как пуштун, а как хазарец: в холщовые, из хорошей ткани брюки – тамбон, широкую хлопчатобумажную рубаху – пиран и теплую безрукавку поверх нее – воскат. Все-таки здесь было довольно холодно, особенно по ночам. Чалму он накручивал так, как и подобает истинному мусульманину. В руках человек держал пухлый портфель черной кожи, такие обычно носят британские доктора, которые в этой глубинке совсем и не бывали...

Оставаясь у машины, человек огляделся. От его внимательных глаз не укрылось ничего – ни старый, потрепанный грузовик, почему-то незагруженный и стоящий так, чтобы при необходимости перекрыть выезд с площади. И трое в тяжелой, плотной одежде, какую носят местные горцы, с винтовками «Ли-Энфильд», которые здесь еще в ходу. Но самого главного не было – знака опасности, знака отмены операции. Местные обязательно оставили бы его, если бы здесь появились британцы, если бы встреча провалилась. А это значит – можно идти.

Войдя в мадафу, человек резко остановился – два ствола были направлены на него, пистолет «маузер» и пистолет-пулемет «BSA». Люди, которые их держали, без сомнения пустят оружие в ход, если появится необходимость в этом.

– Мир вам, именем Аллаха, – спокойно произнес гость. – Разве так в вашем народе принято встречать вошедшего в дом путника?

– И тебе мир, путник, – сказал автоматчик, не опуская, однако, своего оружия. – Что привело тебя в наши края?

– Дороги, ведущие к Аллаху, трудны и опасны, – ответил «доктор», – но я не из тех, кто сидит с сидящими.

– Проверь его, – кивнул автоматчик.

Второй, с «маузером», засунул оружие за пояс, наскоро и довольно непрофессионально обыскал пришельца, заглянул в портфель. Али отметил про себя, что хотя оружия у него не было – выхватить торчащий за поясом у того, кто его обыскивал, «маузер» и отправить их обоих к Аллаху – дело пары секунд, не больше. Но он приехал сюда не за этим.

– У него ничего нет, – закончив обыск, провозгласил второй.

Автоматчик отступил в сторону, давая гостю дорогу...

Помимо зала, а он в этот час был полон вооруженными людьми, было еще небольшое помещение, имеющее два выхода – в мечеть и в мадафу. Именно там гостя ждал полновластный хозяин сих мест, один из наиболее авторитетных пуштунских племенных вождей, шейх Дархан – высокий, наголо бритый человек лет шестидесяти. Несмотря на свой возраст, человек этот мог согнуть руками стальной лом и удовлетворить за ночь не одну женщину из своих наложниц. Помимо этого, шейх любил и умел воевать – его опасались даже британцы. Такие люди, как шейх, были основной причиной того, что британцы так и не осмеливались снова сунуться в Афганистан и захватить его силой, выйдя таким образом на границу с Российской империей. И это несмотря на то, что Афганистан находился в британской зоне влияния...

По правилам пуштунского гостеприимства гостю предложили чай и постную лепешку – гость здесь священен.

– Мир тебе, путник! – прогудел шейх, голос его был гулким и громким, как рев быка. – Что заставило тебя искать встречи со мной?

– И вам мир, именем Аллаха, уважаемый шейх, – пришелец поклонился, прижав руку к груди, как это здесь принято, – я пришел сюда, чтобы предложить помощь вам и вашему многострадальному, разделенному границей народу. Любой пуштун, беден он или богат, прежде всего свободен, так гласит «Пуштун-Валлай»⁴. Но как вы можете говорить о свободе, когда несвободны ваши братья по крови и по родству, что находятся по ту сторону границы?

– Кто ты, путник? – спросил шейх. – Ты осмеливаешься говорить дерзкие речи!

– Я из тех, кто приходит с севера, шейх, – просто ответил Али.

Такого ответа шейх не ожидал – он задумался, поглаживая длинную, смоляную бороду.

– Ты не похож на тех, кто приходит с севера. Больше ты похож на одного из нас. Да и те, кто приходит сюда с севера, обычно приходят с оружием в руках.

– Я турок по рождению, – гордо ответил человек, – но я подданный Белого Царя и воин его великой армии. У меня нет оружия, мое оружие – слово.

– Мой отец побывал на севере... – задумчиво проговорил шейх. – Он говорил, что там расположена огромная страна, что она столь велика, что ее не проехать ни за день, ни за два, ни даже за неделю. И во главе ее стоит Белый Царь, справедливый и мудрый, пекущийся о благе своего народа...

⁴ Кодекс чести пуштунов.

– Сейчас, когда есть самолеты, путешествовать по моей стране можно намного быстрее, – с усмешкой ответил Али, – но она и впрямь велика и могуча, хвала Аллаху. И про Белого Царя ваш отец сказал совершенно верно.

– Ты правоверный? – сразу отреагировал на славицу Аллаху шейх.

– Да, я правоверный, и скоро настает время намаза. Вы позволите совершить намаз вместе с вами, шейх?

– Отказать правоверному в его желании обратиться с мольбой к Аллаху – страшный грех, тот, кто это сделает, вымостит себе дорогу в ад камнями величиной с гору. Но разве Белый Царь позволяет правоверным открыто совершать намаз?

– Белый Царь, хоть и не является правоверным, но уважает истинную веру. Ни один подданный Белого Царя не испытывает неудобств из-за того, что он правоверный.

– Англизы говорят другое...

– Англизы лгут, – безапелляционно заявил Али Халеми. Разумеется, у него здесь и сейчас было другое имя, но это был именно Али Халеми, капитан русского военно-морского спецназа, направленный сюда для выполнения специального задания. – Англизы лгали вам всегда, они стравливали и стравливают наши народы годами и десятилетиями. В той стране, откуда я родом, никто не преследует за веру. Господь един, и каждый вправе обратиться к Богу по вере своей.

– Ты красиво говоришь, незнакомец, – было видно, что шейх не уверен в собственной правоте, – но как же быть с тем, что подданные Белого Царя убивали наших братьев по крови и вере? Это происходило совсем недавно, незнакомец...

– Я был там, эфенди! – спокойно и твердо произнес Али. – Я сражался за свою землю с оружием в руках, я защитил ее и горжусь этим! Возможно, при этом я убивал и правоверных, и даже пуштунов, если они там были! Но разве кодекс «Пуштун-Валлай» не говорит о том, что каждый взрослый мужчина должен с оружием в руках встать на защиту родной земли, если на нее пришли захватчики?

– Ты убивал наших! – Тот, кто его обыскивал, схватился за рукоять «маузера» и замер, остановленный взглядом шейха Дархана...

– Твои дела опережают твои мысли, Абдалла, – веско проговорил шейх, – и это плохо. Смири коня гнева своего уздечкой благоразумия. Изволь уважать своего врага, ведь настоящий воин уважает даже своего врага, если тот достоин уважения. «Пуштун-Валлай» – это кодекс чести, и любой мужчина имеет право жить по нему, даже если он и не брат нам по крови. Ты прав, незнакомец, ты правильно поступил, взяв в руки оружие, когда на твою землю пришли враги. Но и мы правы, когда хотим получить кровь за кровь, пролитую нашими братьями на твоей земле.

– Но разве ваши братья сражались за свою землю, шейх? Разве ваша земля свободна и за нее не нужно сражаться? Разве ваш народ не разделен границей? Если вы боитесь сразиться с англизми, чтобы освободить *всю* свою землю, почему же вы обвиняете меня в том, что я не боюсь воевать за свою землю, эфенди?

Тяжелое молчание повисло в душной, темной комнатке...

– Чего ты хочешь, незнакомец? – спросил, наконец, шейх Дархан.

– Я пришел, чтобы сказать вам: хотя ваши мужчины взяли в руки оружие и пришли с ним на нашу землю, Белый Царь не держит на вас за это зла, он знает тех, кто злоумышлял против него. Даже когда он приказал отомстить за свой народ и свою землю, то приказал бомбить только военные базы и лагеря душманов, ни одна бомба, ни одна ракета не упала на мирные кишлаки. Белый Царь готов помочь вам освободиться от власти англизмов и воссоединиться всему пуштунскому народу в единых границах, он готов дать вам деньги и оружие. Хорошее оружие, и его будет очень много.

– А что понадобится Белому Царю взамен? – недоверчиво спросил шейх Дархан.

– Белому Царю ничего не нужно от пуштунского народа, у него и так достаточно подданных. Он хочет, чтобы вы наказали лживых и подлых англизгов, клявшихся ему в мирных намерениях, а потом вероломно посягнувших на его землю и его народ.

Шейх задумался. Здесь и сейчас решалось очень многое. Англизы действительно лживы и подлы, в то же время его отец рассказывал, что те, кто живет на севере, не такие, что они – честные люди и достойные уважения воины. Кодекс «Пуштун-Валлай» позволял брать деньги за кровь в качестве выкупа, а тут предлагают даже не деньги – оружие, которое пойдет на правое дело. Возможно, что и рассказы англизгов про то, как правоверных угнетают в империи Белого Царя – тоже ложь, ведь лжец не может не лгать. И шейх принял решение...

– Ты говорил, что ты правоверный, незнакомец...

– Ля илляхи илля Лляху Мухаммед расуль Аллах⁵, – произнес гость шахаду, подтверждая свою веру...

– Тогда мы вместе с тобой совершим намаз. И после этого я сообщу тебе свое решение. Скажи, как обращаться к тебе?

– Меня зовут Карим.

⁵ Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его.

Картинки из прошлого

06 сентября 1992 года.

Монтемаджоре Белсито, Сицилия

В пункт их назначения вела дорога чуть похуже, но тоже приличная. Монтемаджоре Белсито – одна из тех захолустных деревень, в которых проживает несколько сотен жителей и которые составляют саму суть этого сурового края. Старинные, сложенные из камня дома. Небольшая деревенская площадь с обязательным католическим приходом и тракторией, перед которой целыми днями сидят старики, режущиеся в трик-трак. Жители, у которых *omerta*, закон молчания, впитывается с молоком матери. Женщина здесь не покажет полицейскому, кто убил ее мужа, отец не покажет на убийцу сына. С ними разберутся потом. Сами. Если смогут. А если не смогут – значит, так тому и быть...

Старенькая «Альфа» пробиралась по узкой, ведущей к площади улице, и по мере ее приближения к центру жизнь в поселке замирала – захлопывались ставни, с улиц исчезали играющие дети, замолкали даже собаки. Все дышало какой-то неосознанной опасностью...

– Стоп! Давай немного назад!

«Альфа» сдавала назад, чтобы не светиться на площади, где сейчас разыгрывалось представление...

На площадь вели две дороги – одна от Алиминоса, по которой в селение и въехала «Альфа», вторая – от Понте Агостинелло, с противоположной стороны, двумя километрами дальше. И вот как раз с той стороны и появился величественно въезжающий сейчас на площадь массивный черный «Даймлер», выпуска годов пятидесятих. На аукционе автомобильных раритетов такая машина была бы, без сомнения, по достоинству оценена знатоками – как же, лимужин заводского изготовления, такие вообще делали штучно. Здесь, в бедной и заброшенной сицилийской деревушке, такая машина смотрелась дико – не менее дико, чем, допустим, летающая тарелка.

– Еще назад сдай...

Величественно, со скоростью километров десять в час, «Даймлер» обогнул всю площадь, почти не покачиваясь на неровностях, подкатил к выбеленному зданию обычного для такой глубинки церковного прихода. Найджел взял в руки пистолет, хотя понимал, что случись что – и пистолет не поможет. Местные жители в разборке местных с неместными всегда помогут местным – просто потому, что они сицилийцы. Возможно, когда-нибудь их обгоревшую, изрепеченную пулями «Альф» найдут недалеко отсюда в ущелье – с двумя сгоревшими до костей трупами на переднем сиденье. А возможно, и никогда не найдут. Такова суровая правда жизни – они были посланцами величайшей в мире империи, над которой не заходит солнце, но здесь и сейчас это ровным счетом ничего не значило. Здесь они были просто людьми, убить которых так же несложно, как и любых других людей.

Первым из «Даймлера» выскочил водитель – он был одет в комбинезон на голое тело – так здесь одеваются бедные крестьяне. При взгляде на него почему-то приходила ассоциация с бычком – такой же крепкий, упрямого вида, взгляд исподлобья. В руках у парня страшный на ближней дистанции, двустольный обрез *lupa*, любимое оружие сельской мафии, которая не признает автоматы. Заряжены такие обрезы бывают крупной дробью, пересыпанной солью,

чтобы доставить жертве как можно больше мучений перед смертью. Стреляли здесь обычно в живот и бросали умирать под палящим солнцем...

Вторым с переднего пассажирского кресла выбрался такой же добрый молодец, только без лупары – он открыл заднюю дверь справа и помог выбраться из машины полному, даже толстому, тяжело дышащему старцу с седыми волосами, при ходьбе хромающему и опирающемуся на палку. При появлении старца затихли даже старики у траптории. Одет был этот старец в совершенно неуместный на жару черный шерстяной костюм. Поддерживаемый молодым спутником, он проковылял к двери церковного прихода и зашел внутрь, водитель с обрезом остался у машины, бросая недобрые взгляды на перекресток с замершей на нем «Альфой». Найджел мог снять его меньше чем за секунду из пистолета, но что тогда делать дальше?

– Наши действия?

– Ждем... – сказал сэр Колин.

Старик пробыл в приходе около часа, за это время никто туда не входил и не выходил – видимо, то ли уважали старика, то ли боялись нарушить его уединение. Наконец, поддерживаемый тем же молодцем, старик появился на пороге прихода, огляделся по сторонам, махнул кому-то рукой, сел в машину. Снова на малой скорости описав круг по деревенской площади, машина исчезла в том же направлении, откуда приехала.

– Вот теперь наша очередь, – довольно заключил сэр Колин, – только помни, что бы ни происходило, не делай глупостей и не торопись со стрельбой. Здесь это не пройдет...

В здании рагоссia было на удивление прохладно для такого жаркого дня, яркое солнце лилось через стеклянные витражи, разбиваясь цветными пятнами на деревянном полу. Здесь все было деревянным – грубо сколоченные скамьи для прихожан, деревянный крест с распятым на нем Иисусом, в окружении завядших живых цветов Дева Мария с младенцем – итальянцы почитают ее больше всего. Было тихо, воздух казался прозрачным, в лучах света лениво кружились пылинки...

Сэр Колин, кряхтя, прошел к исповедальне – судя по метке, там был священник, а больше в приходе никого и не было. Откинул тяжелую тканую портьеру, забрался в узкую и тесную, душную деревянную кабинку, присел на небольшую, низко расположенную скамейку, неловко подогнул под себя сразу начавшие болеть ноги. Пригнувшись, приник губами к деревянной решетке...

– Падре, исповедайте меня, ибо грешен я и грешен тяжко...

– Ты действительно грешен, Колин, – раздалось в ответ, – и вряд ли даже я смогу отпустить грехи такому вероотступнику и грешнику, как ты. Для этого тебе нужно ехать в Ватикан и исповедоваться перед самим папой. Но вряд ли папа примет исповедь у вероотступника. Так зачем же ты ищешь отпущения грехов у меня, а не у протестантского пастора?

– Кроме моей воли, есть воля тех, кто выше меня – и вам, падре, это должно быть известно, как никому другому.

– Так ты, значит, пришел в храм Божий не по своей воле, а по воле тех, что выше тебя? Как же ты можешь надеяться на отпущение грехов, если сам не веруешь?

– Неисповедимы пути Господни, и у каждого своя дорога в храм...

– И дорога из храма тоже у каждого своя. Какую предпочитаешь ты?

– Вы не остановитесь перед тем, чтобы осквернить дом Божий пролитой здесь кровью, падре?

– Ну, тебя подобная ситуация никогда не останавливала, Колин. Да и меня, признаюсь, тоже. Раз ты не веруешь, не принадлежишь к Римской католической церкви – значит, и в исповеди моей не нуждаешься. Так что давай не будем оскорблять притворством Господа нашего и поговорим как разведчик с разведчиком, пусть и бывшим...

Первым выбрался из исповедальни сэр Колин, вторым – святой отец, служащий здесь. Невысокий, одетый в скромную сутану, но живой, подвижный, со смеющимися, обманчивыми серыми глазами и загорелым лицом. Священнику было не меньше шестидесяти лет...

Тем временем Найджел привел в боевую готовность свое основное оружие. Обе половинки чемодана лежали на полу, а Найджел, укрывшись за одной из скамеек, целился из североамериканского автомата «Colt Commando» в стоящих у самого входа в церковь троих итальянцев. Из оружия у них были две лупары и североамериканский шестизарядный револьвер. У автомата, там, где обычно на ствольной коробке крепится прицел, имелось какое-то странное приспособление, заканчивающееся ручкой от «дипломата». Такие «дипломаты» использовали спецслужбы и телохранители: с виду обычный атташе-кейс, но стоит только нажать на неприметную кнопку на ручке – обе половинки «дипломата» отлетают в стороны и у тебя в руках оказывается готовый к бою автомат...

– Томазино! – повысил голос святой отец. – Все нормально! Не глупи!

Один из итальянцев, здоровяк под два метра, опустил лупару. То, что на него нацелен автомат, его никак не пугало...

– Найджел, все нормально. Отбой, – сказал и сэр Колин.

Спецназовец опустил автомат, но по-прежнему остался за укрытием...

– Все нормально, падре? – спросил по-итальянски Томазино, его голос был глухим, как будто он говорил в бочку.

– Нормально. Пусть Винченцо и Оноффрио уйдут, у них есть дела и без этого. Ты можешь остаться.

Двое других итальянцев, статью не слишком уступающие великану Томазино, пятясь, выбрались из прихода.

– Окормляете мафию, падре? – с убийственным британским сарказмом в голосе поинтересовался сэр Колин.

– Это не мафия, – спокойно возразил священник, – лучше называть их *onorato societe*, Общество Чести. Как бы то ни было, Колин, у каждой паствы должен быть свой пастор, и у каждого верующего свой путь к Богу. А они верят. Искренне. И знаешь что, Колин... У них действительно имеется честь. В отличие от нас – чести у нас давно уже нет, хоть мы и считаемся аристократами по крови. Что тебе понадобилось на сей раз?

– Меня прислали... передать привет. От сэра Энтони. Совет мудрецов хочет, чтобы вы вернулись и возглавили службу... – опустив голову, произнес сэр Колин.

Священник внезапно... расхохотался. Искренне и заразительно, он даже присел на скамью.

– Очаровательно... – проговорил он, давясь смехом, – просто очаровательно. Наши мудрецы, на которых, как всегда, довольно простоты, в своем репертуаре. Послать тебя, нынешнего директора, предложить мне, бывшему директору, вновь возглавить службу. Интересно, они понимают, что униженный человек, имеющий доступ к широкому кругу секретной информации, с легкостью найдет себе моральное оправдание своих поступков, когда будет продавать ее русским или германцам? В чем же ты так провинился, Колин?

– Ты читаешь газеты, Джеффри?

– Очевидно, речь идет о недавних событиях в Бейруте, – прищурился священник. – Читаем, как же, читаем...

– Операция полностью провалилась. Последствия тяжелейшие. Разгромлена вся разведсеть. Русские за время военного положения повесили и расстреляли больше пяти тысяч человек за участие в террористических действиях и вооруженном мятеже. Это не считая тех, кто погиб в боях с десантниками и моряками русских. Потеряно то, что было достигнуто годами подготовки, Аль-Каиду придется создавать заново – с нуля. Погибли военнослужащие ВМФ САСШ, уничтожена их подводная лодка, североамериканцы теперь ведут сепаратные перего-

воры с бывшим противником. Тяжело поврежден наш авианосец. Ему предстоит как минимум шесть месяцев дорогостоящего ремонта. Потерян бейрутский резерват, русские нас туда больше не пустят. И последнее – военная инфраструктура в Британской Индии разгромлена недавними ракетными ударами, боеспособность группировки снижена на пятьдесят процентов. В то же время в России вместо разброда и шатания – невиданный подъем патриотизма, люди записываются в армию, проходят патриотические демонстрации. Либеральный митинг разогнала не полиция, как раньше, а разъяренная молодежь с палками и камнями. Объявить себя другом Британии или САСШ сейчас в России чревато – могут тут же проломить голову. Кое-кто из ультранационалистов призывает объявить Британии войну и воевать до победы, до русского флага над Биг-Беном. За это кто-то должен отвечать...

– И решили, что отвечать будешь ты... Великолепно. Сами же они остаются, как всегда, чистенькими и непогрешимыми, парящими в эфире высших сфер. Великолепно, просто превосходно...

– Твой ответ, Джеффри?

– Мой ответ? Конечно же, нет. Я не собираюсь возвращаться в метрополию, чтобы сменить тебя на посту мальчика для битья. Нет уж...

– А ты не опасаясь? Ведь старики не привыкли к тому, что им отказывают...

– Опасаюсь? Что за ерунда. Если уж на то пошло, то смертны и наши старики... Впрочем...

Священник задумался.

– Как я понимаю, вам не терпится отомстить русским?

Сэр Колин молча кивнул.

– Достойная задача... Слишком достойная, чтобы я отказался ее решать. Но на государство я больше работать не буду, с меня достаточно и прошлого раза. Единственная возможность для вас привлечь меня к работе – частный подряд. И стоит он будет дорого, Колин...

Сэр Колин едва сдержал улыбку – именно о таком повороте событий его предупреждал сэр Кристиан Монтгомери – старый, опытный и мудрый постоянный заместитель премьера, казавшийся еще более мудрым на фоне возмутительно молодого и неопытного сэра Энтони с его нездоровыми пристрастиями. Сэр Колин вспомнил, что именно сэр Кристиан при разработке плана операции против России высказывал сомнения в ней – но решили действовать, прежде всего, под давлением нефтегазовиков, у которых истощались месторождения, и реваншистского лобби, с его идеями о мировом господстве Британии и одержимого желанием расплатиться за перенесенные унижения двадцатого года и прочее. Расплатились, называется...

– Думаю, заинтересованные лица найдут средства, Джеффри, чтобы оплатить твои услуги...

– Вот и хорошо... – Старый священник достал откуда-то из сутаны простой карандаш и небольшой листок бумаги, написал на нем несколько слов и цифр. – Именно во столько я оцениваю свое участие в разработке и реализации плана новой операции – операции возмездия. Там же – реквизиты счета, куда нужно перевести средства. Половина – вперед, после этого я начну работать. Возможно, мне потребуется несколько чистых паспортов разных стран мира и некоторое количество наличных на текущие расходы. Ни с кем, кроме тебя, я общаться не стану. И проверьте запасы терпения, господа, такие операции длятся годами. Быстро можно лишь облажать все, что вы и сделали...

– Половину вперед... Не много ли, Джеффри? – с сомнением в голосе спросил сэр Колин. – Ты ведь уже старый человек. И живешь в таком месте, где умереть своей смертью – роскошь, недоступная многим...

– Нормально. Меня здесь никто не тронет, я – слугитель Господа. Тому, кто осмелится хотя бы ударить меня, местные разрежут живот, насыпят туда соли и бросят умирать под

солнцем. Кроме того – это дополнительный стимул для вас позаботиться о моей долгой и счастливой жизни, не так ли, Колин?

– Хорошо...

– Ты привез материалы? – прищурился священник.

– Привез, – сэр Колин протянул портфель, – о секретности...

– Можно и не напоминать, – закончил сэр Джеффри.

– Сколько времени тебе потребуется?

– Несколько дней... – священник с сомнением потер подбородок, – для анализа вашего провала и выработки хотя бы минимальных контуров нового плана.

– Хорошо! – сэр Колин сделал знак Найдзелу. Вместе с Найдзелом опасно насторожился и Томазино у двери. – Ты не порекомендуешь хорошую гостиницу в Палермо?

– Зачем же Палермо? – сэр Джеффри улыбнулся, хотя глаза его при этом стали неподвижными и пустыми, словно у куклы. – В Палермо вас, скорее всего, убьют, и я потеряю работу. Томазино, насколько я помню, твоя матушка сдает комнату приезжим?

– Да, падре... – Томазино опустил голову.

– В таком случае, вот этим людям нужен приют на несколько дней. Они хорошо заплатят. И пусть с ними обращаются, как с моими гостями, скажи всем, Томазино!

– Понял, падре...

– Идите с ним, – сэр Джеффри сощурился, – там вы найдете кров и пищу, думаю, она вам понравится. И не делайте глупостей, о которых потом придется пожалеть. Всем...

Покинув прохладную тень прихода, итальянец с лупарой в руках и двое британцев вышли на исхлестанную солнечными лучами улицу, на палящий зной. Старики, игравшие в трик-трак, молча смотрели на них...

– Пойдемте, синьоры, – проговорил Томазино по – английски, причем довольно чисто, – здесь недалеко, а на улице слишком жарко.

– Ты знаешь английский? – удивленно спросил сэр Колин.

– Да, синьор. Падре научил меня, и сейчас я разговариваю на нем немногим хуже, чем на родном.

– А чему еще научил тебя падре?

– Еще он научил меня разговаривать на русском, синьор, но этот язык я знаю хуже. Падре говорит, что русский язык знать еще полезнее, чем английский...

Жилище Томазино было таким же, как остальные, может, чуть побольше. Одна его стена представляла собой каменную скалу, дом лепился прямо к ней. Внизу столовая, кухня, еще одна комната – и комнаты наверху, видимо, для гостей. Навстречу им вышла пожилая, полноватая женщина, типичная итальянка, с перемазанными мукой руками. Увидев сына, она затараторила на итальянском со скоростью станкового пулемета, но Томазино веско бросил несколько слов, и она затихла, ушла обратно в дом. Здесь одно слово мужчины стоило десятка слов женщины...

– На сколько вам нужна комната?

– Дней пять, может, семь, – пожал плечами сэр Колин, – не знаю.

– Тогда с вас пятьсот лир⁶ за комнату с пансионом в день. Еда, извините, местная...

– Это ничего, Томазино, – улыбнулся сэр Колин. – Если она такая же вкусная, как то, что я ел в придорожной траттории, я с радостью ее отведаю...

⁶ В нашем мире итальянская лира девальвирована намного сильнее, на порядок, если не больше. Просто в этом мире не было Второй мировой войны – девальвация итальянской лиры произошла именно тогда, а потом итальянцы, в отличие от других государств, не стали «убирать нули» с купюр.

12 июня 1996 года.

Белфаст, Северная Ирландия.

Touts will be shot...⁷

Touts will be shot...

Широкие, размашистые, неровные буквы на иссеченной осколками кирпичной стене на уровне человеческого роста. Противоположная стена, несколько десятков метров от меня. Писали явно баллончиком, сейчас такие продаются – краска и аэрозоль. Очень удобно, небольшой баллончик помещается в карман, его легко носить, а при полицейском обыске – быстро сбросить...

Touts will be shot...

Это написано поверх одного из бесчисленных плакатов, развешанных британской оккупационной администрацией. Смех и грех, но такие плакаты обычно вешают там, где произошел взрыв, чтобы прикрыть ими от людских взоров изрешеченную стену. Вот и здесь – мелкие выбоины вверху, внизу они крупнее. На кирпиче большой, бросающийся в глаза плакат, на котором черным по белому написано: «If you have information about murders, explosions or any other serious crimes, please call... In complete confidence»⁸. А поверх этого плаката, как символ сопротивления, продолжающегося годами и десятилетиями на этой оккупированной земле – touts will be shot...

Этот город давно уже мертв, это видно любому, кто приезжает сюда. Да, по улицам ездят машины и ходят люди, да, торгуют магазины, если на улице нет очередных беспорядков – но этот город мертв. Мертв – потому что его убили, и сейчас это – просто разлагающийся труп. Только вместо мертвечины здесь остро пахнет взрывчаткой...

В этом городе идет война. Самая настоящая война, улицы – как линия фронта, пули не щадят никого. Этот город – Белфаст – словно провалился в какое-то чудовищное вневременное существование, где жизнь сверяют не по праздникам, а по взрывам и беспорядкам, где наизусть помнят всех павших в кровавой братоубийственной бойне и где каждый пятилетний пацан, неважно, из католического или протестантского квартала, знает, чем он будет заниматься, когда вырастет.

Он будет убивать...

В этом городе я нахожусь уже не первый год и все равно не могу привыкнуть к нему. Этот город живет совсем не так, как другие, тот, кто здесь побывал, может опознать его с завязанными глазами. Здесь тумбы с цветами сделаны массивными и стоят на сваях, чтобы остановить заминированную машину, направляющуюся к зданию, здесь на главной улице выбито больше половины стекол в домах, а несколько зданий разрушены взрывами. Здесь процветают стекольщики и гробовщики, здесь на каждой лавке решетки, как в тюрьме, здесь у каждого оружие, законное или незаконное. Здесь не редкость автоматная очередь на оживленной улице – и тогда прохожие все как один профессионально падают на землю и отползают в укрытия, поэтому здесь специально сделан такой высокий бордюр, он защитит от пуль и не позволит

⁷ Предатели будут убиты.

⁸ Если вы знаете что-либо о террористах, убийцах и прочем серьезном криминале, просим позвонить... Все звонки конфиденциальны.

водителю разогнаться и направить машину на идущих по тротуару прохожих. Здесь полицейских участков нет, есть крепости, из которых на патрулирование выезжают бронированные уродливые «Лендроверы», всегда не меньше чем по две штуки. Армия здесь настолько боится засад на дорогах, что основные перевозки личного состава происходят по воздуху. На военной базе Бессбрук в Южном Армаге находится самый большой вертодром в мире. Здесь нет ни лета, ни зимы – какое-то безвременье, осень, плавно переходящая в весну. Здесь пахнет взрывчаткой. Запах острый и едкий, похожий на чесночный. Здесь поразительное количество совсем молодых хромым людей – старая забава религиозных экстремистов, как протестантов, так и католиков – «починка колена». Сделать можно только две ошибки – на первый раз прострелять левое колено, на второй правое. На третий раз выстрелят в голову.

Touts will be shot...

Я лежу, замаскировавшись на чердаке старого четырехэтажного дома, и жду свою цель. В руках моих – бесшумная полуавтоматическая винтовка двадцать второго калибра, ее я брошу после акции. Три варианта отхода, два – по люкам, ведущим из подъезда на чердак, еще один – по пожарной лестнице. Еще у меня в кармане веревка, длины и крепости достаточной, чтобы привязать ее и спуститься по ней во двор – получается четвертый вариант отхода. Есть навыки городского альпинизма – можно спуститься вниз и по балконам. Это пятый вариант. Пять вариантов отхода – вполне достаточно в такой ситуации, тем более что преследования стоит ожидать, только если все пойдет не так, как надо...

Меня зовут Александр Воронцов, и это мое настоящее имя, данное при рождении. Сейчас я действую под другим именем, но это издержки профессии. Здесь я уже почти три года, и с каждым днем я задаю себе все больше и больше вопросов. Вопросов, ответы на которые найти невозможно – по крайней мере, не здесь, в этом проклятом городе...

Touts will be shot...

Я жду патруль. Британцы настолько глупы, – а может, просто броневики не хватает, здесь их в последнее время то и дело взрывают, – что отправляют на улицы пешие патрули. Патрулируют так только в кварталах лоялистов⁹, потому что сами британцы тоже протестанты и вроде бы свои. В католическом квартале патрулировать без броневика смерти подобно, там даже пятилетний пацан может кинуть под ноги бутылку с зажигательной смесью или выстрелить в спину из пистолета. Последнее, что учудили люди из белфастской бригады ИРА¹⁰ – выстрелили по одному из полицейских участков из реактивного огнемета «Шмель». В этом участке потом побывал и я – до сих пор помню шибящий в нос запах бензина, опаленные адским пламенем стены, черный жирный пепел, покрывающий пол, и золу, оставшуюся от мебели. При взрыве снаряда «Шмеля» в закрытом помещении температура там повышается до двух тысяч градусов, горит даже воздух, что уж говорить о человеческом теле. Жирный пепел – все, что осталось от полицейских, погибших в этом аду. Еще остался вопрос – откуда боевики ИРА взяли русский реактивный огнемет, и есть ли у них возможность достать еще несколько. Смешно, но точно так же могу погибнуть и я – запросто. Если погибну – это будет идиотская гримаса судьбы, потому что именно я за несколько дней до теракта выложил на одном из североамериканских форумов, посвященных кладам, взятые по GPS и зашифрованные координаты ямы, где закопан реактивный огнемет. Так русская разведка снабжает боевиков ИРА самым современным оружием – некая агентура доставляет снаряжение, прячет его, координаты тайников передаются мне, а я уже распределяю снаряжение по разным группировкам. Ни один из боевиков не только не видел меня, но и не слышал моего голоса, все общение происходит посредством Интернета. Кое-какие акции провожу я сам, лично – с террористами плотно связываться

⁹ Лоялисты – протестанты, лояльные властям.

¹⁰ ИРА – Ирландская республиканская армия, опасная террористическая организация.

не хочется, среди них есть немало осведомителей британской службы безопасности. Кому, как не мне, это знать...

Touts will be shot...

Наконец в конце улицы появляется патруль – стандартный пеший патруль для белфастских улиц, десять человек. Они медленно идут по улице, по середине проезжей части, ошестившись винтовками. Двое замыкающих и вовсе всю дорогу пятятся, прикрывают тыл – здесь любят стрелять в спину. Движение мелкими шагами, ствол винтовки отслеживает безмолвные окна, дети скрываются, едва завидев патруль, взрослые останавливаются. Каждый готов в любой момент открыть огонь – на движение на крыше, по подозрительному человеку, да просто так, чтобы заглушить рвущийся наружу ужас. Хотя здесь их единоверцы, они не чувствуют себя в безопасности, здесь вообще нигде нельзя чувствовать себя в безопасности...

Сейчас посмотрим. Краем уха я слышал, что на вооружении патрулей появились компактные устройства, подавляющие радиосигналы. Если это так и у этого патруля есть одно – я его просто пропущу. Ну а если нет...

Палец нажимает на кнопку дозвона сотового телефона – SIM-карта куплена уже давно, больше года назад, на подставное лицо, и по ней меня никак нельзя опознать. Еще один телефон стоит в устройстве, установленном под днищем старого «Ровера», припаркованного внизу на улице, тоже купленного на подставное лицо. Три мины «МОН-50» мне передали одновременно с огнеметом «Шмель»...

Есть!

Выворачивающий душу визг стальных осколков повисает над улицей, «Ровер», кажется, аж подпрыгивает, когда под днищем взрываются все три мины, поставленные так, чтобы зацепить осколками как можно большую площадь. Они и цепляют – почти нет дыма, не видно вспышки, зато миг – и семь солдат британского пешего патруля из десяти истекают кровью на проезжей части, мгновенно лишившись ног.

Touts will be shot...

Оставшиеся трое, конечно, должны поступать так, как предписано инструкцией – найти укрытия, занять круговую оборону и дожидаться подкрепления. Но, во-первых, один из корчащихся в луже крови на асфальте – радист группы и рация у него. А во-вторых, бросить тех, с кем ты завтракал утром в столовке, истекающих кровью на дороге – выше сил любого. Я бы не бросил. Трое оставшихся в живых уже не отслеживают то, что происходит вокруг, они бросаются к распростертым на асфальте фигурам в зеленом камуфляже. Я спокойно поднимаю винтовку, цели плохо видно из-за дыма, но все же видно.

Шлеп. Шлеп. Шлеп.

На винтовке глушитель, поэтому звук выстрела в этом калибре не слышен вообще. На каждом из солдат патруля бронежилет, но винтовка настолько точна, что позволяет укладывать пули ровно в ту точку на человеческом теле, какую ты хочешь. Винтовка – американская, развлекательная, производства Ruger, самая распространенная модель десять-двадцать два. Пуля этого калибра, несмотря на малый вес и малую энергию, на близкой дистанции очень опасна – она свинцовая, безоболочная и причиняет тяжелейшие ранения. Двое убиты чисто, в голову, третий дернулся, и пуля попала в шею – тоже не жилец. Мгновение – и трое оставшихся в живых падают на асфальт, окропляя его кровью, которой тут и так более чем достаточно.

Еще семь выстрелов, один за другим – негоже оставлять раненых мучиться на дороге. Все равно не выживет никто, так зачем добавлять им лишние минуты страдания. Семь выстрелов – семь трупов. Еще десять жертв на алтарь бессмысленной и беспощадной гражданской войны...

Touts will be shot...

Винтовку я кладу в кучу хлама, осторожно выдергиваю чеку гранаты. Если сюда поднимется неопытный человек, его ждет сюрприз. А если и опытный – без разницы, на винтовке отпечатков пальцев нет, даже заряжал я ее в перчатках.

Спускаюсь – очень хорошо, что в старых домах есть черный ход для прислуги. Потому-то я и выбрал это место и этот дом. Дверь я заблокировал внизу, поскольку, если мне повстречается гражданский, его придется убить, а я не убийца и не террорист. Все мои цели являются либо полицейскими, либо военнослужащими, которые взяли в руки оружие, встали под британский флаг – и поэтому, по правилам войны, являются моей законной добычей. Я с полным правом могу назвать себя диверсантом, солдатом на войне. Войне тайной, необъявленной, но тем не менее. Нам тогда тоже ничего не объявляли – просто пришли и начали убивать.

Двор – темный, сырой, из окон почти ничего не видно, особенно если знаешь, как нужно идти. Если и увидит кто, потом не сможет дать описание, обычный человек, роста выше среднего, усы и густая борода, очки, ничем не примечательная одежда. Да и не любят здесь откровенничать перед полицейскими – как с той, так и с другой стороны...

Двор, за ним еще двор, дальше скрытая стоянка с автоматической системой пропуска – скормил автомату купюру и все. Телекамеры я вывел из строя – подцепил маломощную хлопшуку.

Вот и моя машина – темно-серый «Форд-седан», неприметная, но с очень мощным двигателем, куплена подержанной. Двигатель отзывается мурлыканьем, но при необходимости это мурлыканье перейдет в грозный рев. Отцепляю грим, привожу себя в порядок – все элементы грима я выброшу в мусорный бачок по дороге. Костюм и так сойдет, а плащ придется сжечь. Уличных камер видеонаблюдения опасаться не стоит – их разбивают и протестанты, и католики, в городе не осталось ни одной. Даже дешевые камеры наблюдения на магазинах, которые устанавливают по требованию страховых компаний, и те разбивают.

Выруливаю на улицу, скармливаю автомату пару фунтовых купюр, чтобы меня пропустили. Сопровождаемый недобрыми взглядами – такие, как моя, машины обычно использует полиция – качусь на небольшой скорости по протестантскому кварталу. Заполотно надывается рация – общий сбор, ЧП. Мимо пролетают одна за другой три кареты «Скорой помощи» – хотя там им делать уже нечего – только констатировать смерть.

Touts will be shot...

Покатавшись по улицам – надо выждать для правдоподобности минут десять, – достаю из бардачка сирену, ставлю на крышу. Истерический вой сирен давит на мозги, резкий удар о металл – кто-то бросил в «полицейскую» машину камень. Машин на улицах мало, перед завывающим сиреной «Фордом» уступают дорогу все – без исключения...

А вот и оно – место происшествия. Залитый кровью асфальт, распростертые на нем тела... Глаза слепнут от синих всполохов десятка мигалок, раздраженный бобби¹¹ натягивает яркую, сине-желтую ленту, ограждая место происшествия, еще двое прогоняют зевак – нечего тут делать. Репортеры уже тут – затворы фотоаппаратов работают непрерывно, пленки никто не жалеет – хотя их и отгеснили метров на тридцать. Сегодня в новостях будет аншлаг...

Оглядываюсь в поисках своих – ага, вон и носатый белый фургон ВМС без каких-либо опознавательных знаков полиции, около него – группа людей в штатском, суперинтендант Риджвей расстелил какие-то бумаги на коротком удобном капоте, дает указания. Спокойно пробираюсь через толпу, сую под нос полицейскому, стоящему у ленты, свое служебное удостоверение...

– Проходите, сэръ...

Корочка – маленькая, а какое преимущество дает. Констебль услужливо приподнимает передо мной ленту, и я ныряю под нее, а констебль останавливает вознамерившегося прошмыгнуть следом за мной борзописца из желтой прессы. Начинается ругань, но мне до нее нет никакого дела, я иду к фургону. К своим...

– Сэръ...

¹¹ Бобби – полицейский.

Суперинтендант Малькольм Риджвей отрывается от бумаг, раздраженно смотрит на меня – аж кончики усов поднялись, будто у кота. Сейчас получу нагоняй – за себя и за того парня...

– Кросс? Ты какого черта опаздываешь? Ты вообще где был, почему тебя в отделе не было?

– Встреча с осведомителем, сэр. Я вчера зарегистрировал, как положено, сэр!

Суперинтендант Малькольм Риджвей пришел к нам из армии, причем недавно, поэтому четкие уставные ответы льют бальзам на душу старого вояки. Вот и сейчас сердце его немного смягчается, грозовые облака, повисшие над моей головой и вот-вот готовые разразиться молнией, потихоньку рассеиваются...

– Осведомители. Осведомители... Ни хрена от них толка нет, только деньги переводим. А вы в рабочее время шляетесь по пабам. Признавайся – в пабе был?

– Заехал с утра, сэр...

Лучше признаться в малом...

– Вот видишь...

– Что здесь, сэр?

– Целый патруль положили, десять человек.

– Как так?

– Вот и я бы хотел знать – как так! – снова повышает голос Риджвей. – Как так, что наши доблестные томми¹² позволяют себя расстреливать, как в тире! В мои времена в армии всякого дерьма хватало – но такого не было!

– Полное дерьмо...

– Вот именно. Снайпер, похоже, сработал. Сейчас ищут снайперскую позицию...

Как раз под эти слова – сильный, раскатистый хлопок наверху, что-то падает, колотится об асфальт. Миг – и я уже на земле, заодно сбиваю с ног Риджвея и стоявшего ближе ко мне Питерса. Со всех сторон раздаются крики, топот, взывает загрохотом сирена – поздно! Поднимаю голову – на крыше того дома, с которого я стрелял – зияет выбитая взрывом дыра, граната взорвалась и снесла в этом месте всю черепицу. Она и падала сейчас на асфальт, подобно граду...

– Быстро реагируешь, Кросс, – усмехается поднимающийся Риджвей, – почти как в армии. Молодец...

– Спасибо, сэр...

И тут рвет планку у Питерса. Тимоти Питерс, совсем молодой пацан, меньше года назад пришедший к нам, в особый отдел, из армии – служил он тоже здесь, в Белфасте. Тридцати еще нет, здоровенный, с простым деревенским лицом, со светлыми волосами, внезапно он с каким-то то ли всхлипом, то ли с воем, бросается на капот фургона, бьет по нему обоими кулаками так, что бумаги летят во все стороны, а на металле остаются едва заметные вмятины...

– Суки!!! Су-у-у-ки!!! А-а-а-ы-ы-ы-ы!!! За что же они так!!! Зубами рвать буду!!! Зубами!!!!

Ты даже не представляешь, Тим, – за что... Но поверь – есть за что, если бы ты тогда побывал в Бейруте, вопросов бы не задавал. Правильно говорил Цакая – если не хочешь мстить за себя, отомсти за тех, кто не сможет отомстить за себя сам, отомсти за тех, кто погиб. Вот я и мщу. Не знаю, сколько Господь отвел мне еще жизни, но отомстил я уже за многое. Воистину – *touts will be shot*...

¹² Томми – солдат.

Картинки из прошлого

03 августа 1992 года.

Бейрут, проспект генерала Корнилова

– Занимайте позицию в глубине комнаты, не суйтесь к окнам. И тихо, затихаритесь так, чтобы наступили – не заметили. Позицию подберите, чтобы через проломы стрелять. Куклой посветите, только осторожно, башку не подставьте. Я целеуказание дам трассерами – и работайте, не стесняйтесь...

– Есть.

– Двигаемся. Пошли!

Город, которого нет...

Бои в городе идут уже третьи сутки, и только сейчас я понял – переламываем. Переламываем хребет всем скопившимся в городе уродам, потому что нас с каждой минутой все больше, а их – все меньше. Переламываем...

Третьи сутки воюем, но никто не уходит, даже раненные стараются остаться в строю, в тыл приходится отправлять силой. У стадиона, у разгромленного здания МВД, основной опорный пункт, там все зачищено наглухо, и стоит бронетехника – даже самоходные гаубицы. Остальная часть города, особенно мусульманские кварталы, представляет собой слоеный пирог – где наши, где не наши – непонятно. Террористы лучше знают город, у них проводники из местных, они знают все подземные и тайные ходы-выходы, они готовы убивать, не задумываясь, их не волнуют потери мирняка, но их все меньше, а нас – все больше. Да и подготовка у нас – армейская.

Город уже погиб, его бессмысленно спасать, он сейчас – просто груда руин, почти безжизненная. Выбитые окна, проломленные, опаленные пламенем стены, чадный дым, кое-где еще дотлевают угли. Вонь – к сегодняшнему дню запах такой, что выворачивает наизнанку. Трупов столько, что не счесть, они везде – на улицах, в домах, в машинах, просто куски гниющего мяса, во многих местах заваленного кусками бетона и обломками кирпича. Открыто, не обращая внимания на людей, шныряют обнаглевшие, отожравшиеся крысы...

Безопасные коридоры от порта и аэропорта к центру пробиты, по ним несколько раз в день под солидным прикрытием брони гоняют колонны. Сам порт и оба аэропорта давно захвачены нами, их уже не обстреливают. Потери при проводке колонн по городу есть, но приемлемые, вся техника, в том числе транспортная – бронированная, только из гранатомета и пробьешь. На стадионе я был последний раз вчера – пополнили боезапас, перекусили немного, подлечились, сдали раненных – видел, в каком виде эти машины. Пулями – исхлестаны, просто живого места нет. Но это в первый день такие обстрелы колонн были, сейчас уже не суются. Сейчас многие пытаются выйти, прорваться из кольца, в котором они обложены, как стая озверевших от человеческой крови волков. Но уходить некуда, морем и по воздуху прибывают все новые и новые части, сжимают кольцо...

Командует штурмом и зачисткой города генерал Волгарь, бывший десантник, прибывший на место позавчера, штаб – в старом аэропорту. Установка дана – боевиков живыми из города не выпускать, спасти мирняка, где еще можно спасти, направлять его к центру – оттуда, когда в обратный путь идут колонны, вывозят беженцев в порт или аэропорт. Боевиков не так уж много, живыми они не сдаются, да и не берет их никто, живыми. В центре, на бывшем ста-

дионе – фильтр, он же – госпиталь первой помощи. Врачи работают рука об руку с контрразведчиками. Так и действует эта дорога – дорога жизни, самая настоящая...

Авиация по городу мало работает, артиллерия тоже очень ограниченно. В городе до сих пор остались ПЗРК – вчера вертолеты еще подбивали, два или три кажется, даже сбили. Еще проблема – не зацепить своих. Брони тоже немного, в основном она держит какие-то районы. Поскольку город наш, наносить ковровые ракетно-бомбовые удары никто и не думает. В городе действует спецназ, у них артиллерийские разведчики – корректировщики огня в составе групп – наводят на цели тяжелые минометы и артиллерийские системы с управляемыми боеприпасами, работающие из центра города и из аэропорта. Остальные – такие, как мы, действуют мелкими группами по восемь-десять человек. Бьемся днем и ночью, просачиваемся внутрь занятых боевиками районов. Командования практически никакого нет, взаимодействие тоже хреновое, только по радиации опознаться – и все. Группы в основном смешанные – из тех, кто остался в живых, без бронетехники. Волгарь, полевик, а не генштабист, хорошо понимает, что командовать тут все равно невозможно, поэтому отдал приказ – не мешать, снабжать боеприпасами из центра, опрашивать на предмет развединформации. Даже самооборонщики, опять-таки из тех, кто в живых остался, воюют – мстят. Вчера Козлова видел – выжил-таки, семью с колонной в порт отправил, сам остался на стадионе, помогает, чем может. Много мусульман воюет, что творили боевики с теми из мирняка, кого захватывали в плен и потом выясняли, что это мусульманин, лояльный властям, страшно даже представить. Для этих лояльный мусульманский мирняк, отказавшийся взять в руки оружие и убить русского соседа, с которым прожил бок о бок десять лет – муртады и мунафики, подлежащие смерти после пыток. Для тех, кто остался после этого в живых, боевики – кровники навеки. Пощады ждать не стоит – ни от тех, ни от других.

В городе действует уже полная десантная дивизия, части военно-морского спецназа, не меньше полка из командования специальных операций, еще какие-то части перекрывают пути отхода, есть и жандармерия – тоже не меньше дивизии. Террористов планомерно оттесняют к горам, где все склоны простреливаются, где все перевалы уже оседлали десантники и где им не будет выхода, кроме как на тот свет. Но террористы сопротивляются – и, черт возьми, сопротивляются успешно.

Нас осталось пятеро – всего пятеро, экипаж и плюс еще один человек. Подранены все, но никто и не думает уходить. Потери, кстати, на удивление низкие для городских боев, кто был, тот подтвердит. Но дело в том, что у нас нет штурмовых задач, типа: к восемнадцати ноль-ноль занять такое-то здание. Мы просто воюем, как можем – одного за другим выбиваем снайперов, гранатометчиков, пулеметчиков, расчеты ПЗРК – убиваем, пока не убили нас, обескровливаем противника. Нас все равно больше, это наша земля, за нами – великая Россия, и значит, мы победим.

Тела Чижики и еще одного десантника отправили сразу же, остальных за эти дни потяряли трехсотыми – тоже уже отправили. Из разбитого бронетранспортера достали «оружие выживания» – здоровенную однозарядную винтовку калибра 14,5, стреляющую патронами, подходящими к пулемету от БТР. Так вот сейчас и работаем: я – командир и разведчик, два человека – расчет и два человека – прикрытия. Схема простая – я иду вперед, глушу, где могу, из бесшумной снайперской винтовки, если не справляюсь – тут начинает работать уже ОВ. Пуля калибра 14,5 пробивает все укрытия, за какими могут скрываться боевики – стена дома, остов сгоревшей машины. По оба фланга от нас работают десантники, впереди – кажется, свои, моряки, но не уверен. По флангам мы опознались, договорились друг по другу не стрелять, по фронту – на связь выйти не удалось, почему-то молчат. Может, радиомолчание соблюдают...

Сейчас мы занимаемся снайпером – уже полчаса. Хитрый гаденыш, один раз уже вывернулся. Самое плохое – что теперь он знает о нашем присутствии, и нам предстоит снайперская дуэль. Но деваться некуда...

Интересно, где он, падла такая, засел? Последний раз работал десять минут назад, но так и не засекли точно, откуда. Небольшой проулок, ведущий от проспекта к группе высотных домов. На самом проспекте десантники, а здесь пока – только мы. Передовая группа, разведка, эта территория еще считается незачищенной. Позицию он, разумеется, уже сменил. Может, и вообще ушел. Тихо-то здесь как. Стреляют и справа, и слева, а здесь, в этом проклятом закоулке, куда мы и свернули, в общем-то, случайно – тишина, *мертвая тишина*. Может, потому, что здесь и вправду притаилась смерть...

Жуткие бои в городе выявили, помимо сильных сторон, и множество слабостей нашей армии. Например: много самых разных разведывательных беспилотников – и ни одного ударного. В итоге – завалили ракетами два «Громовержца», оба удалось посадить с большими или меньшими потерями, два транспортника, несколько вертолетов. Даже сегодня пуск «Стингера» видел, хоть и единичный. В общем, ПВО района мятежникам удалось организовать. До сих пор воюем без поддержки.

То, что произошло с бомбой, вообще ни в какие рамки не укладывается. Всем раздали дозиметры, но, убедившись, что радиации нет, все их сразу повыбрасывали – не дай бог выдаст писком или чем-нибудь еще, треском каким-нибудь. Но все равно, когда взрыв одного устройства вывел из строя военную машину целого региона – это самое настоящее ЧП, за это не погоны – за это головы снимать надо...

Думаю думки, а дело тоже делать надо. Поднимаюсь первым по лестнице, тут основным – лифт, поэтому лестничная клетка узкая и неудобная. Естественно, не пешком поднимаюсь, а ползком, на брюхе, избегая оконных проемов. Последние дни только так и передвигаемся – больше на брюхе, чем ногами. Пистолет в руках, винтовка за спиной...

Кстати, винтовку я себе раздобыл знатную, «Эрму» сдал на стадионе как трофей. А взамен теперь у меня – финская винтовка «Лев», та же самая СВД, только с тяжелым спортивным стволом, регулируемым прикладом и германской оптической системой, прицелом, совмещающим в себе дневной и ночной каналы. Ну и тактический глушитель, куда же без него. Финны не только лучшие в России, а то и в мире, патроны делают, но и винтовки тоже собирают ограниченными сериями...

Третий этаж. Четвертый...

В отличие от соседних, дом, в котором я сейчас нахожусь, пострадал от обстрелов и пожаров на порядок сильнее. Может, потому что с него можно бить напрямую с проспекта, может, еще почему. Не знаю...

На пятом этаже дверь выбита взрывом – не выломана, а именно выбита взрывом. Значит, мне сюда...

– Мы на позиции!

– Затихаритесь до команды!

– Принял!

В квартире темно, пожара тут не было, но видно, что сначала отсюда в спешке уходили хозяева, а потом ее еще и пограбили всласть. Не знаю, почему именно эту, может, по наводке. Несмотря на то что со всех сторон меня прикрывают стены, передвигаюсь все равно ползком – так уже привычнее. А квартира-то большая...

Кухня? Балкон? Просто окно?

Открытые шкафы, перевернутая мебель, разбросанные в беспорядке на полу вещи. Жирный черный след ботинка, раздавленный пластмассовый детский пупс в цветастом, скорее всего, сшитом своими руками сарафанчике. Мертво щерящийся острыми зубами осколков кинескопа большой телевизор в углу...

Окно... И не просто окно, а окно в большой комнате, где целых два окна, такая она большая. Пристроился, достал небольшое зеркальце на ручке, осмотрелся. Потом прополз на другую сторону, чтобы не стрелять оттуда, откуда смотрел...

– Готов. Давайте!

Раскатисто бухает ОВ – как щелчок пастушьего кнута, только на два порядка громче, и тут здание напротив разражается настоящим свинцовым градом – прямо по засеченной позиции свинцовой плетью хлещет пулемет...

На то, чтобы прицелиться, уходит меньше секунды – три выстрела через окно, один за другим, прямо в плюющийся смертью пулемет, в тех, кто рядом с ним, – и я падаю на пол, уходя от ответного огня...

Теперь ноги...

Едва успеваю вылезти в коридор, как там, где я только что был, хлопает разрыв – подствольник! Осколки врезаются в стены, злобно визжат, негодуя, что все напрасно и я уже ушел оттуда. Кто-то остался в живых – пулеметчика с помощником я снял, это я точно знаю, но остался жив снайпер и кто-то еще с подствольником. Это получается как минимум четыре человека – снайпер, автоматчик и пулеметный расчет – ценный, видать, снайпер, что его так прикрывают.

Хлопает внизу, два раза точно так же...

– Доклад! – всполошился я.

– Имеем тяжелого трехсотого!

Твою мать... Этого-то я и опасался – недооценили. Считали, снайпер, максимум, один человек на прикрытии, а про пулемет и не подумали...

– Отступайте! Выносите раненого, на проспекте уже наши! Главный калибр оставьте здесь, я за ним приду!

– А...

– Выполнять!

На проспекте действительно уже наши – даже отсюда слышно, как размеренно ухают автоматические минометы и заходятся в ярости скорострельные пушки зенитных установок. По уму следовало бы просто засесть и подождать, пока сюда подойдут и раздолбают в хлам всю эту шестнадцатизэтажку вместе со снайпером и кто там у него остался на прикрытии. Но теперь это уже личное. Пока сюда подойдут, я уже успею разобраться...

Кстати... Неужели они пропустят такой момент, как эвакуация раненого...

Одного из автоматчиков – их оказалось как минимум двое – я снял с лестничной клетки, засек по выстрелам, даже успел его разглядеть. Обычно все происходит так быстро, что видишь не человека, а движение – выстрелил и убрался от ответного выстрела. А тут заметил. Не похож на араба – судя по виду, европеец. Сволочи...

А снайпера все не было. Он не выстрелил ни в первом, ни во втором случае – хотя потерял от моих выстрелов трех человек из прикрытия. Неужели убрался, оставив прикрытие на верную смерть?

Спасаясь от карающей гранаты, не сполз, а буквально ссыпался на этаж ниже. Хлопнуло, когда меня уже там не было, пробежал – уже бегом – еще этаж, хлопнуло и на третьем, в конце концов ввалился как раз в тот самый коридор, откуда я и начинал этот маленький заход, где и подстрелили кого-то из моих. Черт, даже не знаю, кого... Тут я в безопасности. Хлопает еще один разрыв чуть дальше – это уже от бессилия, меня защищают две стены. Могут, конечно, попытаться подобраться снизу, пользуясь тем, что я один, без прикрытия, но внизу пройти сложно – там мы еще две растяжки оставили. Как бы то ни было – наши, наверное, минут через двадцать появятся, с бронетехникой. И тогда конец игры...

Конец ли?

Что я могу сейчас предпринять? Предположим, снайпер наблюдает. Какой он может сделать вывод, сообразив, что я вернулся туда, где только что подстрелили мою группу? Интересно, он видит позицию, видит винтовку? Кто сделал тот выстрел, он или пулеметчик? Скорее

всего – он, ведь мы не первый день воюем и кое-чему научились. Пулемет отвлек внимание, а он выстрелил. И выстрелил удачно.

Придет бронетехника, и он просто свалит. Бросит оружие, выйдет из города с мирняком. Скорее всего, это европеец, русские документы у него наверняка есть. С ними он и выйдет, прикинувшись русским. Все, что держит его здесь – это я, он такой, как я, он хочет завершить начавшуюся между нами дуэль. Только поэтому он все еще здесь. Любой снайпер ведет счет, любой снайпер чуточку тщеславен. Он такой же, как я...

Что ж, поиграем...

Дверь я на всякий случай прикрыл, прополз по коридору к той разваленной снарядом и обожженной комнате, где подстрелили моих. Винтовка должна быть все еще там – и он за ней следит...

Достал из кармана веревку со стальным сердечником, завязал на конце узелок, продел – получилось своего рода лассо с петлей на конце. Свою винтовку поставил у стены, ползком пополз вперед, в одной руке это самое лассо, в другой – пистолет. На всякий случай...

Вот и место – то самое. ОВ так и стоит, полузаваленная мусором. Рядом – сумка с патронами, большими, с разноцветными полосками на пулях, в основном – бронебойно-зажигательные. Следы крови на полу. Зарядить бы – винтовка однозарядная, там сейчас в патроннике только стреляная гильза, но никакого желания подползти ближе у меня нет – снайпер или автоматчик, один из них обязательно держит это место на прицеле.

Со второго раза удалось накинуть петлю, затянуть. Пока больше ничего не сделаешь...

Стравливая с рук веревку, я вернулся назад, забрал винтовку – теперь она мне понадобится. Ощупал снаряжение – две гранаты осталось, пока хватит. Было больше, да все на растяжки израсходовали. Растяжек сейчас в этом городе полно...

Пополз дальше, в самую крайнюю комнату – на удивление, она не пострадала от обстрела, даже стекла целы. Это плюс – через них меня сложнее засечь, но это и минус – через стекла сложнее целиться...

Проверил винтовку – готов. Сейчас моя задача – вынудить их действовать, обмануть, сделать нечто такое, что им будет непонятно, надавить на нервы – и заставить раскрыться. Неважно, снайпер выстрелит или автоматчик прикрытия, – мне нужно поймать хотя бы одного из них. Старое правило войны: делай то, чего враг от тебя не ожидает, делай то, что заставит его занервничать и допустить ошибку...

Выдернул чеку и изо всей силы забросил гранату в коридор. Единственное – только бы осколок шальной не перерезал трос, тогда сложнее будет. Хотя и далеко забросил, а всякое бывает...

Глухо грохнуло, пахнуло жаром из коридора – я отсчитал до пяти и потянул на себя тросик, с ужасом ожидая, что на том конце не будет натяжения и он просто вытянется. Но нет – тросик натянулся, винтовка была тяжелой, тащилась очень тяжело, там еще сверху на нее набросано. И – стрелок купился, заметив движение на третьем этаже противоположного дома, почти напротив меня, я выстрелил дважды через окно, выстрелил одновременно с ним. Только его пули в худшем случае повредили винтовку, мои – сильно повредили его самого. Не жилец, короче...

Опять-таки – простая миниатюра. Взрыв гранаты привлекает внимание. Дальше начинает шевелиться, уходит из поля зрения винтовка – как же, сработала растяжка, которой стрелок обезопасил свой тыл, и он решил сваливать, пока не поздно. Сам бог велел положить очередь, заодно и пару гранат подкинуть. Вот и подкинул...

Все. Теперь – сваливать. Хватит этих шуток – снайпера так не выманишь. Да и уйти он должен, потеряв все прикрытия. Я бы ушел, только самоубийца останется. Найду на той стороне дома лаз и уйду, к черту все...

Из любопытства вытащил до конца в коридор ОВ, осмотрел. Удивительно, но не пострадала ни винтовка, ни ее прицел – простейший четырехкратник в прочном стальном корпусе. Во, делали! В армии эти прицелы в семидесятых окончательно со снайперских винтовок сняли, поставили более современные, есть и как на моей – «день-ночь», есть тепловизоры, много чего еще есть, но вот близкого взрыва ни один не выдержит. А этот выдержал...

Сваливать...

С этой мыслью я пошел к двери, ведущей на лестничную клетку – там залягу, ползком до низа и искать выход, – как вдруг недалеко впереди, на улице раздалось нечто среднее между громом и ревом разъяренного льва – я от неожиданности даже бросился на пол. Глянул в окно – как раз, чтобы увидеть, как рассеивается облако цементной пыли, открывая поразительную картину – огромную дыру, как будто великан прогрыз насквозь здание на уровне третьего этажа...

А вот и наши...

Машина огневой поддержки – на базе БТР смонтирована башня с АГС и в качестве главного калибра – спаренной тридцатимиллиметровой вертолетной пушкой с принудительным охлаждением стволов. Это оружие не стреляло, не поддерживало огнем – оно жрало, прогрызало дыры в домах, превращало в ничто все, на что будет направлен поток снарядов из двух стволов. За несколько секунд пробить насквозь здание при такой скорострельности – как нечего делать.

Получается, что десантники с трехсотым добрались-таки до наших и сообщили о неуловимом снайпере. Теперь его не поймать – эту машину боевики боялись как огня. Есть только проблемка в связи с этим. Маленькая такая. Как бы не приняли меня за этого самого неуловимого снайпера. Нервы сейчас у всех на взводе, палец на спуске, и делов-то – повернуть башню да на кнопку электроспуска нажать.

В общем – лучше по первоначальному плану...

Ползком спустился на этаж, залег у выхода во двор. Там, похоже, начиналась зачистка – отрывистые команды на русском, шорох ног по мусору – такой бывает, когда стараешься двигаться как можно осторожнее.

Уходить? Или объявиться? Ну?

Если не знаешь, что делать – делай шаг вперед!

– Десантура! – заорал со всей дури я. Такого нельзя делать ни при каких обстоятельствах – и именно поэтому я это сделал. Должны же мои были сообщить, что здесь остался один из них, сейчас они меня и обязаны искать. Да и «десантура» – слово специфичное, не каждый гражданский знает.

Команда, топот во дворе – и тишина. Все заняли позиции.

– Выбрасывай оружие и выходи! Руки на затылок, выходишь, становишься на колени! Дернешься – открываем огонь!

– А шнурки у тебя не развяжутся, сапог, мышара летучая, чтобы флотский офицер да перед тобой на колени?! – проорал в ответ я, вспоминая давно забытые обороты речи, полагающиеся к такому случаю. Везде, где в одном городе стояли флотские и армейские части, особенно учебные – везде происходило выяснение отношений. Но просто так – с ходу и в рожу, так совсем не комильфо. Сначала полагалось перекинуться парой слов – таких, как эти.

– А вот я сейчас пару гранат тебе за шиворот закину, тогда и посмотрим, у кого мотня крепче! – проорали в ответ.

Пароль-отзыв получен...

– Я выхожу! Винтовка за спиной, оружие в кобуре! Выхожу медленно. Там еще снайпер может быть в соседнем здании.

Надеюсь, глупость они не сделают...

Выхожу, как и обещал. Несколько стволов смотрят на меня, солдаты укрываются за полуразрушенными стенами, за остовами машин. Весь проулок затянут густым, белым, щиплющим глаза дымом – набросали дымовых шашек, чтобы не подставляться снайперу. В самом начале переулка, за поставленным чуть ли не на попа остовом машины, черно-ржавым от огня и изрешеченным пулями, скрывается БМПП – боевая машина поддержки пехоты. Уродливая башня хмуро уставилась в проулок длинными, ребристыми стволами, линзы прицела смотрят прямо на меня...

– Представьтесь, сударь!

– Старший лейтенант флота Александр Воронцов.

Секунда сменяет секунду, долгое, тянущееся, будто карамель на жаре, время. Наконец кто-то поднимается из-за укрытия – поверили...

– Мои до вас дошли?

– Дошли...

– Что с трехсотым?

– Когда отправляли, был жив...

Сколько душ погубило.

Напротив окно...

Развалины молчали – окутанные белым дымом дымовых шашек и вонью дизельного выхлопа, исхлестанные пулями, они больше не стреляли, не забирали жизни. Время развалин уходило. Безмолвно щерилась на окружающий мир дыра, прогрызенная ливнем снарядов на уровне третьего этажа, бессильно курились серым дымком мертвые провалы окон – там уже все отгорело, отстреляло, *отумирало*...

Человек в сером, с темными и кирпичного цвета пятнами комбинезоне, закрытый накидкой, представляющей собой самое настоящее произведение искусства – металлизированный слой для того, чтобы невозможно было обнаружить через тепловизор, объемная «бахрома» в виде осколков кирпичей, бетона и арматуры, внимательно наблюдал за происходящим во дворе, пытаясь уловить суть событий через космы белого дыма от шашек. Он располагался на первом этаже здания, которое обстреляли – в нарушение всех норм и канонов, предписывающих снайперу забираться как можно выше, занимать господствующую над местностью высоту. У него был и бинокль с ночным каналом, и винтовка с оптическим прицелом, но сейчас он наблюдал за ситуацией, не прибегая к помощи ни того, ни другого, просто глазами – потому что у русских могла быть лазерная система, сканирующая окрестности и обнаруживающая любой оптический прибор с линзами. Он был хитер и осторожен, он нарушал все каноны снайперской войны, он не доверял никому – и только поэтому он до сих пор оставался в живых. И намеревался оставаться в живых и дальше, он не был фанатиком, мечтающим умереть от пули кяфира и попасть в рай, где его ожидают семьдесят с лишним гурий. Он считал, что далеко не все сделал в этой жизни...

Совсем недалеко у него были припрятаны подлинные русские документы и комплект одежды. Было там даже полицейское удостоверение – рядового полицейского исправника. С этими документами, да в царящем бардаке, он твердо рассчитывал выскочить из кольца. Его охота на сегодняшний день завершилась...

Да, скверно вышло, скверно... Хорошо, что деньги вперед заплачены.

До сих пор не ушел он только потому, что хотел рассмотреть и запомнить того, по которому у него так и не представился шанс выстрелить и который ликвидировал сразу трех человек из его прикрытия. Насчет двоих он не беспокоился – обычные исламские экстремисты, фанатики, расходный материал. А вот третьего – своего постоянного корректировщика огня – ему было жаль, довольно долго вместе работали. Хотя после смерти Джеффри... И поэтому он хотел увидеть того, кто... нет, не переиграл его. Доставил ему проблемы.

Русский оказался совсем не таким, каким он его представлял. Намного моложе. Идеальный снайпер – это не только физические и психологические характеристики, это еще и опыт, который нарабатывается только практикой, с годами и годами боевой работы. А русский оказался совсем молодым – возможно, и тридцати лет нету...

Старший лейтенант флота Александр Воронцов... Своим вряд ли станут представляться вымышленным именем, это настоящее. Снайпер запомнил это. Нет, он не собирался потом искать его, мстить – во-первых, это глупо, во-вторых, за это никто не заплатит. Но... жизнь долгая, может пригодиться...

С этой жизнеутверждающей мыслью снайпер начал медленно отползать назад – ход, помогающий незаметно выйти из здания, он присмотрел для себя заранее...

Отходили уже вместе – пяťсь, прикрывая друг друга, перебежками от укрытия до укрытия. Наконец и она – спасительная, оцетинившаяся противокумулятивными решетками броня. Сверху еще накидали какой-то рваной, грязной дерюги – не знаю, зачем, машина становится похожа на мусоровоз. В двух местах противокумулятивные решетки разорваны, броня опалена – кумулятивная струя, стреляли из гранатомета. Но броню не пробили, машина осталась цела...

– Двигаемся! – командовавший зачисткой капитан привычно несколько раз стукнул прикладом по броне. Взревел двигатель, машина зачихала сизым, солярным дымом, поползла назад, пяťсь к выходу из переулка.

Совершенно секретно
Военное министерство.
Главное управление тыла
Начальнику ГУТ
Генерал-майору
Веремееву М. В.
Лично в руки

В соответствии с Высочайшим распоряжением от 28 ноября 1992 г., ходатайствую о выделении в срок до 01.06.1993 г. следующих материальных ресурсов:

- автоматы «АК» – 1000 штук.
- гранатометы подствольные «ГП-34» с переходником – 500 штук.
- пулеметы ручные «РПК» – 200 штук.
- пулеметы ротные «ПКМ» – 200 штук.
- штурмкарбины Драгунова или Токарева – 200 штук.
- снайперские винтовки «СК» «Взломщик» – 30 штук.
- пулеметы крупнокалиберные «ДШК» – 30 штук.
- гранатометы РПГ – 200 штук.
- ПЗРК «Игла 2 м» – 50 штук.
- гранаты «Ф-1» – 5000 штук.
- гранаты РГД – 5000 штук.
- боекомплекты к вышеуказанному оружию – не менее 20 на единицу оружия.

С целью экономии материальных ресурсов, полагал бы необходимым выделить оружие, находящееся на консервации, на складах мобилизационного резерва.

Действительный тайный советник гражданской службы
К. Н. Цакая

14 июня 1996 года.

Белфаст, Северная Ирландия

– Давай, Мэрион! Расскажи нам про поросят!¹³

Привлекательная девушка, на вид лет двадцати пяти, рыжеволосая, даже не замечала настойчивой руки на своем колене. Революция была важнее. И интереснее...

– Вот выхожу я из булочной, сумка у меня большая. И вдруг слышу: «Стойте!» Оборачиваюсь – а там трое поросят! Патруль! А у меня в сумке, если покопаться – «Инграм»¹⁴ с двумя обоймами. И вот я думаю, что все, кранты мне, не смыться. А один из поросят подходит ко мне, опирается так об стену и говорит: «Девушка, а можно ваш номер телефона»...

– А-ха-ха...

– Гы-ы-ы-ы...

– И что...

– Ну что мне делать оставалось... Дала.

– Прямо там? Ах, Мэрион, осчастливила бедного поросеночка!

– Да пошел ты!

– Нет, Мэрион, ты скажи... Если этот поросенок придет к тебе, ты нас предупреди! Может, он не против групповухи!

– Черт, хорошая идея! У меня как раз в гараже завалился паяльник...

– Ха-ха-ха...

– Вот и вставь себе его в задницу, придурок! – обиделась девушка, оскорбленная в лучших чувствах.

– Нет, Мэрион, ты нам скажи – ты и в самом деле ему телефон дала? А если он позвонит, то на кого попадет?

– На Особый отдел!

– Ха-ха-ха... Вот это шутка...

Высокий, темноволосый мужчина в гражданской, сильно похожей на охотничью одежде отхлебнул пива...

– Теперь ты нам расскажи, Томми.

– Про что?

– Да про десять мертвых поросят!

– А-ха-ха...

– Гы-ы-ы-ы...

Томми, репортер криминальной хроники в местной газете, давно связанный с ИРА, отхлебнул из кружки темного, забористого эля – в напитках он патриотом не был...

– Так вот, сижу я в редакции, че-то печатаю на компе, какую-то муть – звонок! Патруль на улице постреляли! Ну, я как дежурный репортер подорвался и туда. А там – машин полицейских, наверное, штук десять только с одной стороны, да еще армейские, всю улицу перегородили, короче. Ну, поросенок, который стоял в оцеплении, меня и спрашивает – а вы куда? А я ему карточку прессы под нос.

– А он?

– А он мне и говорит – вали отсюда, козел!

¹³ *Поросята* – презрительное прозвище британских солдат.

¹⁴ «*Инграм*» – пистолет-пулемет производства САСШ, очень компактный и с высокой скорострельностью. В Британии делалась его копия – так называемая Five Section, с жестким, не складным прикладом.

– А ты?

– Ну, я все улицы-закоулки знаю. Завалился я, короче, в квартиру, даме, которая там живет, пять фунтов дал...

– Лучше бы трахнул. Денег бы тратить не пришлось.

– Ага, сам ее и трахай. Ей лет пятьдесят.

– Ну и что дальше...

– И вот подхожу я к окну... занавесочку так осторожно отодвигаю... А там...

– Что там?

– Десять мертвых поросят!

– Гы-ы-ы-ы...

– Развалились так на всю улицу, не пройти, не проехать... И машина догорает. Ну, я только прилачился, пару раз щелкнул, вдруг сверху – бабах! Я даже на пол упал...

– И что?

– Одиннадцатый мертвый поросенок, вот что!

– А-ха-ха...

– Вот это дали!

– Давненько такого славного денька не было!

– Да, давно так поросят не резали...

– Интересно, кто это их так?

Этот бар среди своих так и назывался – «Бар без имени», «Безымянный». Все дело было в том, что несколько лет назад неподалеку от него грохнул взрыв, и ударной волной снесло часть вывески, осталось только слово «бар». Сначала у хозяина не было денег, чтобы поправить вывеску, а потом он и вовсе махнул на это рукой. Безымянный бар знали и так, и редко когда он не был полон.

Этот бар на окраине Белфаста был одним из тех мест, где собирались боевики ИРА, чтобы отдохнуть от «праведных» трудов. Здесь вербовали молодежь в боевые бригады, здесь передавали информацию о том, где можно раздобыть оружие – его обычно закапывали на кладбищах, здесь же договаривались о совершении новых террористических актов. На хозяина – у него было странное имя Джок, словно у собаки, внимания никто не обращал, он был всего лишь частью интерьера, добрым гномом, снабжающим страждущих пивом, элем и виски. А напрасно...

Вот и сейчас хозяин заведения – сегодня он работал сам – нарисовался с новой порцией выпивки, как раз в тот самый момент, когда на столе она закончилась.

– А классно приглубили поросят, ребята... – как бы вскользь, мимоходом заметил он, ловко меняя пустые кружки на полные.

– Да, классно...

– Передайте тому парню, который так метко стреляет, что здесь он в любой день вправе рассчитывать на стаканчик за счет заведения.

– Если узнаем, кто, передадим, – ляпнул Томми, как самый пьяный, и тут же замолк от жесткого толчка локтем в бок.

– Ладно... – самый старший порылся в кармане, достал оттуда купюру, протянул ее хозяину, осторожно встал со своего места, проверяя, может ли стоять на ногах, – с меня, пожалуй, достаточно. На сегодня. Нормально, Джок?

– Вполне, – кивнул хозяин, принимая купюру.

– Я пошел. Не скучайте здесь. А ты, Мэрион, не теряй связи со своим поросеночком. Может, пригодится.

– Вас проводить, полковник?

– Не надо. Дойду. За машиной моей приглядите.

– Хорошо, полковник...

Проводив взглядом покидающего бар «полковника», Джок вышел в подсобное помещение, достал сотовый телефон, по памяти набрал номер.

– Он пошел...

Улица была темной и страшной – фонари давно разбили. Но полковнику не привыкать – на ногах он держался уверенно и шел по вымершей улице, даже не спотыкаясь. Единственной опасностью для него было нарваться на оранжистов¹⁵, но католические кварталы неблизко, и так далеко в набеги они не забирались – понимали, что окружают и перебьют всех до единого.

Полковник жил в угрюмом четырехэтажном здании старой постройки, на втором этаже – большим достоинством квартиры являлось то, что рядом пожарная лестница. Лампочку в подъезде тоже кто-то разбил, лестница, ведущая в квартиру, была узкой, едва разойдутся два человека, но это и хорошо. Если поднимаешься пьяным – не упадешь.

На первом этаже Кевин О'Коннел, «полковник», на кого-то неуклюже натолкнулся. Будь он трезвым – этого бы, конечно, не произошло...

– Простите... – автоматически произнес он.

– Да благословит тебя Господь, Кевин, – раздалось в ответ, – да наставит он тебя на путь истинный.

Услышав этот голос, Кевин вздрогнул – сердце на какой-то момент замерло, а потом пустилось отплясывать сумасшедшую джигу. Тело мгновенно покрылось холодным потом. Этот голос часто приходил к нему по ночам – в кошмарных снах...

– Что встал, Кевин? Пошли...

– Что вы здесь делаете? Вы же...

– В отставке, в отставке... И заметь, Кевин, тебя я никому не передал, законсервировал. Выполнил свое обещание. Если бы тебя начал вести кто-то другой, скорее всего, тебя бы уже закопали с простреленной башкой и коленями. Так что свои обязательства по отношению к тебе я честно выполнил.

– Что вам нужно?

– Нужно... – священник, чье лицо почти полностью скрывал капюшон сутаны, кивнул на кровать, на которой лежал толстый, большой конверт из манильской бумаги, – открой и прочитай...

Трясущимися руками «полковник», ставший сейчас одним из батальонных командиров белфастской бригады ИРА, вскрыл конверт. В нем обнаружились два листа убористого машинописного текста, остальное пространство занимали деньги – пачки крупных купюр в банковской упаковке, североамериканские доллары. Их было много. Полковник отложил пакет с долларами, вчитался в убористый, напечатанный мелким шрифтом текст – и почувствовал себя плохо...

– На кого вы работаете?

– Я... На себя самого, какая разница! То, что я тебе предлагаю, сделает тебя героем среди своих.

– Это провокация, – полковник не мог поверить в написанное, – это...

– Это шанс для тебя. Если ты это сделаешь, никто потом не поверит, что ты наш агент. Вернее, мой агент. Ни одна разведслужба не позволит своему агенту сделать подобное.

– Меня потом убьют. Найдут и убьют САС безо всякого суда.

– Там, помимо налички, две банковские карточки. На них – сто тысяч фунтов, как видишь, с деньгами я тебя не обижаю. На операцию ты потратишь максимум пятьдесят – остальные все твои. Оружие за мой счет, я его уже оплатил и перевозку до Британии – тоже.

¹⁵ *Оранжисты* – католики, эта группировка названа в честь святого герцога Вильгельма Оранского. Вооружены, как все хулиганы в северных графствах, но среди них есть и террористы.

Если почувствуешь, что пахнет жареным, смывайся. Денег тебе хватит, учитывая и твои старые накопления.

– Я...

– Решайся! Разве у тебя есть выбор?!

Полковник смотрел на расплывающиеся перед глазами строчки.

– Хорошо...

– Не слышу!

– Хорошо. Сделаю.

– Ну, вот и договорились... – священник встал с кровати, пошел к двери. – Да, кстати, Кевин... Тебе ничего не известно о том парне, что расстрелял патруль на улице?

– Нет. Он не из наших.

– Русский? Я давно не был в этих краях.

– Возможно. Мы ничего про него не знаем.

– Как же тогда общаетесь?

– Через Интернет. Он оставляет нам сообщения. Каждый раз из разных мест.

Священник кивнул – так он и думал. Схема действий русского выдавала в нем серьезного противника.

– Если узнаешь что-то реальное про этого русского – две тысячи фунтов. Он нам нужен.

– Понял...

– Как будешь готов, сообщишь мне. Канал старый.

– Хорошо...

– Ну, тогда спи, Кевин. Приятных снов.

Священник ушел – испарился, словно злой дух. А Кевин О'Коннел, «полковник», командир батальона белфастской бригады ИРА, остался сидеть в своей тесной комнатухе, бессмысленно уставившись в стену, словно пытаясь отыскать какую-то непостижимую человеческим умом истину на грязных, сальных разводах обоев...

Картинки из прошлого

16 июня 1993 года.

Пограничная зона, переход через Амударью.

Афгано-русская граница

Если брать границу Российской империи на всей ее немыслимой протяженности, то отрезок с Афганистаном считался наиболее опасным. Более того – пограничная зона Туркестанского особого военного округа была одним из наиболее опасных мест на земле. Но одновременно здесь можно было заработать за год целое состояние.

Возьмем автомобили. Обычный русский внедорожник типа «Егерь» в простой, армейской комплектации. В России такая машина стоит ровно пять тысяч золотых. Но если перегнуть ее через границу и доехать на ней хотя бы до Джелалабада – и с ней при этом в дороге ничего не случится, – то там ее можно продать и за восемь тысяч золотых, а в Пешаваре, по другую сторону афгано-британской границы, она будет стоить не меньше десятки. При ввозе русского автомобиля на территорию Британской Индии полагается заплатить пошлину, эквивалентную примерно двум тысячам золотых, но если ты не новичок и знаешь ходы-выходы в таможне, то тебе это обойдется всего в пятьсот золотых. На российской границе коррумпирован примерно каждый второй таможенник, а на британской – все поголовно. А если еще и груз прихватить – машина большая, просторная, можно взять до тонны самого разного груза и продать его в дороге, – то за один рейс ты свои деньги удвоишь. А если еще и на обратный путь прикупить «золотой сон», или «семь слонов», или «три девятки»...

Рисковых людей было много, причем и с той стороны границы, и с другой. Русские, узбеки, таджики, пуштуны, индусы, даже британцы. Те, кто готов был, как и в старые времена, переносить лишения, идя с караванами, защищать груз с оружием в руках, рисковать своей жизнью. На всем протяжении пути подстерегала опасность – после четвертой и пятой афгано-британских войн нормальной, распространяющейся на всю страну власти в Афганистане не было. Англичане из захваченной страны ушли, чтобы не было потерь, чтобы не разжигать еще больше партизанскую войну. Короля Гази-Шаха справедливо считали британским ставленником – он и в самом деле им был, потому что, кроме как на британцев, опереться ни на кого не мог. Все дело в том, что король не являлся чистокровным пуштуном племени Дуррани, которое двести лет подряд держало афганский престол, он был пуштуном только наполовину, а на другую половину, по матери – хазарейцем. В итоге ни пуштуны, ни хазарейцы, никто, кроме королевской армии, не считал его своим, а сил у него хватало ровно настолько, чтобы полностью контролировать Кабул и окрестности столицы, а также создавать видимость власти в стране – именно видимость. На самом деле здесь правили племенные вожди и губернаторы провинций, назначаемые слабым королем за бакшиш, «подношение». Как ни странно, пуштунов такая ситуация тоже устраивала. Король был объектом всеобщей ненависти, ставленником захватчиков – англизмов, но, если его убить, все пуштунские племена тут же перегрызутся между собой. Ненависть к королю объединяла пуштунов, но без него борьба за трон ввергнет Афганистан в пучину гражданской войны. Мудрые старейшины племен это понимали – и оставляли все как есть. Оставляли – до поры до времени...

И пока это продолжалось, афганский народ нищенствовал. Основным сельскохозяйственным товаром были конопля и опийный мак, а между населенными пунктами шли и шли по плохим, давно не ремонтировавшимся дорогам ошестинившиеся стволами караваны. Стреляли редко, потому что машина с пулевыми пробоинами в кузове, например, потеряет в цене – предпочитали платить дань. Как въехал на территорию какого-либо племени – плати дань. Но и стволы были – во-первых, чтобы племена не забывали, что проехать можно и без дани, и не нагнали, во-вторых, находились и отморозки – их называли «душманами». Эти душманы не хотели довольствоваться малым, снимая дань, они нападали на караваны, чтобы забрать весь груз целиком, чаще всего нападали на ночных стоянках или на горных дорогах. Вот против них и нужно было оружие. Но оружие не всегда помогало, и оставались у разбитых афганских дорог обгоревшие, иссеченные пулями остовы машин и страшно белеющие кости лихих караванщиков...

Поскольку афгано-русская граница – опасное место, то и прикрыта она соответствующим образом. Несколько погранотрядов находились в ключевых ее точках, сама граница представляла собой – где это было возможно – сплошную многометровую полосу колючей проволоки, мин, датчиков движения. Кроме того, над нею постоянно курсировали небольшие дирижабли со средствами наблюдения, как в обычном, так и в термодиапазоне. Каждая застава выставляла скрытые, кочующие посты и секреты, облетала зону ответственности на вертолетах, пограничники вели агентурную работу в прилегающих к границе районах.

Помимо прочего, напряженный участок границы использовался и для боевой учебы. В Чирчике стоял полк, относящийся к командованию специальных операций, под Ферганой была оборудована огромная военная база. Она служила центром для обучения ведению боевых действий как в горной, так и в пустынной местности. Завершающий этап обучения проводился в реальных условиях – курсанты выставляли посты на границе, учились бесшумно ходить по горам, обнаруживать противника и уничтожать его. Условный противник в любой момент мог превратиться в настоящего, поэтому наряду с учебными боеприпасами курсанты носили и боевые. Также границу прикрывала десантно-штурмовая дивизия, пока это была Шестьдесят шестая, но ее уже переводили под Санкт-Петербург, а на ее месте формировали новую – Сто восьмую.

Но даже с такими экстраординарными мерами границу нельзя было считать полностью перекрытой. Дело заключалось в товаре: если купить партию героина в Джелалабаде – там был крупнейший в мире оптовый рынок дури и торговали в открытую – а потом продать в розницу в Санкт-Петербурге, то один золотой на выходе превращался в пятьдесят. Ради такого куша находились желающие рискнуть и переправиться через границу или попробовать подкупить таможенных офицеров. Переправкой занимались опытные профессионалы, сплоченные в банды, они имели агентуру даже в погранотрядах, знали графики дежурств, местоположение скрытых секретов, схемы минирования, графики облетов и пролетов дирижаблей. На вооружении у них было бесшумное оружие, акваланги, специальные накидки, делающие бессильными тепловые датчики. На границе работали даже бывшие сасовцы, в основном в качестве инструкторов – соблазняясь после отставки жалованьем, на порядок превосходящим армейское. В общем, покоя на этом клочке земли не было никогда.

Сегодняшний день особо не отличался от других таких же. Недавно рассвело, по лазурно-синему небу медленно карабкался вверх, в зенит, сияющий диск солнца, рвано-острые пики гор закрывали горизонт. Длинная колонна машин, скопившаяся у капитального бетонного моста через Амударью, довольно споро продвигалась, а с обратной, афганской стороны пропускали в час по чайной ложке, и то после тщательного обыска. Оно и понятно – ну что, скажите, такого можно незаконного ввезти в Афганистан? Разве только оружие, но это уже не наша головная боль. А так – на больших, трехосных и четырехосных полноприводных «АМО» и «КУНах», тяжелых, грозно выглядящих, с массивными кенгурятниками, дополнительными

фарами, навесной броней, везли все, что только нужно для жизни – еду, одежду, стройматериалы, технику. Афганистан был страной совершенно без промышленности, британцы не считали нужным ее развивать, просто продавали свои товары в Афганистан, как и в другие колонии и зависимые страны, втридорога и на этом делали деньги, а от товаров других стран отгораживались протекционистскими таможенными пошлинами. Но здесь это не проходило – как только офицер русской таможни отпускал очередной загруженный товаром «АМО», тот, плюясь черным дизельным выхлопом, проходил мост, а на афганской стороне даже не останавливался – опускалось окно, из кабины свешивалась рука водителя с зажатой в ней купюрой, прямо на ходу эта купюра переключивалась в руку таможенного офицера, а потом в его карман. Таксу знали все, и всех это устраивало.

Но именно здесь должен был начаться второй этап строго засекреченной стратегической операции «Чингисхан». Название операции выбрал компьютер, совершенно случайно из более миллиона терминов и понятий, но удивительно, что оно подошло в самый раз.

Контролировать прохождение границы могли бы с обычной погранзаставы, с дирижабля – серо-стального цвета гигант висел всего в двух километрах от таможенного поста, возможностей оптики вполне хватало, чтобы вести наблюдение. Но в этом случае создавалась возможность утечки информации, которая, даже самая малейшая, была недопустима. Поэтому в Чирчик несколько дней назад прибыла особая разведывательная группа из центра – двое техников-операторов и несколько спецназовцев для охраны. Пройдя наскоро, за несколько дней, «курс молодого бойца» для горных условий, они влились в состав особой разведгруппы – командование чирчикского полка выделило шестнадцать человек – задачу которой знали только «варяги», пришлые. Да и то – следовало выдвинуться в квадрат такой-то, проконтролировать прохождение через границу колонны машин, госномера такие-то, проконтролировать переход их до точки, где они попадают в афганскую зону ответственности. А кто находится в машинах, что за груз они везут – было неизвестно...

Вертолет высадил их группу вечером предыдущего дня, почти за двадцать километров до точки, которую выбрали по карте как основной наблюдательный пункт. Скальная терраса, заросшая кустарником – на ней удалось бы уместить человек пятьдесят, то есть с запасом. По этой террасе проходила тропа. Правда, по ней могли пробираться контрабандисты. Если они нарвутся на группу, будет бой, это демаскирует засаду и сорвет выполнение задания. Но другого такого места для наблюдения в окрестностях не было – пришлось располагаться здесь, отправив по обе стороны тропы сторожевые посты и прикрывшись минами направленного действия.

К удивлению местных, чирчикских спецназовцев, излазивших в ходе подготовки и боевых операций местные горы на пузе вдоль и поперек, «варяги» – а они так и отказались сказать, кто они и где служат, – прекрасно проявили себя в ночном переходе. Ночной переход – это вообще опасно, а ночной переход в горах, да еще в том районе, где в любой момент можно нарваться на вооруженных до зубов контрабандистов с дурью, – чрезвычайно опасен. Тем не менее «варяги» – они держались отдельной группой и несли какое-то оборудование в мешках, на вид килограммов тридцать – шли бесшумно и споро, ничуть не отставая от обстрелянных, опытных чирчикцев. Ни один из них – для новичков вообще нонсенс – не произнес ни звука при переходе, никого не пришлось подстраховывать. Обычно новички переговариваются между собой, не знают, как страховаться на склонах и осыпях, чем-нибудь выдают себя. Но эти оказались выше всяких похвал.

Позицию заняли утром, в шесть ноль-ноль по местному времени. Переход открывался ровно в восемь ноль-ноль, поэтому за ночь к нему скопилась едва ли не десятикилометровая очередь. На стоянках стояли рядами машины – на русском берегу по-серьезному не грабили, могли только сломать замок и унести вещи и магнитола, поэтому в каждую машину, ходящую по этому маршруту, ставили небольшой сейф. А так, водители, договорившись с охранниками

из местных, которые подрабатывали тем, что охраняли машины ночью с громадными собаками, туркменскими алабаями, направлялись в один из трех караван-сараяв, работавших по русскую сторону границы. Здесь, как и пятьсот лет назад, можно было найти все, что душе угодно – вкусно покушать, покурить кальян, подобрав наргиле по вкусу, найти интересного собеседника для неторопливой беседы, поспать не на узкой полке в машине, а в нормальных условиях, хорошо провести время с одной из местных дам, договориться об обмене или продаже товара и заключить сделку. Все было в этих караван-сараях – даже огромные белые тарелки спутниковых антенн стояли над древними каменными стенами, как символ победы в этих краях двадцать первого века над веком девятнадцатым...

Имелась еще у самой границы и заправка – большая, настоящее нефтехранилище. Ее хозяин считался одним из самых богатых людей в Туркестане – потому что каждый дальний бойщик, переправляясь через границу, заезжал на заправку и заливал топливо во все основные и дополнительные баки. В Афганистане это обошлось бы намного дороже, и черт его знает, когда удастся заправиться по ту сторону границы и удастся ли вообще.

Как только дошел, командовавший группой «чирчикских» майор Волобуев посмотрел на часы, по-быстрому отдал команды:

– Кот, с группой вниз. Удаление сто пятьдесят метров, развернись, перекройся минами, замаскируйся. Бык, то же самое – сто пятьдесят метров вверх. Остальным – рассредоточиться, замаскироваться, обеспечить периметр!

Словно дери – так местные называли горных духов, кое-кто даже утверждал, что видел их, хотя, скорее всего, это были банальные контрабандисты с дурью – один за другим спецназовцы исчезали во мраке. Каждый из них уже присмотрел во время перехода – опытный боец делает это всегда «на автомате» – подходящее укрытие и теперь спешил к нему. Опять-таки опытный боец никогда не займет укрытие, не проверив его на наличие мин или змей – так что отряду понадобилось немного времени...

Спецназовцы быстро заняли позиции, замаскировавшись и укрывшись накидками. «Варяги» развернули свое имущество – оказалось, что несли они в своих рюкзаках станцию спутниковой связи, похожую на астрономическую трубу со стократным увеличением, и какой-то аппарат с небольшой антенной, смахивающий на пульт управления чем-то. Еще один мешок остался нераспакованным.

– Господин майор, технику установили. Собрать?

Командовавший «варягами» майор – бритый наголо, с короткой бородой, выделявшийся шикарным горским кинжалом вместо обычного штык-ножа, посмотрел на часы.

– Пока не собирайте, еще ломаете. Занять позиции для наблюдения!

– Есть!

Сам майор Мадаев, чеченец по национальности, как и многие его бойцы, входил в состав одного из чеченских спецбатальонов – легко и бесшумно, что выдавало в нем горца, подполз к развернутому и накрытому маскировочной сетью телескопу на краю обрыва. Коснулся плеча лежащего за телескопом солдата, тот бесшумно отодвинулся, уступая место. Майор прильнул к объективу...

Необходимости в ночной оптике не было, на дороге уже стало достаточно светло. Длинная стальная змея – машины стояли вплотную одна к другой – в несколько рядов извивалась по дороге, растекалась на обочины, исчезала за поворотом в ущелье. Через равные промежутки по обе стороны змеи еще горели костры. Иногда с гиканьем, с топотом копыт по иссохшейся, каменистой земле проскакивали верховые – охрана. Остальные охранники сидели у костров. Бывшие пастухи, нашедшие себе занятие более простое и денежное – они бросили свои стада и охраняли теперь стальное стадо, точно так же, как до этого охраняли овечьи. Вернее, охраняли не они, охраняли здоровенные – по пояс человеку – мохнатые молчаливые собаки. Пока они мирно лежали у костров рядом с хозяевами, но время от времени то одна, то другая насто-

женно поднимала голову и всматривалась в горные склоны. Эти собаки почти никогда не лаяли – не считали нужным. Они убивали...

Сетка прицела замирала то на одном месте, то на другом. Один алабай – белая, длинношерстная зверюга, когда перекрестье зрительной трубы замерло на нем, до этого мирно лежащий и смотревший на пламя, вдруг настороженно поднял голову и посмотрел прямо на майора. Хотя разделяла их пара километров, собака все равно что-то почуяла. Майор вдруг ощутил родство с этим восьмидесятикилограммовым собачьим исполином – в его доме, далеко отсюда, тоже жил такой же зверь, только кавказская овчарка.

– Господин майор, в зоне видимости противника не наблюдаю! – Лежащий неподалеку снайпер успел обшарить возможные точки, где мог обнаружиться противник, через прицел, установленный на крупнокалиберной снайперской винтовке.

– Продолжать наблюдение. Время?

– Шесть тридцать одна, господин майор.

Майор снова прильнул к телескопу, обшаривая взглядом длинную стальную змею, хотя и понимал, что нужные ему несколько машин ночью, да среди такого количества точно таких же, он не различит...

В горах начинался рассвет. Непроглядный мрак ночи сменился серой хмарью, внизу водители уже выходили из караван-сарая, сытые и довольные, весело переговариваясь – на разных языках, но при этом отлично понимая друг друга, шли заводить стальных коней. Минувала последняя спокойная ночь перед долгими переходами по местам, где стрелять могут даже горы, не дай бог, для кого-то и просто последняя...

Майор оторвался от объектива...

– Приступайте...

Из последнего мешка двое извлекли что-то наподобие крыльев, а потом и корпус, фюзеляж небольшого, странной формы летательного аппарата. На вид весил он килограммов шесть-семь, а размах крыльев у него был метра полтора...

Техники сноровисто собирали аппарат – вставили в пазы несущие плоскости, потом управляющие, проверили двигатель, прикрутили к приводному валу винт. Один из техников поднял летательный аппарат, наминавший собранную авиамоделистом модель самолета, на вытянутой руке, второй склонился над пультом управления, экран которого осветился мягким зеленым светом...

– Контроль. Двигатель!

С едва слышным подвыванием винт стал вращаться.

– Норма.

– Плоскости?

Самолетик покачал сначала рулями высоты, потом направления.

– Норма.

– Аппаратура?

Матово-зеленое свечение сменилось другим, экран почернел, на нем отчетливо проявились светящиеся желтые точки фар, отблески костров на дороге...

– Норма. Все системы в порядке.

Один из техников повернулся к майору в ожидании команды.

– Запускайте, – решил майор, хотя солнечный диск еще не показался над долиной, он только высвечивал черные пики гор за спиной...

Техник изо всех сил метнул самолет вперед. Самолет пролетел пару метров, прыгнул вниз, но тут второй техник у пульта управления включил двигатель, отклонил управляющие поверхности, и падение перешло в уверенный горизонтальный полет...

– Пуск произведен штатно! Есть управление!

– В режим ожидания! – приказал майор. – Пусть просто барражирует над дорогой...

Ровно в восемь часов и ноль минут дорога ожила. Сонный усатый таможенник в нештатном камуфляже без знаков различия вместо положенной формы проверил поданную ему из кабины стоящего у самого шлагбаума четырехосного «АМО» декларацию, дружелюбно перекинулся парой слов с водителем – здесь все ездили не первый год и служили не первый год, и друг друга знали по именам. Черкнув на декларации свою закорючку, таможенник махнул рукой – и шлагбаум взлетел перед таранным бампером грузовика, открывая тому въезд на мост. Рывкнув дизелем, перегруженная, похожая из-за нештатного навесного бронирования на доисторического ящера машина бодро въехала на мост, покотив в афганскую сторону...

– Внимание! Наблюдаю объекты с первого по шестой. Все штатно!

Выделить нужные машины в море таких же оказалось просто – на каждой из них был поставлен инфракрасный маяк для опознания, такой, какие используют в армии. Поэтому беспилотный разведчик их моментально засек, как только они появились из-за поворота, ведущего в ущелье.

– Машины двигаются, все штатно!

– Принял, продолжать наблюдение!

Колонна продвигалась достаточно быстро, на стоянку для досмотра препроводили только одну машину, остальные – несколько слов, декларация и – welcome to Afghanistan. Если у тебя нет ума, то государство тебя останавливать не будет.

Пройдя очередь, примерно в девять ноль-ноль подошли к таможенному посту и эти шесть машин – все шесть марки «АМО», трехосные, бронированные, с длинными рамами, с кабинами от машин, списанных из армии. Эти кабины изначально делаются со съёмным бронированием, такая кабина снимается со списанного армейского грузовика, ставится на длинное, вездеходное гражданское шасси, благо места крепления унифицированы – и готова идеальная машина для афганских караванных путей.

Перекрестье – не прицела, а пока только трубы – замерло на усатом, недовольном лице таможенника. Он принял бумаги, посмотрел на них, потом на водителя, потом опять на бумаги. Майор напрягся – обыск машины было последним, что нужно в такой ситуации. Но тут из окна машины таможеннику протянули еще лист бумаги, наскоро свернутый в виде конверта, и усатый моментально подобрел, расплылся в улыбке. Следующие пять машин он и проверять не стал – как двигались в колонне, так и въехали на мост. На лениво описывающий круги в небе беспилотник никто не обращал ни малейшего внимания, да и для того, чтобы увидеть его, понадобилось бы поистине орлиное зрение.

– Интересно, сколько там... – поинтересовался лежащий неподалеку снайпер, когда конверт перекочевал из рук в руки.

– Достаточно... – процедил майор, – завсегдатаи раз в месяц сразу за весь месяц платят, а тут незнакомые едут.

– Вот и познакомились...

О том, что таможенник берет взятки, знали, поэтому и назначили переход именно на его смену.

– Внимание, колонна на чужом берегу! Внимание всем!

Колонна приближалась к афганскому посту. Если при задержании русской таможней предписывалось просто сдаваться – там дальше разберутся – то при задержании на афганском таможенном посту предписывалось открывать огонь. Совсем неподалеку, в нескольких километрах за спинами спецназовцев, выполняло учебное задание звено штурмовых вертолетов «М-40» – у Мадаева была связь и с ними.

Но на афганском посту все прошло даже проще. Открытое окно, рука с зажатыми в руках купюрами – сразу за шесть грузовиков – и проезжайте. Знакомые, незнакомые, какая разница, в сущности – деньги-то у всех одинаковые. Кстати, русские золотые рубли ценились здесь больше, чем британские фунты стерлингов, – требуются в приграничных торговых расчетах.

– Господин майор, колонна прошла! Наблюдаю колонну на трассе!

Майор вытер пот со лба.

– Аллах с нами. Связь!

Связь установили быстро – спутник как-никак, не то что раньше мучились.

– Гнездо, я – Орел! Колонна прошла нитку, повторяю, колонна прошла нитку! Как поняли, прием?

– Орел, я – Гнездо! Вас понял, продолжайте наблюдение до точки три, прием!

– Принято, продолжать наблюдение до точки три, прием!

– Верно, конец связи...

Оказавшись на афганской земле, колонна сгрудилась на придорожной площадке, сбивалась в караван, водители вешали на окна бронежилеты, караванщики – на легких джипах с АГС и «ДШК» распределяли места в конвое и вжимали плату. Вот только шесть грузовиков, не останавливаясь, пошли вперед, поднимая столбы пыли и не дожидаясь места в колонне. Такие тоже бывали – не хотели платить караванщикам за охрану от душманов, сэкономили деньги, считали, что сами справятся. Никто их останавливать не стал – каждый сам решает, когда и как ему умереть, если за него это не решат другие. И опять никто не обратил внимания на нечто, похожее на небольшую птицу в вышине, неотрывно сопровождающее странную колонну...

– Когда?

– Имей терпение, Абдалла. Достойный и разумный муж не торопит события. Все в руках Аллаха!

Абдалла, шестнадцатый из восемнадцати сыновей шейха Дархана, перевернулся на живот, начал от скуки, чтобы занять руки и унять раздражение, играть со своим «маузером».

– Давно у тебя это? – Карим кивнул на пистолет.

– Давно. Отец подарил на совершеннолетие.

– Хороший пистолет, – задумчиво проговорил Карим, – у меня был друг, который очень любил именно «маузер». И стрелял из него – мастерски.

– А где он?

– Не знаю, – ответил бесхитростно Карим и не лгал, – кое-кто даже говорил, что он погиб, хотя я в это не верю. Не мог он погибнуть.

– Там, да?

– Там...

Где «там», не уточняли, собеседники знали, о чем идет речь. И хотя оба они были из разных стран, из разных культур, можно даже сказать, из разных миров, а к тому же их соплеменники воевали по разные стороны в той кровавой бойне – они уже не испытывали зла друг на друга. Потому что оба уже знали истинных виновников пролитой крови.

А теперь они возьмут кровь за кровь, если так будет угодно Аллаху...

На боку у Карима завибрировал переговорник:

– Эдельвейс на приеме!

– Эдельвейс, это – Гнездо! Родственники едут, встречайте.

– Гнездо, вас понял, конец связи!

– Карим, – Карим при этих словах Абдаллы улыбнулся, он все-таки отучил его обращаться к нему «эфенди», как к старшему и гостю, и заслужил доверие этого по возрасту подростка, а по сути мужчины, – расскажи мне что-нибудь о том, что было там...

– Там было страшно, – просто ответил Карим, – и не потому, что градом летели пули и рекой лилась кровь. Там было страшно потому, что люди, которые считали себя правоверными, воинами Аллаха, убивали других правоверных и делали это именем Аллаха. А делали они это потому, что англизы лгали им – и они пошли воевать за чужие им интересы, пошли проливать кровь людей, которые им не сделали ничего плохого, а просто хотели мирно жить. Они каждую

пятницу ходили в мечеть, они жили так, как предписывал им Коран, но пришли их единоверцы и начали их убивать. Вот что было самое страшное, Абдалла...

– Отец говорит, англизы подлы и лживы, – степенно проговорил Абдалла, – и твои слова это подтверждают. Я буду храбро сражаться твоим оружием с англизмами, Карим, пока последний из них не побежит, поджав хвост.

– Хорошие слова, Абдалла, – Карим взглянул на часы, – слова, достойные мужчины и воина. Скоро надо будет встречать гостей.

– Понял... – Карим сноровисто сменил позу, достал из кармана жестяную коробочку, в которой обычно носят насвай, перевернул ее отполированной до блеска стороной вверх и начал сигналить, посылая солнечные зайчики другим бойцам группы.

Когда выезжаешь с берега русского на афганский, это чувствуется – практически во всем...

Русский Туркестан, пусть он был и не так развит, как остальные части империи, пусть в нем сохранились какие-то феодальные пережитки – все равно по сравнению с Афганистаном и тем, что творилось там – небо и земля. На русской земле – нормальные дороги, придорожные гостиницы, кафе, заправки. То тут, то там рядом с дорогой – промышленные корпуса: то цементный завод, то плавка алюминия, то еще что-нибудь подобное. Гидроэлектростанции – энергия горных рек не пропадала зря. Техника на полях, аккуратные крестьянские домики в кишлаках, стада скота с пастухами, сады с фруктами, виноградная лоза...

Афганистан – в хлам разбитые дороги, нищая серость гор, красные лоскуты маковых полей, зелень зарослей конопли, следы от пуль на редких дорожных указателях. Техника – если на русской земле ездили обычные машины – легковые и грузовые, то здесь – большей частью бронированные, ошестинившиеся стволами внедорожники и пикапы с крупнокалиберными пулеметами на самодельных турелях. Легковые машины были разве что в Кабуле, остальное – дикая земля, там только внедорожник, а еще лучше бронированный внедорожник. Базары – торгуют рабами, заложниками, женщинами, детьми для плотских утех, оружием, наркотиками – в открытую, никого не стесняясь взвешивают пакеты, запакованные в несколько слоев прочной полиэтиленовой пленки, торгуются, ругаются. Даже днем на улицах городов нередки выстрелы – а уж на «дикой земле», на дорогах, – черт знает что творится. Каждое племя, каждая народность содержит вооруженные дружины, так называемых малишей, для видимости они подчиняются правительству в Кабуле, но это только для видимости. Кроме торговли и выращивания наркотиков основной заработок племен – проводка караванов, за это берут деньги и передают караван на границах племенных территорий из одних рук в другие. Неудобно, но что делать. И это ни от чего не гарантирует – на дорогах полно душманов¹⁶. Все как в восемнадцатом-девятнадцатом веках, только у душманов вместо сабель – РПГ и крупнокалиберные пулеметы...

Выехав на афганскую землю, люди, сидящие в кабинах тяжелых грузовиков, ощутимо подобрались, передернули затворы автоматов. Все они пришли из силовых структур Российской империи – кто-то из десанта, кто-то из спецназа, кто-то из жандармерии. Все они уволились, и уже на следующий день их приняли в некое «общество на паях», недавно организованное и имеющее основной целью «оптовую торговлю и организацию перевозок в Восточных землях». Возглавил это общество некий Арут Ашотович Егизарян, уволившийся недавно с дипломатической работы и подыскивающий себе занятие по душе – откуда-то он хорошо знал специфику грузоперевозок. Происхождение капитала этой фирмы было темным и сомнительным, персонал фирмы как на подбор – крепкие неразговорчивые мужики от двадцати пяти до пятидесяти, предпочитающие ходить в камуфляже. Это был первый рейс, за ним пойдут другие.

¹⁶ Душман – в оригинале это слово значит «бандит с большой дороги», тот, кто грабит купеческие караваны.

В кабине каждой машины сидели двое – водитель и охранник. У водителя был укороченный, удобный в тесноте кабины автомат, у охранника – полноразмерный «калашников» с подствольным гранатометом. И кабины, и кузов защищены съемной броней, что давало некую уверенность в том, что первая, короткая часть пути пройдет нормально. Душманы опасались нападать на караваны у самой границы, потому что там ждут клиентов проводники, а увидев душманов, не преминут с ними разобраться. Тридцать километров – все, что им следовало пройти на первом этапе, потом они пойдут со своей охраной, да и сами они чего-то да стоят.

– Налево! – Сидевший в головной машине охранник, придерживая автомат коленями, неотрывно смотрел на небольшой прибор – спутниковый приемник системы навигации. По нему прокладывался путь – потому что надежных ориентиров в Афганистане почти не было...

Свернув с накатанной дороги, машины пошли по целине, переваливаясь на камнях и ухабах, раскачиваясь, как лодки в шторм. Было лето, была сушь – и столб пыли выдавал продвижение небольшой колонны, но с этим ничего нельзя было поделать...

Картинки из прошлого

12 сентября 1992 года.

Монтемаджоре Белсито, Сицилия

День сменялся ночью, а ночь – днем, «падре» все не приходил, а сэр Колин с удивлением открыл для себя много новых, незнакомых прежде вещей. Жизнь в Лондоне – в политике, в высшем свете, тем более в разведке, похожа на жизнь рыб в глубине океана, под чудовищным давлением. Такие рыбы слепы, глухи, уродливы – такими становились и люди, прожившие «жизнью под давлением». Ослепшие, оглохшие, не слышащие никого и даже себя, морально уродливые... Сэр Колин знал чудовищную статистику – к сорока годам у его коллег в «послужном списке» числится как минимум один развод, как минимум одно хроническое заболевание – чаще всего язва желудка, а после отставки редко кто проживает больше пяти лет. Поэтому и боятся отставки многие, в том числе и он сам, потому что без работы жизнь просто теряет смысл. Не остается ровным счетом ничего – кроме работы...

А теперь... А теперь сэр Колин уже седьмой день жил простой деревенской жизнью. Он просыпался рано утром от петушиного крика, он питался здоровой крестьянской пищей без консервантов и красителей. Он неуклюже выполнял простые крестьянские работы, помогал донье Стефании возиться с курами и свиньями, он не отвечал на телефонные звонки – телефон здесь просто не принимал, в этом благословенном месте не было сотового покрытия. Удивительно – но он не боялся местных, и местные, хотя и сплошь мафиози, стали понемногу признавать его. По крайней мере, когда он шел по улице, дети не прятались, как раньше, а подбегали к нему, пытались заговорить, втянуть в свои игры. Удивительно – но он понимал их, а они – его. Он даже бросил курить, чтобы табачный дым не мешал ему наслаждаться чистейшим воздухом...

Сэр Колин перестал бояться отставки. Прежде он боялся отставки, боялся быть ненужным – это чувство съедало его изнутри, словно кислота, особенно в последнее время. А теперь... Ну, отправят в отставку. Конечно же, в почетную, на таком уровне поганой метлой не выгоняли – его примет премьер, произнесет прочувствованную речь, коллеги пустят скупую слезу, в уме прикидывая, как половчее забраться в опустевшее кресло. Что-нибудь подарят – часы золотые или заказное ружье «Джеймс Перде» или «Холланд и Холланд»...

И что? Жизнь кончилась? Да вот вам, выкусите! Он уедет куда-нибудь, купит домик – денег более чем хватало. Он не будет дышать мерзким лондонским смогом и глотать отравленную консервантами пищу. Он не будет больше приказывать своим подчиненным лгать, воровать, убивать, подрывать. Возможно, он заведет несколько кур и большого красивого петуха. И проведет остаток жизни как человек, а не под постоянным прессом.

Найджел тоже расслабился – он уже не хватался при каждом случае за оружие, а его бычья сила очень даже пригодилась. Томазино был плотником, он брал подряды на ремонт и восстановление домов, и Найджел теперь ходил с ним и помогал в его нехитрой работе.

Сейчас сэр Колин сидел на большом, неизвестно как тут оказавшемся камне и смотрел на закат. В руках у него была лепешка, иногда он откусывал от нее кусочек и тщательно жевал, иногда отрывал и бросал суетившимся неподалеку курам...

– Теперь ты понял, почему я послал все к чертовой матери? – раздался тихий голос за его спиной.

Сэр Колин вздрогнул – он не слышал, не почувствовал, как падре приблизился к нему. Впрочем, сэр Джеффри был полевым агентом, работал даже в петербургской резидентуре – удивительного в том, что он сохранил навык бесшумной ходьбы, не было...

– Понял... Вот только не всем это дано.

– Не всем. Но каждый сам выбирает себе судьбу, – падре внезапно перешел на русский – язык вероятного противника, которым он владел в совершенстве, – у русских есть такое понятие «судьба» – очень емкое и точное, в английском языке прямого аналога нет. Это одновременно и сумма всех поступков, совершенных человеком, и путь, по которому он идет в будущее, и то, что он должен сделать для этого мира, с какой целью он пришел в него. Как думаешь, какая у нас судьба, Колин, для чего мы родились?

– Наша судьба – нести в этот мир беду... – внезапно ответил сэр Колин, тоже по-русски.

– Вот именно. Так что пойдем и займемся именно тем, о чем ты сказал. У меня возникла пара свежих идей.

Жилище сэра Джеффри – не имеет значения, как он здесь назывался – немного отличалось от домов местных жителей – хотя бы тем, что было одноэтажным и не пристроенным к скале, а стоящим отдельно. Сложенная из камня лачуга с земляным полом, с простым деревенским очагом для приготовления пищи. Узкие, подслеповатые, похожие на бойницы окна – удивительно, но в поселке имелось электричество, поэтому и лампочки горели. Загон для скота, пустующий – сэр Джеффри скота не держал. Примитивная, похоже, работы местных столяров мебель.

И – контрастом среди всей этой убогости, вещью из двадцать первого века в веке девятнадцатом – современный ноутбук с титановым корпусом и модемом для спутниковой связи. Сэр Колин непроизвольно вздрогнул, когда увидел это в комнате. Такой ноутбук уместно смотрелся бы в кабинете директора какой-нибудь крупной фирмы в Вестчестере, но не здесь, в хижине с земляным полом в сицилийском захолустье...

Ноутбук работал – хотя на экране было только звездное небо, и звезды неумолимо неслись навстречу, сменяя одна другую.

– Присаживайся, Колин, – падре подтолкнул гостя грубо сколоченный деревянный табурет, себе пододвинул другой такой же, – извини, тут у меня не прибрано. Живу один, сам понимаешь...

Прикрыв клавиатуру спиной, падре быстро отстучал пароль, отключающий заставку. И хотя сэр Колин не видел пароля, он понял, что хватки падре не потерял – хотя бы по длине пароля – четырнадцать знаков. Причем это явно не кличка собаки или перевернутые наоборот цифры года и дня рождения. Это длинная и внешне бессмысленная комбинация букв и цифр, пароль явно не дилетанта, знающего, что такое добывание и перехват информации. Раньше сэр Джеффри был разведчиком, сейчас стал слугой Господа, но хватки своей он не утратил...

– Подсаживайся ближе! – сэр Джеффри повернул ноутбук так, чтобы было видно и гостю. – Узнаешь, что это?

На экране красовалась большая схема – с подписанными квадратами, разноцветными стрелками между ними, условными значками...

– Конечно... – фыркнул сэр Колин. – Такое дерьмо я вижу каждый божий день на службе. Это древо событий, стандартная схема разведывательной операции.

– Я был бы тебе очень благодарен, Колин, если бы ты не употреблял более Его имя и слово «дерьмо» в одном предложении. Не богохульствуй. Да, это именно древо событий, нарисованное мною в первый же день, когда я разбирал бумаги, привезенные тобой. И знаешь что?

Сэр Колин молча смотрел на своего предшественника и учителя.

– Вся эта схема – полное дерьмо! – сам же ответил на свой вопрос Джеффри, воспользовавшись определением собеседника.

– Почему? – не понял сэр Колин. – Это серьезно и долго готовилось.

– Я тебе скажу, почему. Я ради интереса посчитал, сколько здесь ветвлений, когда события могут пойти по тому или другому варианту. И знаешь, сколько я их насчитал?

– ???

– Шестидесят пять! В шестидесяти пяти точках разветвления эта история может пойти так или иначе. Это допустимо для тактической операции – перевербовка агента, подключение к кабелю, через который идет информация. Знаешь, сколько таких точек должно быть в нормально разработанной операции стратегического уровня?

– ???

– Ни одной! Это желательно, но главное – точки выхода. Их я насчитал у тебя на схеме двенадцать, а должна быть только одна. Иначе операцию следует отменять как плохо проработанную. Как река всегда, на сколько бы русел она ни ветвилась по дороге, всегда впадает в море или в океан, так и операция стратегического уровня должна быть проработана так, что как бы ни шло развитие событий – оно должно в любом случае приводить к одному финалу – тому, который придумал автор замысла. Вы же ринулись в пекло, имея двенадцать самых разных вариантов выхода. Двенадцать вариантов – это значит, что вероятность успеха операции менее десяти процентов! И, тем не менее, вы приступили к ее осуществлению!

– Не мне тебе рассказывать, как принимаются решения, Джеффри, – философски пожал плечами сэр Колин, – мы подчиняемся политикам, пусть не самым умным, и вынуждены делать то, что они говорят.

– Я ушел со службы, – сказал, как припечатал, пожилой священник, – ты же остался. И все это произошло именно в твою вахту! Так что не ищи себе оправданий, Колин, ибо их нет!

– Сдаюсь, сдаюсь... – сэр Колин шутливо поднял руки, – признаю, ты полностью разгромил меня. У тебя есть что-то еще, помимо этого разгромного монолога?

Сэр Джеффри внимательно посмотрел на коллегу долгим, пронзительным взглядом, и сэр Колин внезапно ощутил страх. Впервые за долгое время он почувствовал, как страх возвращается. Такой взгляд не мог принадлежать священнику, он не мог принадлежать даже человеку. Страх, уже забытый и похороненный в потаенных уголках души, возвращался...

– План операции есть, но его вы получите только после того, как деньги поступят на мой счет. Но кое-что я все равно расскажу тебе, Колин. Прежде всего – ответ на один простой вопрос: вы в одиночку сможете справиться с Российской империей?

– Нет, – сэр Колин особо не задумываясь, – нет, не сможем, они слишком сильны и слишком велики. Даже если Священная Римская Империя займет позицию нейтралитета, мы все равно с ними не справимся, это вопрос материально-технических и людских ресурсов. Расклад показала мировая война, а ведь сейчас они на порядок сильнее. Российская империя – прежде всего сухопутная империя, они совершенно не зависят от морской торговли, и это обесценивает все наше господство на море. Даже если предположить, что они каким-то чудом потеряют весь свой океанский флот, то и без него они смогут воевать годами. В то же время мы – держава морская, мы как раз от морской торговли, от связи с колониями зависим критически. Если во время мировой войны у русских не было сопоставимого с нами океанского флота, то теперь он есть. Они могут обезопасить авианосными группами огромные районы Мирового океана и сделать там пункты сбора «волчьих стай» – подводных лодок-охотников. Идущие в метрополию караваны подвергнутся комбинированным атакам из-под воды и с воздуха и будут потоплены. А без снабжения мы долго не протянем – мы же остров, у нас нет на нем многих критически важных для войны вещей. Они выстоят и в открытом бою с Гранд-флотом. Я уже не говорю про их военно-воздушные силы. Их нынешний Император служил в дальней авиации, поэтому развитию авиации у них уделяется первостепенное значение, особенно – тяжелой авиации. Используя европейские аэродромы, они смогут первым же массированным налетом проломить нашу противовоздушную оборону и нанести удар даже по столице. Нет, с ними мы не справимся...

– А если на вашей стороне будут североамериканцы? – прищурился сэр Джеффри.

– Североамериканцы... Североамериканцы слишком непостоянны в своей политике, у них выборная власть, и они слишком сильно зависят от выборов. Признаюсь, мы допустили грубейшую ошибку в планировании, назначив начало операции на самый канун выборов в САСШ. В итоге, когда погибла атомная подводная лодка САСШ, все пошло наперекосяк. Сначала североамериканцы не могли решиться сообщить об этом, у них уже не было президента, фактически их страной правил кандидат на президентских выборах от республиканской партии. Когда началось все это, его предвыборный штаб попытался замять происходящее, потратив впустую несколько дней, хотя счет шел на часы. В итоге, когда стало понятно, что шила в мешке не утаишь, они сообщили, что подводная лодка там была и погибла от удара русских. Признаюсь, мы немного... поспособствовали утечке информации, потому что надо было принимать окончательное решение, а североамериканцы уже открыто нарушали свои обязательства перед нами. Так или иначе, возмущение североамериканцев, вполне оправданное, надо сказать, нашло совсем не ту цель, которая ожидалась. Вместо того чтобы возненавидеть русских и потребовать их уничтожения, они обрушили свой гнев на лживую и непостоянную республиканскую президентскую администрацию, а рейтинг демократического кандидата, который до этого не имел никаких шансов, стремительно пошел в гору. В итоге президент Меллон был вынужден уйти после единственного срока, а президентом САСШ стал некий господин Платтен, убежденный сторонник мира и международной торговли. Первым же делом он предал нас и начал переговоры с русскими.

– И правильно сделал, надо сказать... – равнодушно заметил сэр Джеффри, – у победы тысяча отцов, а поражение всегда сирота. Русские показали себя сильнее вас, вот он и принял сторону сильного. Я бы на его месте поступил точно так же. И попытался бы выторговать для своей страны максимум привилегий.

– Но это же предательство!

– Это жизнь, – разозлился сэр Джеффри, – это жизнь, такая, какая она есть. Это реальная политика, а не идеализм чистой воды! Если вы не понимаете разницу между этими двумя вещами, значит, я разговариваю сейчас с вами зря, можете не тратить свои деньги и продолжать дальше творить мелкие пакости, рискуя получить затрещину, такую, что искры из глаз посыплются! Так как?!

Сэр Колин ничего не ответил. Он понимал, что старый разведчик прав...

– Для чего я это тебе говорю? – спросил сэр Джеффри и сам же ответил на свой вопрос: – Для того чтобы сейчас мы правильно поставили задачу перед твоей службой на несколько лет. Именно – на несколько лет, это задача не дня, не месяца и даже не года. Скажи, сколько граждан Великобритании поддержали действия правительства во время Бейрутского кризиса?

– Общество раскололось примерно пятьдесят на пятьдесят. Часть подданных Ее Величества показали себя патриотами, требуя раз и навсегда покончить с зарвавшимися русскими, но часть потребовала привлечь правительство к ответственности за разжигание агрессивной войны. Были даже слушания в палате Общин, на которых премьер-министру пришлось несладко. Министр обороны и министр военно-морского флота были вынуждены подать в отставку.

– Вот в этом наша проблема номер два. Мы не можем воевать и побеждать, пока в обществе нет единодушия по этому вопросу. До тех пор пока в обществе не будет единодушного стремления уничтожить русских, до тех пор пока даже младенец в коляске не будет требовать раз и навсегда с ними покончить – ничего начинать нельзя. Победно воевать может только все общество, и оно не будет воевать за интересы нефтегазовых магнатов из Роял-Датч-Шелл или Бритиш Ойл. Обе эти проблемы нужно решить. Первая проблема, раз и навсегда привязать к себе Северо-Американские Соединенные Штаты, сделать так, чтобы они присоединились к нам не по трезвому расчету, не за обещания допустить к добыче нефти в регионе, а по велению

сердца. Сделать так, чтобы каждый североамериканец, услышавший даже робкое предложение замирился с этими чертовыми русскими, воспылал ненавистью к такому миротворцу, сделать так, чтобы требование уничтожить Россию стало первым и единственным на североамериканской внешнеполитической повестке дня! Второе, нужно консолидировать собственное общество, сделать так, чтобы каждый британец просыпался и мечтал о Юнион-Джеке над разрушенной русской столицей, о кораблях Гранд-Флита в устье Невы. И третье. Помимо этого, необходимо вести подрывную работу в среде самих русских. Потому что, если даже САСШ и Великобритания объединятся в неудержимом стремлении уничтожить русских – это мало что даст. Если даже весь остальной мир ополчится против России – это все равно мало что даст. Время упущено, Колин, то, что можно было сделать в тридцатых и сороковых, не сделаешь сейчас. Русские не просто сильны – русские чудовищно сильны. У них больше миллиарда человек населения, огромные запасы всех мыслимых природных ресурсов. Они в основном успели ассимилировать население Восточных территорий. Даже во время частичной мобилизации, если брать только казаков и Императорское стрелковое общество, они сразу выставят сухопутную армию численностью в сорок, а то и в пятьдесят миллионов человек. Им не привыкать отступать, они могут отступать очень долго, чтобы потом все равно перейти в контрнаступление. В их лесах и болотах может исчезнуть любая по численности армия, их суровый климат убивает верней, чем пуля. Наполеон это узнал, не дай Господь узнать это и нам. Наконец, в худшем случае, погибая, они могут нажать кнопку и забрать с собой в ад все цивилизованное человечество. Даже десятой части их ядерного арсенала хватит, чтобы уничтожить все живое на планете. Поэтому существует единственная возможность победить русских в войне – заставить одних русских воевать с другими русскими. Только так. Россию никто не сможет победить, кроме самих русских!

– И как мы это сделаем? – скептически спросил сэр Колин. – По-моему, уже был один человек, который попытался. Его звали Ульянов-Ленин, и его убили. Российская империя – это не Британия и тем более не САСШ. Там азиатская деспотия, и деспот, ни секунды не колеблясь, отдаст войскам приказ стрелять в свой народ. Там даже парламента нет!

– Если что-то болтают по телевизору, еще не значит, что это правда, – брезгливо проговорил сэр Джеффри. – Что-то я не заметил, чтобы деспот отдал приказ открыть огонь по взбунтовавшейся Казани. Насколько мне известно, бунт был подавлен относительно бескровно, а байки про тысячи погибших и обстрел артиллерией города скармливают плебсу наши кудесники из Тэвистока. Даже не понимая при этом, что среднему британцу или североамериканцу все равно – стреляли по Казани или нет, он посмотрит это, повозмущается и пойдет спать. А русским классический парламент просто не нужен, у них такая традиция. Не забывай, что до сих пор существует вторая ветвь Императорской фамилии Романовых, которую несколько десятилетий назад несправедливо отстранили от власти. В отличие от нынешних староверских фанатиков, те Романовы – вполне приемлемые партнеры по политическому торгу, они отдадут нам Восток сами, своими руками. А может, даже и не стоит его брать – пусть русская казна продолжает вкладывать деньги в этот край, пусть русская армия его охраняет, а мы будем качать нефть, добывать газ, другие полезные ископаемые – и не только там, по всей России через коммерческие концессии. Мы будем эксплуатировать русских, воровать их научные достижения, переманивать к себе лучших из них. Для того чтобы захватить страну, необязательно ее завоевывать.

– Нереально. И царствующий монарх, и его наследник служили в армии. Наследник престола – у них он называется «цесаревич», награжден Георгиевским крестом за бои на Восточных территориях. Это не офицерский орден, а солдатский, офицер может его получить только в том случае, если за это проголосуют те солдаты, которых он вел на смерть. Пусть даже мы подкупим одного или нескольких русских военачальников и они попробуют вывести войска на

Дворцовую площадь, как это было полтора столетия назад – их же собственные подчиненные при первой такой попытке схватят их и повесят на ближайшем дереве за измену.

– Реально все, что не противоречит законам физики, – философски ответил сэр Джеффри, – это просто вопрос времени, денег и профессионализма привлеченного персонала. Знаешь, что я понял, пока жил здесь – у меня ведь было много времени, чтобы подумать...

– Что же?

– Есть местная пословица. Она звучит так: «Если история чему-то и учит, так это тому, что убить можно кого угодно». Но есть и вторая пословица – ее придумал я, живя здесь и размышляя долгими вечерами. И гласит она: «Если история чему-то и учит, так это тому, что обмануть можно кого угодно». Вот на этих двух философских максимах мы и построим нашу новую стратегию действий...

– Э... боюсь под философские максимы старики не выделяют деньги, Джеффри, ты же их знаешь. Дай мне что-нибудь конкретное, помимо твоих философских максим.

– Хорошо. Я дам тебе часть картины. Русские планируют мстить?

– Вообще-то...

– Они планируют мстить, – с убеждением произнес сэр Джеффри, – не может быть, чтобы они не начали мстить. Можешь мне не говорить про свои источники развединформации, я и так это понимаю. Если этого не произойдет, они потеряют уважение сами к себе. Так вот: как только они начнут мстить, мы станем выполнять нашу первую задачу: сплотить британских подданных и североамериканских граждан в едином порыве уничтожить русских. Но для этого мне нужен русский мститель, настоящий, а не придуманный твоей службой, русский мститель, за которым будут реальные дела. А потом... потом мы обернем оружие русских против них же самих. Ты знаешь конкретно – где, что и когда?

– Пока нет...

Картинки из прошлого

16 июня 1993 года.

Афганистан

– Колонна стоп! Предел внимания!

Машины остановились, они удалились от накатанной колеи больше, чем на три километра, и теперь от дороги их отделяла невысокая гряда холмов. Через бронестекло видно было не очень хорошо, но вроде бы здесь никого не наблюдалось.

Старший колонны, сидевший в первой машине, – пожилой, хмурый здоровяк с проседью в окладистой бороде перехватил автомат, дернул за ручку двери, с усилием толкнул. Почти центнер стали – а именно столько весила бронированная дверь «АМО», – поддался усилию, и здоровяк соскочил на землю, приземляясь легко и бесшумно. Судя по тому, как он это сделал, наблюдательный человек мог бы предположить, что здоровяк – выходец из десанта, потому что именно такое приземление отрабатывают на парашютной вышке.

Здоровяк огляделся – никого, достал из кармана небольшое стальное зеркальце, входящее в армейский набор выживания, поймал солнечный свет, отсигналил: три-два-три. Еще раз – три-два-три. Стоп.

Из-за валуна, метрах в ста от головной машины, поднялись двое. Одетый по местной моде среднего роста бородач лет тридцати, и второй – помоложе, на полторы головы выше своего спутника. У молодого в руках пистолет «маузер», у бородача оружия не было. Неспешно они направились к колонне...

– Именем Аллаха, милостивого и милосердного, Господа всех миров, приветствую вас на многострадальной земле Афганистана... – начал здоровяк-десантник.

– С именем Аллаха мы родились, с именем Аллаха умрем, и с именем Аллаха на устах мы одержим победу! – подхватил и закончил бородач.

Пароль-отзыв. Принято. Оба, и молодой, и постарше, протянули десантнику руки, поздоровались...

– Что привезли? – на чистейшем русском спросил бородач.

– Много чего. Полторы сотни «АК». Тридцать «РПК» и столько же «ПКМ». По двадцать штурмкарабинов Токарева и Драгунова гражданской модификации. Пять «ДШК». Тридцать «РПГ» с гранатами, осколочными, противотанковыми и термобарическими. Половина автоматов – с подствольниками. Десять «ПББС» и спецпатроны к ним. Гранаты. Еще несколько «Взломщиков», не знаю, пригодятся ли тут, найдется ли, кто на них сможет работать. В общем, несколько групп скомплектовать – в самый раз.

– Боекомплекты?

– Не поскупились. На каждый автомат по восемь рожков и по двадцать БК. Ну и на остальное примерно столько же.

– Откуда дровишки?

– С консервации... – пожал плечами здоровяк, – откуда же еще. Карабины и «Взломщики» новые, с завода, как говорится, муха... ничего делала. Да нормально выбирали, не кололись. Даже калибром перемерили.

– Глянем?

Снова пожав плечами, здоровяк, а за ним и двое встречающих направились к кузову. Здоровяк снял один замок, потом второй, общими усилиями откинули борт. Зеленые деревянные ящики занимали весь кузов, от верха и до низа.

– Патроны где?

– Да тут же. Равномерно распределили, чтобы если что...

– Понятно...

Бородач, цепко ухватившись за борт, легко взобрался наверх, открыл один ящик, второй, третий. Закрыл. Наконец нашел то, что нужно, и спрыгнул вниз, держа в руках отливающий благородным воронением, с прикладом из дагестанского ореха, штурмкарабин Драгунова с кирзовым подсумком, в котором были принадлежность, прицел и четыре магазина.

– Абдалла...

Молодой, поняв, что происходит, как-то даже оробел.

– Это тебе. Подарок от Белого Царя. Держи, будь всегда мужчиной, храни свою честь, живи по законам предков...

Молодой аккуратно принял винтовку, ощутил ее стальную тяжесть, погладил вороненый металл, робко прикоснулся к теплomu, ореховому прикладу, благоговейно провел рукой по длинному стволу. У него уже была винтовка дома, старый, помнящий еще деда БУР – «Ли-Энфильд 303» производства британского Ишрапурского арсенала. Но он не шел ни в какое сравнение с тем, что парень держал сейчас в руках.

– Я никогда не забуду этого, эфенди, – сдерживаясь, как подобает взрослому мужчине, сказал Абдалла.

Двое мужчин внимательно наблюдали за молодым. Каждый в этот момент его хорошо понимал – помнили то, как и они сами когда-то получили свое первое настоящее боевое оружие. Помнили, что чувствовали при этом...

– Не забывай, Абдалла. Надо торопиться. Не дай Аллах, набегут душманы, и тогда твой отец не получит оружие.

– Не родился еще душман, который сможет лишить моего отца оружия, – недобро сверкнул глазами Абдалла.

Отвернувшись, Абдалла сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. И тут одновременно взревели три мотора. Совсем рядом. Один за другим, нещадно пыля, из-за холмов выкатились три старых, разномастных внедорожника, на каждом из них был установлен пулемет – все разные. Один – британский, танковый крупнокалиберный «Виккерс», на втором – спарка старинных «Виккерсов» еще с водяным охлаждением. На третьем – относительно современный «браунинг М2» производства САСШ. В машинах – в кабинах и в кузовах сидели люди с самым разным оружием – при виде этих отморозженных анархистов¹⁷ здоровяку захотелось взяться за автомат.

– Это что за парад?

– Это племенное ополчение шейха Дархана, оно будет сопровождать нас до места. Я еду в голове колонны, вы – за мной. Рации на второй канал держите, всегда на прием. Как поняли?

– Вас понял, – машинально ответил здоровяк и тут же спохватился, сомнения у него все-таки были: – А эти гаврики нас самих не перестреляют?

– Это оружие для них, для их племенного вождя. Но перестрелять тут могут, поэтому – предел внимания. Двигаемся, теряем время!

¹⁷ Одной из проблем первой половины двадцатого века были анархисты, их считали даже более опасными, чем коммунистов. Идеологическим лидером анархистов был Бакунин, покойный, а лидером коммунистов – Лейба Давидович Бронштейн (Троцкий), который жил долго и наделал немало бед. (Прим. автора.)

– Господин майор, колонна прошла точку три, встреча состоялась по плану. Колонна продолжает движение, мы на пределе дальности, в любой момент беспилотник может потерять управляемость.

Майор, уже не сидящий около трубы – ее свернули, смотреть больше было нечего – поднял голову:

– Возвращайте. Связь.

Отвечавший за связь офицер протянул трубку.

– Гнездо, я – Орел! Колонна прошла точку три, повторяю – колонна прошла точку три! Встреча состоялась, колонна продолжает движение. Как поняли?

– Орел, я – Гнездо! Вас понял, наблюдение прекратить. Выдвигайтесь на точку вывода, прием!

– Гнездо, вас понял, наблюдение снимаю, выдвигаюсь на точку вывода!

– Верно, конец связи...

Майор повернулся, жестом подозвал засевшего неподалеку командира «чирчикских».

– Сворачиваемся, уходим. Зачистить все.

– А что это было? – командир «чирчикских» не должен был интересоваться, но он все-таки поинтересовался.

– Это? Учения. Обычные учения в обстановке, максимально приближенной к боевой. Забудь.

22 июня 1996 года.

Портсмут, Великобритания

– Проезжай! Да проезжай же, мать твою!

И длинный, раздраженный гудок клаксона...

Портсмут считается одним из крупнейших британских портов, наряду с Ливерпулем, Кардиффом, Бристолем. Через него идет основной поток грузов с враждебного европейского континента, там же находится огромный нефтеналивной терминал, обрабатывающий поступающие с Восточных территорий России нефтепродукты. Нефтью Российская Империя не торговала совсем, только нефтепродуктами – там же имеется паромный терминал, каждые тридцать минут большие паромы отправляются в Германию – верней, в Священную римскую империю германской нации, так правильно называется эта страна. Грузопоток в последние годы все рос, и поэтому подъехать к контейнерному терминалу становилось все сложнее...

Дэвид Монаган, здоровенный рыжий детина, высунулся из кабины своего магистрального «Бедфорда», посмотрел вдаль, в сторону терминала. Не меньше часа еще стоять, чтоб их. Затеяливо выругавшись, Монаган взял рацию, ткнул в кнопку...

– Что стоим?

– Два парома одновременно подошли. Немцев выпускают...

– Мать их, колбасников...

Правила были такими – сперва терминал обслуживал входящие грузы, только потом исходящие – иначе там возникнет сущее столпотворение. А здесь – аж два парома подошли. Грузы перевозили двумя путями: медленным и подешевле – это значит морской контейнер, контейнеровоз, перевалочная площадка на терминале, и быстрым, подороже – в Германии этот же контейнер грузится на магистральный тягач, тягач и контейнер переплывают Английский

канал¹⁸ на пароме, и дальше без всяких перевалок на том же тягаче идет до адресата. Дороже это выходило, потому что через море приходилось переправлять не только контейнер, но и сам тягач – однако иногда время дороже денег. Жратву, цветы и прочий скоропорт возили только так.

«Бедфорд» Монагана с пустым прицепом-контейне-ровозом стоял в крайнем ряду дороги, ведущей в порт, и он, пока колонна стояла, смотрел на проскакивающие мимо германские «МАНы», «ДЕМАГи» и «Мерседесы». Больше всего было «МАНов» – умеют же немцы делать машины. Да, дизайн примитивный, кабина не сказать, что верх удобства, зато движок – полмиллиона без капремонта только так отходит, это даже не достижение. Бывает, доходит и до миллиона. Мощный, надежный, неубиваемый, даже русские на него лицензию покупают. А этот его «Бедфорд» – ну и пускай кабина шикарная, зато движокдохлый, аж на сто сил меньше мощность. То и дело – ремонта требует, масло жрет – в общем, хорошего мало. Купить бы «МАН» – да нельзя, на него заградительные пошлины. Промышленность свою поддерживаем – вот и мучаемся с такими колымагами...

Колонна двинулась – немцев пропустили быстро, почти не досматривая, немцы – народ законопослушный, и все это знают. Длинная стальная змея, дергаясь и исходя сизым солярным дымом, двинулась в порт на загрузку.

– А, Дейв... – сидящий в высокой будке – так, чтобы можно было общаться с водителями грузовиков на равных, менеджер высунулся из окошка, пожал руку Дэвиду. – Что там у тебя?

– Третий терминал... Слушай, Пит, побыстрее нельзя, а... И так простоял, а время деньги, мне еще за эту машину год почти платить...

Дэвида Монагана знали здесь все – в порт он ездил – часто.

– Сейчас... – менеджер просканировал ручным сканером договор, на котором была специальная широкая полоса QUERTY-кода с указанием терминала и характера груза, постучал по компьютерным клавишам. – Значит, так, груз твой уже дожидается. Заедешь через четвертый терминал, там тебя без очереди загрузят.

– Спасибо.

– Да брось...

Водителем Монаган был опытным, поэтому до третьего терминала добрался быстро. На терминале, как и всегда, царил суета – одни краны работали на разгрузке стоявшего у пирса контейнеровоза, другие – выдергивали из огромного штабеля один контейнер за другим и грузили на сменявшиеся на погрузочной площадке контейнеровозы. Все работало, как часы.

Монаган встал в очередь, подождал. Когда пришла его очередь, протянул тот же самый договор работяге в желтой спецовке, который просканировал его таким же самым сканером, кивнул. Через десять минут на грузовую площадку прицепа-контейнеровоза огромный кран тяжело плюхнул красную тушу сорокафутового морского контейнера. Работяги сноровисто прикрепили контейнер к прицепу, старший бригады махнул рукой – и «Бедфорд», попыхивая сизым дизельным дымком, направился к выезду из порта. Таможни опасаться не стоило – слишком велик был грузопоток этого порта, и работала таможня только по конкретным сигналам – иначе бы порт сразу встал. Первый этап операции был успешно завершен.

Пассажира он подхватил на самом выезде из города, как и договаривались. Красный фургончик «ВМС» впереди на обочине – вроде как сломанный – и голосующий человек. Дэвид Монаган аккуратно нажал на тормоз, человек побежал следом за теряющим скорость тягачом. Перегнувшись, Дэвид отпер дверь со стороны пассажирского сиденья.

– В Лондон?

– Ну, не в Лондондерри же...

¹⁸ Английский канал, так британцы называют Ла-Манш.

Пароль – отзыв... Человек, голосовавший на дороге, ловко, словно обезьяна, забрался в кабину, плюхнулся на сиденье...

– Впереди, примерно пятьдесят километров, около Гилфорда, будет стоянка для дальнобойщиков. Там свернешь. Надо проверить груз.

Человек не говорил – он приказывал. Вздохнув, Дэвид Монаган начал разгонять свою тяжелую машину. Черт бы побрал тот день, когда его угораздило связаться с ИРА...

Картинки из прошлого

22 ноября 1992 года.

Санкт-Петербург, Зимний дворец

Молодой человек в зимней армейской униформе – грязной, испачканной каким-то мазутом или чем-то в этом роде, сбросил с сапог налипший снег и по-хозяйски прошел в роскошные двери центрального входа Зимнего дворца. Вчера зима наконец-то расщедрилась. Снега не было очень долго, все мерзкая, серая, осенняя хмарь, а вчера снег даже не пошел – буквально повалил. Вошедший приветливо кивнул кому-то из придворных, оказавшихся на лестнице, те, как и полагается, ответили ему поклоном, но молодому человеку до этого поклона не было никакого дела. Сначала он собрался идти в свою комнату – валадальсь всю ночь, как всегда, материалы пришли совсем не те, какие нужно, а подрядчики юлили и намекали на повышение цены в связи с проведением работ в зимний период. Но – вспомнил – достал из переброшенного набок армейского ранца большую, толстую книгу в переплете из черной свиной кожи, посмотрел на часы и резко сменил направление движения – книгу надо было отдать.

Государь в этот день, как всегда в это время, находился в библиотеке – большом, недавно перестроенном помещении с высокими потолками и стеллажами из дорогих пород дерева, на которых длинными аккуратными рядами стояли книги. В помещении было тепло, сухо – работала специальная климатическая система, поддерживающая оптимальную температуру для длительного хранения книг. Свет был выключен – того света, что лился с улицы в высокие витражные окна, вполне хватало.

Государь в своей обычной форме казачьей конвойной стражи, сидя у окна на обычном канцелярском стуле, что-то читал. Роскошных кресел Александр Пятый не любил, говорил, что они мешают сосредоточиться. Заслышав сына, Император поднял голову.

– Как? – оба они понимали друг друга с полуслова.

– Не спрашивай... – цесаревич протянул прочитанную книгу отцу. Она была написана бывшим государственным секретарем САСШ Подгурским и раскрывала планы по международной изоляции и дестабилизации Российской империи, короче говоря – была антироссийской, даже зверино антироссийской. Государь всегда требовал покупать такие книги и внимательно их читал.

– Воруешь?

– Да есть...

– А еще кто-то говорит, что у нас нет свободы... – протянул Государь, – как же нет, если любой подданный чувствует себя настолько свободным, что готов обобщить свою армию и более того – обобщить наследника престола. Воистину в России только такая свобода и бывает. В сроки уложитесь?

– Отстаем на неделю. Люди работают как могут.

– Значит, плохо могут. Объекты должны быть сданы к сроку, это – прежде всего твоя обязанность.

– Есть... – по-уставному ответил цесаревич.

– Вот так... – Государь встал, подержал книгу на весу на вытянутой руке, будто взвешивая ее, пошел к стеллажам выбирать очередную.

Речь шла о расквартировании Шестьдесят шестой десантно-штурмовой дивизии, именным указом ставшей лейб-гвардейской. Перетащить на несколько тысяч километров целую дивизию – это всегда сложно, тем более что большая часть офицерского состава пришла недавно, спаянного коллектива не было. Технику новую получили вовремя, что есть, то есть – а вот со стройкой дело затянулось. На стройке подрядчики всегда наваривались.

– Как тебе книга? – Государь в раздумье остановился перед стеллажом.

– Ерунда, – коротко ответил цесаревич.

– Напрасно так думаешь. Нельзя недооценивать врага.

– Ерунда то, что мы делаем. Ерунда то, что сейчас делаю я.

Рука Императора застыла над книжным стеллажом.

– Поясни.

– Мы ошибаемся, готовясь к войне, нанося удар за ударом и получая удары в ответ. Будущее – за миром.

– Интересно...

– Как бы то ни было, есть несколько держав. Британцы и североамериканцы – наши главные противники. Но британцам есть что нам предъявить, а отношение к нам североамериканцев не обусловлено ничем. Ими манипулируют. В Северо-Американских Соединенных Штатах большое значение имеет общественное мнение. Если мы перетянем его на свою сторону, ни один президент не осмелится идти против России. Ни один! А британцы в одиночку, в отрыве от САСШ, – ничто, всего лишь маленький остров.

– Это наивно. Мы столько раз уже пытались. Североамериканцы сделают то, о чем им скажут по телевизору. Их пропаганда безусловно превосходит всех, и нас в том числе, в умении манипулировать людьми. Североамериканцы покупают через телевизор – от нового кошачьего корма до нового президента и международной политики.

– Значит, мы должны сделать то, что будет сильнее их пропаганды.

Государь раздраженно сунул книгу Подгурски на стеллаж – не на ее место.

– Ты опять за свое...

– Ты знаешь, что это может сработать.

– Это приведет к тому, что ты опозоришься! И опозоришь не только себя, но и всю Россию! Когда ты взойдешь на престол, люди будут вспоминать только это – как ты покрыл себя позором! Вот и все!

– Я не опозорюсь.

– Господи... С чего ты вбил себе это в голову?! Что ты в ней нашел?! Ты ведь даже не видел ее вживую!

– Видел. Вспомни, как ты познакомился с мамой.

– По крайней мере она танцевала в Императорском балете. Подошел и познакомился. И все было пристойно. Неужели нельзя найти кого-то здесь?

– Нельзя.

– Господи... Ксения с этим проклятым «купипродайством». Теперь еще ты. За что мне все это?..

– Это может сработать. Учти политические последствия.

– Последствия станут такими, что над нами просто посмеются.

– Не посмеются. Мама и Ксения полностью за, они находят мою идею гениальной.

– Нашел, у кого спрашивать... – Государь потер лоб. – Впрочем, воля твоя. Закончи свои дела и делай, что сочтешь нужным.

22 июня 1996 года.

Гилфорд, Великобритания

Площадка для дальнобойщиков была большой – тут раньше находился складской терминал, но владелец обанкротился во время депрессии, и имущество, буквально за копейки, перешло к кредиторам. Заниматься логистикой они не имели ни малейшего желания, поэтому действующий логистический терминал просто превратили в отстойник. Складское оборудование продали отдельно, из складов сделали крытые стоянки, а из площадок перед ними, где шла погрузка, – открытые стоянки. Посадил на въезде человека продавать билеты – вот и деньги.

Уплатив за двенадцать часов – меньше было нельзя, – Монаган загнал свой «Бедфорд» на крытую стоянку, в самый дальний угол. Особо народа там не было – все или обедали, или просто отдыхали.

– Тебя как звать-то? – обратился он к своему пассажиру.

– Питером зови, не ошибешься...

– И что дальше, Питер?

– А вот что. Помоги-ка.

По накладным, в коробках был упакованный текстиль – некоторые его виды Британия давно импортировала из Италии. Правда, этот груз шел из Калабрии, где особо хорошего текстиля не было – да кто там будет в этом разбираться.

Коробки с тканью оказались тяжелыми, Питер их подавал, а Дэвид аккуратно складывал. До другого, подлинного груза этого контейнера, коробки были наложены в шесть рядов. Справиться с этими рядами удалось минут за двадцать. Наконец тот самый, сплошной ряд картона. Прорезав его складным ножом, Питер вошел в «боевой отсек». Любовно погладил странный агрегат, чем-то напоминавший большую печку с толстой трубой...

– Черт, а что это за хреновина?.. – изумленно вымолвил Дэвид, залезший в кузов. Он сразу понял, что это боевое оружие.

– «Ромашка-М». Новейший русский автоматический миномет калибра сто шестьдесят миллиметров. У него карусельная загрузка боеприпаса, если конвейер полный, он выстреливает десять мин за тридцать секунд. Великолепная вещь!

– И на какого хрена она нам понадобилась?

Питер обернулся, полоснул взглядом любопытного напарника:

– А тебе какое дело?

– Да ладно... Я так спросил...

Питер улыбнулся.

– Хорошо... Мы с тобой уже не первый год работаем. Тебе – скажу. Знаешь, что такое Армаг?

– Тюрьма строгого режима.

– Не только. В этом графстве – еще и крупнейший вертодром в мире. Там поросят – до черта. И там эти вертолеты заправляют – поэтому там огромное хранилище горючки. А теперь прикинь, что будет, если несколько здоровенных мин попадут в такое хранилище...

– Пуф-ф-ф...

– Вот именно! – Питер по-свойски похлопал водителя по плечу. – Я скажу так: после этого в Ирландии самым популярным блюдом надолго станет жареная поросятина! Вот так вот!

– И мы...

– Да нет... Ты оставишь машину здесь, в Лондоне, – это не закрытая территория, пром-зона, туда можно въехать. Я тебе дам по башке. Потом скажешь, что машину угнали – и получишь страховку. Вот и все.

– Сильно?

– Что?

– Ну... по башке...

– Придется сильно. Сам понимаешь, брат, тебя потом допрашивать будут.

– Делать нечего...

– Вот именно! Потом, когда Ирландия станет свободной, твое имя будут знать все школьники!

Дэвиду Монагану это уже не было нужно. Ему совсем ничего не было нужно, он проклял тот день и час, когда связался с ИРА – и теперь оказался втянутым в серьезнейшую террористическую операцию. Машина его судьбы уже летела под откос, и ни руль, ни тормоз в ней не предусмотрели...

22 июня 1996 года.

Учебный полигон.

Герефорд, Великобритания

– До цели одна минута! Всем приготовиться!

Большой, черного цвета, с выпирающей вперед складной штангой топливоприемника вертолет для специальных операций «Boeing HH-70»¹⁹ несся на высоте всего двадцать метров над землей, неотвратно приближаясь к захваченному террористами объекту – трехэтажному кирпичному зданию на самом краю леса, щерящемуся на мир голыми провалами окон. В самом вертолете восьмерка спецназовцев – два стандартных разведывательных патруля САС – в последний раз проверяла свое снаряжение. Черный костюм из кевлара и негорючего номекса, маска, совмещенная с легким респиратором и очками из прочного пластика для защиты глаз от осколков. Основное оружие – пистолет-пулемет «кольт» калибра 0,45 в комплектации для войск специального назначения – с глушителем, тактическим фонарем, прицелом «Рефлекс» на цевье, дополнительной передней рукояткой и увеличенным магазином на тридцать шесть патронов. Второе оружие – помповый дробовик «ремингтон», пятизарядный, с обрезанным стволом и пистолетной рукояткой – он носится в специальном колчане за плечом или на боку, на продетом через рукоятку толстом шнуре, кому как нравится. Пистолет – старый добрый «кольт-1911», сделанный фрезерованием из стальной заготовки, а не из легких материалов, как это сейчас модно. Два ножа – обоюдоострый кинжал «Коммандо» и мультиинструмент из зачерненной стали. Три светошумовые гранаты – при взрыве они дают вспышку и звук, сопоставимые со звуком разрыва гаубичного снаряда, еще три – газовые, с газом CN. Раскладная пружинная дубинка, небольшие клинышки для подкладывания под дверь и еще много разных мелочей, которые могут понадобиться бойцу специального подразделения при проведении операции по освобождению заложников, захваченных в здании группой террористов...

¹⁹ В нашем мире существовал под названием «Boeing-179», проиграл на конкурсе UTTAS вертолету «Sikorsky UH-60». В этом мире Сикорский работал в России, а контракт достался фирме «Боинг».

Лейтенант Дориан Грей, всего два с небольшим года назад пришедший в САС из полка королевских саперов, волновался больше всех: сегодня ему в первый раз вести в бой патруль – его патруль, в котором он неделю назад стал командиром, опередив более старших и опытных бойцов. Назначение командиром патруля было для него большой неожиданностью, но это назначение он принял и теперь старался во всем показать, что решение командования полка не было ошибочным. На занятиях он гонял своих людей сильнее всех, но никто на него не обижался, потому что он всегда был с ними, и если патруль выполнял какое-то учебное задание, он был рядом с ним, самое тяжелое по праву командира беря на себя.

Лейтенанту Грею было всего двадцать девять лет – по меркам полка САС совсем еще пацан. Выше среднего роста – метр восемьдесят один, со светлыми выющимися волосами и пронзительно голубыми глазами, лейтенант был из тех молодых офицеров, чье появление на дискотеке в соседних с Герефордом городках производило фурор. Вдобавок он был из хорошей семьи – многие Греи входили в разное время в состав британского правительства, а сам лейтенант был баронетом, хотя предпочитал об этом не вспоминать. Ему и так неплохо жилось, без бессмысленного времяпрепровождения в лондонском высшем свете. Лейтенант увлекался бегом и пробегал мило, затрачивая всего на двадцать секунд больше нынешнего мирового рекорда в беге на такую дистанцию. В общем, лейтенант Дориан Грей был во всех смыслах достойным офицером и джентльменом.

Сейчас он сидел на самом краю десантного отсека, свесив ноги в люк – как это принято у североамериканских десантников, и с тревогой размышлял, глядя на приближающееся здание из красного кирпича. Внутри – восемь террористов, да каких там террористов – люди из первой, десантной роты. Занятие это скорее не на освобождение заложников, а на отработку боя в помещении, просто не во всех можно стрелять. В нем важна была не скорость, важна была чистота и эффективность действий, скоростью можно было пренебречь, хотя секундомер тоже работал. Возглавлять «террористов» должен капитан Марк Салливан – с этим офицером у лейтенанта всегда были напряженные отношения. И нет сомнения – ребята Салливана не упустят возможность подгадить. Тем более такую шикарную...

– Десять секунд до цели! Готовность!

Лейтенант показал выпускающему большой палец, обозначая, что готов к десантированию. Выпускающий сбросил вниз бухту толстого черного каната...

– Мы над целью! Вперед!

Не дожидаясь хлопка выпускающего по плечу, лейтенант сиганул вниз, обхватив трос руками и ногами. Привычно обожгло кожу, даже через перчатки, но Дориан не думал об этом, все его мысли занимал предстоящий штурм. Вытоптанная, с редкими зелеными волосинками травы земля летела навстречу...

Очередь!

Неприятности начались сразу, как только первый десантник из антитеррористической команды коснулся земли. Кэп был старым, опытным волком, он просек, что Грей выберет десантирование – и отправил одного или двоих своих ребят с автоматами на первый этаж, чтобы попытаться снять штурмующих, когда они будут десантироваться с вертолета. В полку проводили эксперименты, снять таким образом удавалось максимум троих, потом в помещение на первом этаже летела граната. Соответственно, Салливан отправил на первый этаж смертника или смертников – но ему, по-видимому, было на это наплевать. Старая сволочь...

Очередь прошла совсем рядом, но лейтенант успел вовремя отпустить трос, в кувырке уйти от пуль и подкатиться под самое окно. Рука привычно нащупала толстый цилиндр световой гранаты и кистевым броском, как в бейсболе, отправила гранату вдохнувшее смертью окно. Чека выдернулась автоматически – сасовцы подвешивали гранаты на специальные петельки, срываешь гранату со снаряжения, чека выдергивается, и можно бросать. В бою все решают секунды, сэкономленная на выдергивании чеки секунда может спасти кому-нибудь

жизнь. С другой стороны, если ты выхватил гранату, то обратного хода нет, надо бросать, чеку уже не вставишь...

Дождавшись, пока громыхнет – эти гранаты были самыми настоящими и действовали в полной мере – лейтенант вскочил на ноги, приводя в боевое положение свой автомат. Глаз привычно нашарил в глубине комнаты скорчившегося на полу оглушенного взрывом человека, в такой же, как у него, черной униформе САС. Руки привычно вскинули автомат, палец дождался спусковой крючок – и человек на полу задергался от попаданий. Лейтенант не отказал в себе в удовольствии – целых пять пуль вместо двух, как обычно в САС.

Вот так вот, кэп Салливан... Хотел проредить наши ряды до штурма, пожертвовать одним, чтобы выбить троих – а теперь у тебя семеро против восьми. Посмотрим, что ты будешь делать дальше...

Его группа уже десантировалась – трое, не считая его. Еще четверо высадятся на крышу, чтобы штурмовать здание одновременно и сверху, и снизу.

Командовать смысла не было – каждый знал свой маневр. Капрал Бродерик – огромный, похожий на медведя – у него у единственного в группе из оружия вместо пистолета-пулемета калибра 0,45 была короткая штурмовая винтовка «Bushmaster BAR-10» калибра 7,62x51 – подскочил к окну, в которое только что ушла граната лейтенанта, бухнулся на четвереньки, образовав своего рода подставку для ног. Самый здоровый среди всех, рыжий уроженец Йорка, он всегда выполнял эту роль по необходимости и никогда не обижался, если его называли «подставка для ног». Он вообще не умел обижаться и во всем, даже в этом, находил нечто смешное – таков был его характер. Первым в зачищенное помещение вскочил сам лейтенант, за ним последовали старший сержант Хьюго Миддс и старший капрал Дик О'Мара. Старший капрал, перескочив через подоконник, остановился, подал руку капралу Бродерику, помог их «хэвиганнеру» быстро забраться в комнату.

Смысла проверять труп не было – после попадания пяти пуль калибра 0,45 не живут. Тем не менее капрал Бродерик поднял лежащий у трупа автомат, достал из кобуры пистолет и, размахнувшись, выбросил все это в оконный проем, тот самый, через который они проникли в помещение. Тем самым он заработал для команды пять очков – врага по возможности следует лишать оружия, выбрасывая или приводя в негодность. Даже если враг мертв – мало ли кто тут потом пройдет. Световые гранаты они забрали и распределили между собой как трофеи – их много никогда не бывает. Еще лейтенант забрал один полный магазин, а початый старый отсоединил и тоже выкинул в окно.

– Минус один! – сообщил лейтенант в тактический переговорник.

Теперь можно двигаться...

Все этажи этого довольно большого дома строили по единому проекту – никаких капитальных перегородок. Были легкие деревянные быстросъемные перегородки, которые можно комбинировать немыслимым количеством способов – причем «накрывала обстановку», то есть создавала коридоры, комнаты, устанавливала двери – всегда команда, игравшая за террористов, и делала она это по своему усмотрению. Как будет удобно для обороны, так и делалось, а для усложнения задания команде антитеррористов никакие карты помещений не предоставлялись и обстановка не сообщалась. И даже наблюдать за объектом перед штурмом, чтобы хоть что-то выяснить – тоже запрещалось. Внутри следовало быть готовым ко всему – и даже больше.

Это и был знаменитый «Дом убийств» – изобретение британской САС для подготовки по ближнему бою, триумфально разошедшееся ныне по всему миру. Впервые он появился здесь, в Герефорде...

Комната оказалась довольно большой, за ней был коридор. А через коридор, едва заметная, висела тонкая рыболовная леска...

Вот сволочи...

Лейтенант остановил двинувшегося вперед Миддса. Что-то было не так в этой леске, не мог Салливан оставить ее на высоте едва ли не полметра. Вот если бы она висела в паре сантиметров над землей, да еще сразу за поворотом – вот тогда бы Грей точно поверил. А сейчас...

А сейчас Грей устроил маленькую хитрость. Где бы он спрятался сам – слева или справа? Если человек правша – то ему проще стрелять из автомата в левую сторону. Значит, справа. И еще одно – перегородки, обозначающие комнаты и коридоры, не доходили до потолка сантиметров на двадцать. Поэтому лейтенант достал гранату, опять световую – и перекатил через верх деревянного щита в комнату, в которой и прятался противник. На всякий случай!

И опять не ошибся! Ему удалось вывести из строя самого опасного игрока террористов – единственного среди них пулеметчика. Он засел с пулеметом «Mark 40»²⁰ в комнате, леска была подключена к устройству, сигнализирующему о ее перерезании. Как только оно бы сработало – пулеметчик просто собирался выпустить всю пулеметную ленту через стену, перерезав атакующих пополам. Пулемет был единственным оружием, пробивающим стены, у террористов он был один, у антитеррористов – ни одного. Поглощенный ожиданием, он промедлил, когда на пол плюхнулся черный цилиндр светошовой гранаты. Промедлил немного, всего секунду – но этого оказалось достаточно. Атакующим же достаточно было и секунды – ворвавшись в помещение, они двумя очередями из автоматов прикончили скорчившегося на полу, лихорадочно протирающего глаза горе-пулеметчика...

– Минус два!

Сверху застучал автомат, потом еще один.

– Блокированы на третьем! Нас прижали!

Значит, у группы, которая шла сверху, дела не очень. Пока – счет два-ноль...

Пулемет – добыча, более чем достойная, его не стоит выбрасывать, его нужно забрать с собой и использовать. К пулемету были три короба, на сто патронов каждый. Закинув на спину пистолет-пулемет, старший лейтенант Грей вооружился пулеметом, по одной коробке с лентами разобрали бойцы его группы. Вот теперь из простых карт они превратились в самые настоящие козыри – с пулеметом-то.

Первого бойца они потеряли на лестнице – ублюдок из команды Салливана засел наверху, в одной из стен был вырезан кусок, почти незаметный – до того момента, как он вылетел прямо на лестницу, и из открывшегося в деревянной стене пролома ударила автоматная очередь, моментально перерезав пополам старшего сержанта Миддса. Через секунду в открывшийся пролом полетела граната, Грей двумя прыжками взлетел выше по лестнице и добавил короткую, злую очередь из пулемета – но было уже поздно. Скорее всего, ублюдок успел уйти – он не дурак, знает, с кем имеет дело. Очередь – и ноги...

Лейтенант Грей отметил для себя, что с лестницей они справились плохо, надо было проходить ее быстрее. Лестница, дверь, коридор – вообще самые опасные места здания, и оптимальный темп их прохождения нащупать очень сложно, все зависит от ситуации, от подготовки сторон, от имеющегося у них оружия, наконец, от типа препятствия. Одних дверей, например, бывает аж тридцать типов, и к каждой нужен свой подход.

Вторая растяжка ждала их прямо у входа на второй этаж – ее не стали обезвреживать, опасаясь, что она с хитростями. Просто обозначили, перешагнули и отправились дальше.

Наверху продолжалась перестрелка – «команда два» засела крепко. Либо они смогут выйти и ударить обороняющимся в спину – либо их побьют по дороге.

Стоп! – лейтенант поднял руку, сжатую в кулак, и все остановились, заняли позиции для стрельбы. Что-то ему не понравилось слева – только потом, уже в спокойной обстановке, он понял, что не понравилась тончайшая полоска света между дверью и косяком. Один из

²⁰ В нашем мире это чешский пулемет «Vz59». Купили и производили по лицензии, как в свое время «BREN».

обороняющихся прикрыл дверь, чтобы обмануть наступающих, рассчитывающих только на запертые двери, и открыть огонь. До двери оставалось еще несколько метров – возможно, у стрелка была какая-то система сигнализации, позволяющая определить момент, когда открыть огонь.

Лейтенант условным жестом показал О'Маре и Бродерiku на дверь и условный сигнал «штурм». И только когда они заняли позиции по обе стороны от двери, когда Бродерик, сжимая в руке толстый черный цилиндр световой гранаты, саданул по двери – он понял, в чем здесь заключается ловушка. Понял – и упал на колени, закрыв глаза руками...

Первыми рванули две световые гранаты, установленные в комнате с приоткрытой дверью на растяжках, – ребята Салливана не поскупились, установили сразу две. Эти две – плюс та, которую забросил Бродерик, рванули почти одновременно – Грею показалось, что полотно падает ему на голову, а от боли в ушах он едва не потерял сознание. Но он единственный из всей штурмовой группы остался на ногах и в здравом рассудке – О'Мара и Бродерик валялись на полу, обхватив головы руками – хорошо, если просто контузия, а то, не дай бог, и что похуже, например, разрыв барабанной перепонки. Взрыв был такой силы, что – Салливан это не рассчитал – им оглушило, хотя и не так сильно, двоих его стрелков в комнате по другую сторону коридора. Он рассчитывал на две гранаты – и не подумал о том, что атакующая группа забросит в комнату третью. Поэтому стрелки Салливана на секунду промедлили, выходя из комнаты, всего на секунду, но этого времени лейтенанту Грею хватило, чтобы открыть огонь из пулемета. Стоя на коленях, он нажал на спуск, и пулеметная очередь срезала обоих стрелков противника, уже целящихся из автоматов в распластанные черные фигуры...

Не дожидаясь, пока все придут в себя, лейтенант Грей рванул вперед, перескакивая через лежащих на полу своих и чужих. Салливан – а он явно прячется на третьем – скорее всего, подумал, что всех людей Грея сняли в этой иезуитски хитрой ловушке – и он ослабил внимание. И еще – он не знает, что у Грея пулемет, – за это и поплатится...

Проскочив по коридору, Грей в мгновение ока – будто в руках и не было тяжелого пулемета, а на плечи не давила тяжесть бронежилета, пролетел по лестнице, поднялся на третий этаж. Дверь была закрыта и заперта – лейтенант выбил ее и забросил сразу две гранаты – световую и «слезогонку». Не ожидавший этого стрелок Салливана, укрывающийся за небольшой баррикадой и державший под прицелом вход на этаж, не успел выстрелить – Грей срезал его из пулемета, прямо на ходу, пробежал еще несколько шагов – и оказался как раз за спинами оборонявшихся. Они находились за хорошо построенной тактической баррикадой – а около люка, через который обороняющиеся должны были проникнуть в помещение, не было вообще никаких укрытий – и около окон, через которые могли проникнуть нападающие – тоже укрытий не было. Салливан предусмотрел все – кроме того, что кому-то удастся прорваться снизу и расстрелять их в спину из пулемета...

– Финал! Учения закончены!

Лейтенант Грей опустил оттягивающий руки пулемет, с облегчением снял каску. От остатков «слезогонки» слезились глаза, все еще болели уши. Как-то разом навалилась усталость...

– Молодец. Чуть ребра мне не переломал...

Капитан Салливан тоже снял шлем, по привычке перезарядил автомат. Снизу подтягивались люди – первым появился Миддс, тоже со снятым шлемом. Постепенно появились и остальные.

– Черт, чистки на целый вечер, – выругался кто-то...

Это и были учения, максимально приближенные к боевым. Все оружие – автоматы, пулеметы, пистолеты – было настоящим, но стреляло оно специальными учебными патронами. В одной из небольших оружейных фирм создали пули из специального состава – твердые, но при резком повышении температуры плавящиеся и оставляющие при попадании яркие, хорошо

видимые красные кляксы. Что-то типа модифицированного воска, но с намного большей температурой плавления. Если такая вот пуля попадала на незащищенный участок тела – она вызывала ожог, само попадание тоже было болезненным, даже если место попадания было защищено одеждой. Результативность таких учений трудно переоценить – люди стреляли не по мишеням в тире, которые не могут ни уклониться от пули, ни ответить, а по таким же, как сами они, спецназовцам, своим сослуживцам, у которых точно такие же навыки. Это был ближний бой в самом чистом, предельно жестоком виде. И правило в нем было одно – делай все, чтобы победить...

Снизу поднялся наблюдавший за учениями офицер-посредник, неторопливо огляделся. Командиры противостоящих групп подошли к нему.

– Победили сегодня, – посредник, как в боксе, вздернул вверх руку Грея, – антитеррористы. Команда Грея!

Команда Грея окружила своего командира, вместе они проделали старый ритуал – восемь кулаков столкнулись, подтверждая победу. Это была их победа. И тех, кто «погиб», и тех, кто «остался в живых».

– Разбор полетов через полчаса, – строго произнес посредник, – пока собирайте реквизит и приводите себя в порядок. Затем всем явиться в полевой штаб.

Антитеррористы в полевой штаб должны были поехать на машинах, а проигравшим террористам предстоял марш-бросок, почти пять километров. Это было еще одно наказание, чтобы каждый понял – хоть это и игра, проигрывать в ней нельзя. Рано или поздно игра станет реальностью, и ставкой в той игре будет не штрафной марш-бросок и незапланированные расходы – проигравшая команда ставит победившей выпивку в течение всего ближайшего субботнего вечера в пабе – ставкой в игре будет жизнь, которая у каждого одна. Нет, проигрывать нельзя.

– За мной должок, – недобро сощурил глаза кэп Салливан перед тем, как исчезнуть в дверном проеме, – имей в виду, еще встретимся здесь.

– Да хоть каждый день, босс, – уверенно заявил Грей.

Слово «босс» прозвучало насмешливо, но Салливан больше ничего говорить не стал, потому что сказать было нечего. Да и силы надо поберечь – для марш-броска.

– Нормально мы их... – начал Миддс, но осекся под взглядом командира.

– Ненормально, – заключил Грей. – Вот если бы ни одного из нас не завалили, вот тогда бы я сказал – нормально. А сейчас – плохо. Лестницу прошли плохо, надо что-то с этим делать. Я повелся на ловушку, как последний баран, хотя должен был догадаться, в чем там дело. О'Мара, Бродерик – как вы?

– До вечера доживу, босс, только в голове до сих пор словно молотком стучат, – ответил Бродерик за обоих.

– Покажешься врачу. Бери своего приятеля, как раз успеете до разбора. Я потом проверю, куда вы поехали – к доку или за пивом.

– Так точно, босс, – вытянулись оба.

Разогнав своих, лейтенант вышел к машинам – подышать воздухом, прочистить легкие от смеси «слезогонки» и сгоревшего пороха. И – нос к носу столкнулся с озабоченным посредником...

– Лейтенант Грей?

– Сэр! – вытянулся он.

– Вас ждут в штабе. Вам предписано явиться в кабинет бригадира Долнана, немедленно.

– Есть. Но...

– Разбор полетов переносится на два часа...

Картинки из прошлого

15 июня 1993 года.

Пенсильвания-авеню 1600.

Белый дом

- Они что, это серьезно?
- Судя по всему – да, сэр...
- Чертова русская душа... Загадочная, как и всегда, не правда ли, Дэниэл?
- Совершенно верно, сэр.

Нужно было подумать. Президент САСШ – моложаво выглядящий, с проседью в волосах, в отлично пошитом костюме, поднялся с не слишком удобного, оббитого кевларом кресла в Овальном кабинете, обернулся к окну. Овальный кабинет вовсе не выглядел как пристанище одного из самых могущественных людей мира, он был мал размером и неудобен, вмещал только нескольких самых доверенных людей Президента, нормально провести совещание здесь уже было нельзя. Совсем не похоже на угрюмую монументальность берлинских апартаментов германского кайзера, пышную роскошь Царского села или имперскую надменность Букингемского дворца. Иногда Президент думал, что лучше бы выстроить резиденцию где-нибудь за городом, в Мэриленде, где из окна его кабинета будет открываться вид на зеленые холмы, а не на забитую машинами Пенсильвания-авеню. Но он знал, что это невозможно – для народа его страны это – такой же символ, как для британцев – Букингемский дворец, а для русских – Зимний дворец и Царское село...

Пенсильвания-авеню, как всегда в это время суток, была запружена машинами, на зеленой лужайке, напротив Белого дома, стояли палатки протестующих. Здесь они были всегда – постоянно находились придурки, которым во что бы то ни стало надо реализовать свое конституционное право протестовать, причем не где-нибудь, а именно здесь. В основном это были люди совершенно безобидные, городские сумасшедшие, охрана их проверяла пару раз – и оставляла в покое. Некоторые из протестующих ходили сюда, как на работу.

С утра светило солнце, но сейчас с востока на город надвигались тучи, серо-свинцовые эскадроны шли в атаку, отвоевывая у солнца все больше и больше пространства. Почему-то Президенту это показалось дурным знаком.

– Против чего сегодня? – не оборачиваясь, спросил он.

– Те, что слева, – против разрешения абортот. Справа – против реформы системы образования. Или здравоохранения, не помню точно, сэр... – ответил Габриэль Колон, финансовый кудесник из «Морган-Чейз», назначенный Президентом министром финансов САСШ и, помимо прочего, отвечающий за Секретную службу²¹. Вторым из находящихся в этом кабинете был адмирал Дэниэл Торн, один из немногих сторонников Президента среди военных, назначенный директором Специальной разведывательной службы, третьим – Джастин Луис,

²¹ Секретная служба САСШ, занимающаяся борьбой с фальшивомонетчиками и охраной высших государственных деятелей, действительно является подразделением Министерства финансов САСШ. Специальная разведывательная служба – внешняя разведка, ранее входившая в ФБР, потом отделившаяся. ЦРУ в этом мире не было.

министр юстиции САСШ, четвертым – Александр Мортимер, директор Федерального бюро расследований.

Президент пытался понять, что задумали русские. Какая-то провокация? Тогда зачем в ней участвует наследник престола, единственный, кстати, по мужской линии наследник престола? Если с ним что-то произойдет... останется только дочь, принцесса... Ксения, кажется. Хотя... Президент был большим знатоком и любителем женщин, находился под каблуком у волевой и властной жены и совершенно не разделял взгляды некоторых аналитиков, которые считали, что если к власти в Российской империи придет женщина, будет лучше. Президент знал, что такое матриархат в семье, и опасался, как бы не стало еще хуже. Да и в истории России было немало примеров, когда к власти приходили женщины... и что в итоге?

Так ничего и не придумав, Президент вернулся в свое кресло.

– Хорошо. Давайте с самого начала. Какая служба на вас вышла?

– Министерство внутренних дел. По неофициальным каналам, через заграничный отдел. С настоятельной просьбой сохранять все в тайне.

– То есть это неофициальный визит.

– Русские настаивают на том, что это даже не визит.

– Он что, собирается прибыть в страну нелегально?

– По-видимому, сэр...

– Господи, наследник престола крупнейшей страны мира собирается воспользоваться поддельным паспортом... – вздохнул министр юстиции, с выражением лица «до чего же мы докатились...».

– Перестаньте, Джастин, – с легкой тенью презрения в голосе ответил Торн, – у русских все проще, чем у нас. Ему могут выдать десяток паспортов – и каждый из них будет подлинным, поскольку его выдаст государственный орган с соответствующей процедурой.

– Хорошо! – поднял руку Президент, прерывая ненужный разговор, грозящий перерасти в перепалку. – Известно, куда он собирается направиться, где жить, чем заниматься?

– Он собирается жить в Лос-Анджелесе, сколько времени и чем он там будет заниматься, русские не сообщили.

– Может, он собирается, как Петр Первый, заняться промышленным шпионажем? – предположил Мортимер.

– Только если ваши люди будут считать ворон, – снова раздраженно заметил Торн, сегодня он почему-то был не в духе.

Президент махнул рукой.

– И что нам теперь с этим делать? Вы понимаете, что может произойти, если он, к примеру, натолкнется на улице на ниггера, которому не хватило на дозу?

Здесь были только свои – поэтому и в выражениях не стеснялись, отринув дурацкую политкорректность, называли вещи своими именами.

– Он офицер-десантник, сэр, служил в разведке воздушного десанта. Участник боевых действий. У него подготовка не хуже, чем у нашего разведчика морской пехоты, а может быть, и лучше. Если бы мне довелось ставить деньги, я бы поставил на него, а не на ниггера.

– А если это будет репортер в поисках жареного?

– Тогда средства массовой информации получат тему для обсуждений как минимум на неделю и на это время отстанут от нас. В каждом негативном событии есть и позитивные стороны, сэр...

– Тем не менее – за безопасность отвечаем мы. Русские пришлют свою охрану?

– Неофициально.

– Дэниэл? – Президент повернулся к директору СРС.

– Отказать, – сразу ответил тот, – только русских в Лос-Анджелесе нам не хватало.

– Согласен, – отрубил Президент, – мистер Мортимер, какова у нас криминальная обстановка в Лос-Анджелесе?

Директора ФБР Президент всегда называл официально, словно подчеркивая этим, что тот – не из его команды. Директор ФБР Александр Мортимер, которого многие называли достойным наследником великого Джона Эдгара Гувера, находился на своем посту уже одиннадцать лет, и Президент-демократ, придя к власти, не решался его менять, несмотря на то что Мортимер был назначен республиканцами, и сам был республиканцем, и этого не скрывал. Просто на работе он не был ни республиканцем, ни демократом – он был опытным полицейским профессионалом, бывшим начальником полиции Нью-Йорка – и лучшего кандидата, чем Мортимер, на эту должность сыскать было нельзя. Поэтому Президент, формируя свою команду, оставил ФБР в покое и дал указание своему министру юстиции ФБР не тревожить. Пусть работают.

– Обстановка тяжелая, сэр... – Мортимер всегда говорил правду в лицо, ничего не приукрашивая и не умалчивая. – Совсем рядом мексиканская граница. В Мексике за последние десять лет было несколько государственных переворотов, беспокойно там и сейчас, несмотря на наличие контингента стабилизации²². Через границу едва ли не еженедельно пытаются прорваться вооруженные банды, не помогает даже стена²³. Пока в Монтеррее пакет с героином стоит в десять раз дешевле, чем доза в Лос-Анджелесе с поправкой на вес, с проблемами мы не сладим. А армия не справляется с выявлением и ликвидацией наркомафиозных групп, я уже об этом докладывал.

– Об этом позже. Получается, он лезет в самое пекло.

– Да, господин Президент. Лос-Анджелес – центр наркоторговли, там сейчас относительно низкая уличная преступность, но это потому, что в городе живут главари наркогангстеров, орудующих по ту сторону границы. Мы не можем привлечь их к ответственности, поскольку все преступления они совершают чужими руками и с той стороны границы, а здесь стараются жить благопристойно, даже платят налоги. В основном деньги отмывают через строительную индустрию, кино и прочий легальный бизнес. Так что... я бы не выбирал этот город для проживания.

– Русским эти рекомендации уже переданы?

– Ответили, что решают не они... – проронил Торн.

– Хорошо. В таком случае я хочу услышать – кто отвечает за охрану наследника российского престола во время пребывания его в Лос-Анджелесе, – решительно задал вопрос Президент.

Министры переглянулись. Сейчас им предстояло нарушить самое важное правило политической жизни в Вашингтоне – правило ПСЗ, что в переводе означало «прикрой свою задницу». Ответственность никто на себя брать не хотел, а Президент ждал ответа.

– Наверное, придется мне, сэр... – проговорил Колон, когда молчание стало уже неприличным, и все вздохнули с облегчением, – придется задействовать лос-анджелесский офис Секретной службы.

Президент кивнул.

– Перебросьте туда самых лучших людей. Возьмите отсюда, из Вашингтона, еще – откуда хотите. Но охрана должна быть не хуже, чем у меня. Подключите лос-анджелесский полевой офис ФБР, они лучше знают криминальную обстановку и окажут вам помощь. Но – если с ним что-то случится... тогда – помоги нам всем Бог.

²² Контингент стабилизации – крупная группировка армии САСШ, численностью до 200 000 человек, введенная в страну для обеспечения общественного порядка и поддержки проамериканского режима. В Мексике было очень и очень беспокойно.

²³ Стена – возведенная на границе с Мексикой пятиметровой высоты ограда с системами контроля периметра.

Картинки из прошлого

16 июня 1993 года.

Афганистан

Дорога...

Она вилась прихотливой змеей, то ныряя за скалу непросматриваемым поворотом, то опасно сужаясь, то, наоборот, вырываясь в долину. Разбитая, опасная, ухабистая афганская дорога.

Относительно быстро проскочили Саланг – тоннель построили британцы, явно с далеко идущими планами – как раз, чтобы из Британской Индии протащить через него технику к самой границе с Российской империей. Возможно, у них и были планы в ходе пятой кампании, но все они разбились об упорство, коварство и жестокость пуштунских племенных ополчений. Британцы победили афганскую армию, но не смогли победить афганский народ, поэтому вынуждены были уйти. Уйти, чтобы не плодить дальше жертвы, чтобы не окроплять британской кровью эти негостеприимные ущелья.

На племенных пропускных пунктах разногласия урегулировали быстро, деньгами. Просто объясняли, что везут груз, наняли клан Дархан для охраны, но деньги за проезд по племенным землям заплатят, а охранять их не надо, справятся сами. Караванщики из других кланов и племен пожимали плечами – какой в этом смысл, платить и им, и клану Дархан. Но, в конце концов, каждый, как может, так и торгует, а деньги – они в любом случае деньги. Не надо сопровождать – ну и не надо, плати и поезжай. Никто против не будет...

Караван шел ходко, несмотря на поганую дорогу, где можно, набирали скорость шестьдесят-семьдесят километров в час. Подвеска у машин была армейская, сами машины только что с консервации – выдерживали и не такое. Только на горных серпантинах скорость падала до десяти-пятнадцати километров в час, а в некоторых местах – и до скорости пешехода. Вести было тяжело – бронестекла и навесная броня загораживали обзор водителю, где-то даже впереди шел проводник и по рации подсказывал, как ехать. Одна ошибка, даже небольшая – и жаждущие крови камни на дне ущелья ждут тебя с распростертыми объятьями.

Опасений за этот отрезок пути особых не было. На Саланге и на горных серпантинах душманы, вопреки распространенному заблуждению, не нападали. Да, там можно было расстрелять и сжечь колонну за несколько минут – но какой в этом смысл, груз-то им не достанется. Нападали обычно на равнинах или холмах, особенно опасными считались зеленки и места, где на поверхность выходили кяризы²⁴. В кяризах можно спрятаться не то что душманам, хоть целой армии, там же можно временно спрятать награбленное. Но до зеленки и кяризов еще далеко, в колонне расслабились и напрасно...

Гранатометы ударили по колонне, как только они, преодолев серпантин, выехали на широкий отрезок дороги. Два гранатомета – по головной и замыкающей машине конвоя, по внедорожникам охраны. Одновременно два или три снайпера заколотили частыми, одиночными выстрелами, пытаясь подбить колеса у грузовиков. По машинам, перевозящим груз, из

²⁴ Кяризы – подземные ходы, по которым идет вода для орошения сельскохозяйственных угодий. Местность, где есть кяризы, – смертельно опасна.

РПГ не стреляли никогда – потому что душманов интересовал груз, при удачном раскладе, и сама машина, а не горящие обломки.

Две черные точки сорвались со склонов гор – и, оставляя за собой дымные раздвоенные следы, со свистом рванулись к колонне. Душманы были опытными, били наверняка, учитывая упреждение – явно разграбили не один караван. Но и охрана конвоя – малиши тоже жили в этих местах уже давно и знали, что к чему.

Пуск гранат заметили сразу – у каждого малиша в движении был свой сектор наблюдения и обстрела, поняли, и куда они направлены. Ракетами РПГ выбивается охрана, потом голыми руками берутся машины с товаром. Головная машина резко ускорила – водитель что есть дури дал по газам, а замыкающая, наоборот, замедлилась. Прямо на ходу пуштуны начали выпрыгивать из машин, занимая оборону.

Головная машина свернула на обочину, остановилась – и спаренный «Виккерс» разразился огнем, поливая свинцом стреляющие камни...

– Колонна, ходу!

Небольшой зеленый внедорожник ускорился – и огромные, увешанные решетками машины, поднимая облака пыли, последовали за ним. Благо, дорога в этом месте позволяла совершить такой маневр, а в изорванных огнем покрышках машин были специальные вставки, позволяющие ехать и на спущенных колесах...

Две запущенные гранаты прошли мимо целей – два пыльных облака разрыва поднялись справа от колонны. «Виккерс» стучал непрерывно, пытаясь заткнуть огнем стрелков на горных склонах. Чуть дальше размеренно басил крупнокалиберный.

И тут выстрелил третий гранатометчик. Он располагался там, где ни один душман в здравом уме не стал бы располагаться – ниже колонны и слева – если весь огонь шел с горного склона справа, то тут били слева. Он поднялся из какого-то окопчика, целясь по находящейся примерно в ста метрах от его машины из странного оружия с барабаном. Два выстрела один за другим – и «Виккерс» умолк, осколки изрешетили пулеметчика, а машина осела набок, медленно разгораясь. Гранатометчик, у которого в барабане его сорокамиллиметрового гранатомета остались еще четыре гранаты, развернулся в сторону еще одной машины охраны, прицеливаясь из своего многозарядного сорокамиллиметрового гранатомета, но выстрелить не успел. Потому что умер.

– Колонна, стоп!

Одна за другой груженные по самый верх машины затормозили, захлопали бронированные дверцы. До места боя было метров шестьсот, в их сторону почти не стреляли. Карим опасался того, что впереди ждет еще одна засада и душманы действуют по хорошо отработанному плану. Такое тоже бывало – в случае нападения охрана оставалась на месте, а «купцы» по возможности уходили из-под огня. Но если впереди еще одна засада, то «купцов» брали голыми руками, в последнее время бывало и такое. Да и не хотелось Кариму бросать своих новых друзей...

– «Взломщики» где?

– Вторая машина, по-моему... – выпрыгнувший из первой машины здоровяк, матерясь, ставил на боковое крепление своего автомата оптический прицел. От грузовиков кто-то уже стрелял одиночными.

– По-твоему или точно??? – Карим, не стесняясь, добавил несколько крепких выражений из русского языка.

– Да точно, точно...

– Прикрой!

Обескураженные поведением «купцов» душманы стреляли уже и в их сторону, пули противно вскрикивали, отражаясь от брони. Никогда «купцы» не останавливались, чтобы помочь

охране отразить нападение. Никогда огонь от машин «купцов» не был опасен – «купцы» имели оружие только для самозащиты...

Добежав до второй машины, Карим в одиночку откинул тяжеленный задний борт...

– Где?!!!

– Наверху! Наверху посмотри!

Десантник уже добежал до третьей машины, свалился за колесо, начал стрелять одиночными из положения «лежа» – как гвозди заколачивая – «тук», «тук», «тук»...

Обдирая ногти, Карим вскрыл ящик – не то. В соломе лежали обычные автоматы. Потом вспомнил – на ящики наносится маркировка, позволяющая определить, что там, не вскрывая их. Зашарил пальцем, читая написанные белым по трафарету аббревиатуры. Не то, не то... ага, вот они!

«Взломщики» были упакованы по три в ящике и каждый, кроме этого, – в индивидуальную упаковку, большой пластиковый кофр с поролоном внутри. Точный инструмент как-никак. Аналог североамериканской «Барретт-107», крупнокалиберная снайперская полуавтоматическая винтовка. Можно было, конечно, взять штурмкарбин с оптикой, он вполне дотягивался до душманов на таких вот дистанциях – но сбить валун и убить лежащего за ним душмана могла только пуля калибра 12,7.

Карим сознавал, что творит безумие, что его запросто могут сейчас убить. Винтовка с завода, не пристреляна под себя, прицел лежит отдельно – на охоту с такой выходить нельзя. Но доставать и разворачивать крупнокалиберный пулемет было еще дольше и опаснее...

Патроны лежали рядом, упакованы они были в коробках по двадцать – золотистого цвета, тяжелые, напоминающие маленькие стальные ракеты. Схватив одну коробку и сунув ее в карман, Карим с винтовкой соскочил с борта...

– Винтовка пристреляна?

– На заводе, как полагается...

Все русское нарезное оружие: и военное, и гражданское, для обеспечения качества отстреливалось десятью выстрелами на государственной испытательной станции, мишень прилагалась. Без отстрела нельзя было получить государственное приемочное клеймо, а без клейма нельзя было продавать.

Десять выстрелов. Хоть что-то...

Прицел был в отдельной упаковке, Карим вскрыл ее – и только тогда вспомнил, что все оружие идет в консервационной смазке. Перед тем как пускать оружие в ход, не мешало бы ее удалить, иначе стрелять не будет.

Автомат Калашникова он разбирал за восемнадцать секунд, мог разобрать и с завязанными глазами. На винтовку у него ушло чуть больше минуты – хорошо, что все русское оружие, поставляемое в армию, делается так, чтобы его можно было разобрать и собрать быстро и без инструментов, даже снайперское. Консервационную смазку – на заводе не поскупились – он убрал руками где и как смог, перемазавшись весь и искренне надеясь, что этого будет достаточно. Собирая винтовку, Карим обратился с короткой молитвой к Аллаху, призывая помощь – вспомнил заодно, что время намаза. Но сейчас было не до молитвы...

Прицел установился тоже легко – все русское оружие шло с боковым креплением, установить или поменять прицел можно было легко и быстро, не то что на североамериканских планках. Затолкав один за другим пять патронов в стальной, с ребрами жесткости магазин, Карим присоединил его к винтовке, передернул затвор, досылая первый патрон в патронник. Затвор дошел вперед до конца – уже хорошо...

– Есть! – десантник, лежащий рядом, злобно выматерился. – Вот вам, суки!!!

– Что?

– Да один гаврик умный самый – с другой стороны из граника врезал. В засаде сидел, падал. Ну и – мозги наружу...

Метрах в тридцати от колонны громыхнул разрыв – душманы выстрелили из РПГ, расстояние было запредельным – выстрелили, только чтобы напугать. Шайтаны...

– Корректировать умеешь? – Карим уже устраивался на «лежку» между ребристых колес грузовика.

– Чего хитрого... – десантник как раз добил магазин до конца, пошарив по разгрузке, достал еще один, – давай, трассерами укажу...

– Давай!

Автомат плюнул трижды – раз за разом – указывая на линию валунов – это было хорошо замаскированное укрытие на склоне, за которым злобно бились язычки пламени сразу двух пулеметов. Трассеры врезались в серые камни, отрикошетили фейерверком в небо – но достать пулеметчиков не смогли...

– Понял, работаю.

Карим выжал спуск – и винтовка дернулась в руках, посылая в цель тяжелую пулю. Грохот выстрела больно ударил по ушам – стрелок с непривычки поморщился.

– Левее попал...

Карим всмотрелся в прицел – здесь он был двенадцатикратным, большим, с широким углом зрения. Пуля действительно ударила почти на метр левее – за счет собственной энергии она не расколола валун, но выбила его из ряда, опрокинула назад. Кстати, вертикальная поправка получилась верной с первого раза, а вот с горизонтальной следовало еще подумать. Хорошо, что винтовка работает как надо, даже не обслуженная толком – консервационную смазку снял, а обычную не нанес, да и ствол новый совсем. Не запороть бы...

Учтя отклонение по горизонтали, Карим выстрелил вновь – и на сей раз удачно. Пуля угодила прямо в бойницу – неизвестно, убила она пулеметчика или нет, но пулемет заткнулся, было видно, что пуля попала в сам пулемет. Значит, с одним разобрались...

Еще выстрел – на сей раз пуля ушла даже правее, выбив из укрепления валун, справа от пулеметчика. Тут – точно не попал, но и пулеметчик судьбу испытывать не стал – заткнулся и убрался прочь.

– Выше двадцать и правее...

Еще одна пуля нашла гранатометчика – попала тому в живот, швырнув на землю. В агонии тот нажал спуск уже заряженного гранатомета, и реактивная граната, чиркнув по земле и мазнув реактивным выхлопом по своим же, унеслась вдаль...

Душманы, сообразив, что дело плохо, начали отходить. Карим выстрелил еще дважды, один раз промахнулся, но, почувствовав, что по нему работает снайпер, душман вскочил, побежал в панике – и упал, срезанный автоматной очередью кого-то из малишей снизу. Во второго пуля попала – его чуть не перевернуло через голову от этого попадания...

Последствия нападения оказались плачевными – хотя удалось отбиться и сохранить груз, потери были. Малиши потеряли убитыми семь человек и десять ранеными, все три машины были изрешечены пулями и осколками, одна загорелась. Ее удалось потушить, но идти своим ходом она уже не сможет. Вторая машина осталась на ходу, но основная их огневая мощь – крупнокалиберный пулемет «браунинг» был выведен из строя. Третья машина тоже была на ходу – относительно: двигатель работал, но шины прострелены.

Грузовики остались на месте, автоматчики залегли на крышах – это были шесть опытных стрелков, с хорошим оружием, а к грузовикам незаметно могли подобраться метров на триста, не более. Груз можно было считать в безопасности – развернув единственный целый внедорожник, Карим погнал назад.

Сын шейха Дархана, Абдалла, был ранен осколком – оторвало чуть ли не половину уха, немного бы левее и... Но, как и подобает воину и сыну шейха, главы племени, он мало обращал на это внимания...

– Э, э, э... – Карим поймал Абдаллу, наскоро осмотрел. – Перевяжись. Сейчас же.

– Да...

– Я доктор и знаю, что говорю...

Абдалла хотел ответить что-то дерзкое – хотя бы из-за извечной страсти подростков противоречить взрослым, но потом уважение к старшему и другу отца взяло верх. Достав из кармана перевязочный пакет – Карим уже снабдил всех такими и научил пользоваться, – парень неумело попытался замотать свое ухо.

– Дай-ка... – Карим взял пакет из рук подростка и за пару минут сделал все правильно – вот теперь нормально...

Осмотрел он и других раненых – двое были совсем тяжелыми. Один лежал на собственных кишках, надрывно воя, второму осколок гранаты почти оторвал ногу выше колена.

– Отойди-ка, эфенди... – Абдалла поднял пистолет. – Аллах акбар!

Карим едва успел отскочить – грохнул выстрел, кровь и мозги брызнули в сторону. Прицелившись во второй раз, Абдалла, не сходя с места, добил и второго раненого. Пуштуны, стоявшие рядом, забормотали похоронную молитву...

– Так нужно, эфенди... – сказал Абдалла, и в голосе его прозвучало несвойственная подросткам взрослость. – Когда англизы воевали с нами, мы разбились на небольшие отряды, у нас было мало оружия, и нашим единственным преимуществом была мобильность и знание местности. У нас не было ни медикаментов, ни возможности лечить своих раненых. Поскольку Аллах запрещает самоубийства – это было единственным выходом. Возможно, когда-нибудь будет и по-другому, но пока – только так.

– Я тебя понимаю, Абдалла, – спокойно произнес Карим, – давай уходить. Машины подцепим буксиром.

– Куда уходить? – удивился подросток. – Мы воевали, и у нас есть добыча. Она лежит там, в камнях. Неужели мы пролили кровь и не возьмем добычу?

Оно, конечно, так...

– Там заминировано! – крикнул Карим.

Абдалла, уже направившийся вверх по склону, обернулся:

– Конечно, заминировано, эфенди. Ступай за мной след в след...

Нашли пятерых...

Конечно, душманы могли унести часть своих раненых. Кровь, грязные тряпки, используемые в качестве бинтов, следы волочения – все не то. Дело было в том, что стрелять снизу вверх всегда тяжелее – даже поправки рассчитать сложнее, чем стрелять сверху вниз. К тому же у душманов были укрепленные позиции, заранее пристрелянные ориентиры. В общем – душманы отступили только потому, что у них и не было желания вести бой до победы. Удалось быстро взять груз – хорошо, нет – будет и другой груз, в другой день. Так что пять человек – если подумать, не такой уж и плохой результат...

Первый, кого они нашли, был пулеметчик. Карим не промахнулся – пуля из «Взломщика» не только повредила пулемет, она почти оторвала ему плечо. К тому времени, когда Карим и Абдалла подошли к душману, тот был уже мертв...

– Собака! – Абдалла, не стесняясь, плюнул на убитого.

– Твой отец говорил, что следует уважать своего врага, – напомнил Карим.

– Следует уважать достойного врага! Вот ты, эфенди, и твои спутники – достойные люди, даже если и враги. Вы не уклонились от боя, не убежали. А этот... собака, у него нет ни земли, ни скота, ничего. Британцы дали ему оружие, чтобы воевать против своего народа, ты посмотри...

Абдалла поднял поврежденный пулемет – марки «BSA», переделка из танкового. Не самый лучший, конечно, но... пулемет есть пулемет.

– Британцы их снабжают?

– Конечно! – Абдалла удивился глупому вопросу. – Это ясно даже детям, эфенди. Хочешь, расскажу про душманов?

– Хочу...

– Когда англизы напали на нас в четвертый раз, начало происходить кое-что, чего не было, когда они нападали на нас предыдущие три раза. Собаки-англизы захватывали в плен детей, всегда мальчиков, хотя иногда и девочек, и увозили. Мы не знали, куда, нам было не до того. Мой отец воевал, убивал англизов, воевали и другие племена. Удивительно, но они пропускали себе в тыл беженцев, заявляли, что это гуманно. Мы уговаривали не ехать в Индию, подозревали, что дело нечисто, но многие уехали. Там действительно были лагеря беженцев, но в этих лагерях учили еще кое-чему...

– Чему же?

– Учили ненависти. К своей земле, к своему народу. Учили убивать. А потом англизы ушли. Мы сами не знали, почему они ушли – но с тех пор стали появляться душманы...

– Душманы были всегда. Здесь веками проходил караванный путь, и всегда грабили караваны, – не согласился Али.

– Да, это так, русский. Но столько душманов не было никогда. И душманы всегда нападали на «купцов», а теперь они грабят и убивают всех, кто попадется им на дороге, не щадят женщин, стариков. А бывает и похуже...

– Что именно?

– Когда англизы вернулись на нашу землю в пятый раз, это началось. В кишлак приходил человек, чаще всего под видом нищего или дервиша. У нас гость – первый после Аллаха, эфенди. Но стоило только пустить такого человека в дом, дать переночевать – и утром в доме никого не будет в живых. К нам тоже приходили такие, но отец их распознал. Одного удалось схватить живьем, но он свернул себе шею...

– То есть как? – не понял Карим. – Как понять, «свернул себе шею»?

– Я не знаю, эфенди... Спроси моего отца, я был совсем маленький, когда это случилось. Но это видел отец, и видели старики, он сам сломал себе шею...

Карим задумался. В спецвойсках Российской империи готовили на славу и изучали самые разнообразные дисциплины. В том числе – основы гипноза и НЛП, это нужно было при действиях за линией фронта. Конечно, давали только самые простейшие вещи, как стирать личность и записывать новую – этого всего Карим не знал и не умел. Но сейчас он вспомнил пожилого, одышливого психиатра, доктора Губермана, который вел у них эти занятия, его рассказы. Старый еврей давал больше, чем требовалось – поэтому, например, у молодых курсантов никогда не было проблемы в том, как познакомиться с дамой и завязать с ней отношения. То, что описал Абдалла, очень походило на срабатывание самоликвидатора – особой программы в психике человека, программирующей его на самоубийство любой ценой при угрозе захвата противником...

– Зачем это тебе, Абдалла? – спросил Карим, увидев, как молодой пуштун закидывает за спину неисправный пулемет и рачительно осматривается в поисках коробок с патронами.

– Возьму с собой. Трофей, – коротко ответил Абдалла.

– Там у тебя шесть машин с таким же добром. Этот же неисправный, брось.

– Оружие никогда не бывает лишним. Ну и что, что неисправный, нужные детали привезут из Пешавара с караваном. Помоги мне, эфенди, тут много всего – тащить тяжело. Сейчас я позову еще людей...

Абдалла пронзительно свистнул, и несколько человек стали подниматься к ним с дороги...

Нарвались они на третьем, но Карим был к этому готов. Бейрут научил его, что даже выглядящий мертвым человек может быть не совсем мертвым...

Этот душман так и выглядел мертвым – одежда его представляла собой настоящее решето и вся пропиталась кровью, сменив свой цвет с грязно-серого на бурый. Абдалла перешагнул через труп, подобрал лежащий рядом «Стерлинг-Армалайт», передал его одному из малишей. Огляделся, нельзя ли разжиться еще чем-то. Труп лежал на животе – и уже это насторожило Карима. Абдалла наклонился, перевернул труп в поисках магазинов и прочего добра, которое могло быть в разгрузке. И нарвался – в руке у «трупа» был зажат крупнокалиберный «Уэбли», дуло смотрело прямо на Абдаллу. Умиравший душман из последних сил пошевелил пальцем, дожимая спуск. Грохнул выстрел...

Абдалла отскочил от трупа, машинально вытер рукавом забрызганное кровью лицо. Карим стоял в нескольких метрах, держа в руках небольшой пистолет, которого раньше Абдалла никогда не видел. Из дула вился едва заметный дымок...

– Осторожнее... – спокойно сказал Карим. – Лучше привязать к трупу веревку и перевернуть, чем наклоняться вот так.

– Я обязан тебе жизнью, эфенди... Настанет время, и я отдам этот долг.

– Хорошо. Бери все, и давай уходить.

Из трофеев они нашли один пулемет, три автоматические винтовки «Стерлинг-Армалайт», восемьдесят пятого, восемьдесят шестого и девяностого годов выпуска, и один пистолет-пулемет «BSA». Все это Абдалла хозяйственно сложил в свои внедорожники. Сами внедорожники подцепили на тросах к грузовикам, раненых разместили как смогли. И колонна продолжила путь – до ближайшего караван-сарая оставалось чуть больше тридцати километров...

Лик катастрофы.

22 июня 1996 года.

Лондон, Великобритания

В последний раз тяжело фыркнув мотором, «Бедфорд» остановился за складами. Здесь собирались строить новые склады, и поэтому до забора было метров тридцать свободного пространства. Левее шумело метро, в ослепительно-синем, нетипичном для британской столицы небе тянул белую пушистую строчку самолет...

– Посмотри.

Дэвид высунулся из кабины, огляделся.

– Никого...

– Хорошо... – Питер достал из кармана какой-то предмет, напоминающий короткую толстую черную колбасу.

– Это что? – подозрительно покосился Дэвид.

– Это мешок с песком. Да ты не переживай, все будет нормально. Могу огреть мантировкой...

– Нет уж, давай этим... А потом что?

– Потом? Очухаешься минут через двадцать, пойдешь туда, откуда заехали. Выйдешь на улицу, там тебе «Скорую» вызовут. Денька два молчи, имитируй амнезию. Потом скажешь – подобрал попутчика, тот огрел по голове и угнал машину. Вот и все. Такое часто случается.

Это уж точно.

– Ладно, давай... – Дэвид закрыл глаза. – Все равно...

Договорить он не успел, несмотря на тесноту, удар получился мощным – мешок с песком обрушился на затылок, мгновенно погасив сознание. Монаган был не пристегнут – и поэтому тяжело навалился на руль.

Попутчик, которого он называл Питером, выглянул из машины, убедился, что вокруг – никого. Посмотрел на Дэвида Монагана – что за придурок? На таких земля держится. Достал из кармана нож, тот самый, которым он резал картон, примерился – и аккуратно полоснул по сонной артерии. Получилось хорошо – даже не забрызгался хлынувшей кровью...

Убив водителя, Питер опустил шторы в кабине, щелкнул центральным замком, ставя двери на запор, и выскочил из кабины. Неаккуратно вышвырнул мешающие ему коробки с текстилем – они их положили обратно на случай маловероятного полицейского досмотра. Протиснулся к миномету, открыл лежащую рядом коробку. В коробке был «браунинг» с глушителем и мощная рация. Пистолет он засунул за пояс, рацию взял в руки. Там же была и эксплуатационная документация по миномету на английском языке, но в ней он смысла не видел – миномет был простым в эксплуатации, как все русское оружие. Еще был ноутбук – его он вытащил и включил, поставил загружаться операционную систему.

Сам по себе автоматический миномет «Ромашка-М» являлся настоящим произведением искусства. Его предшественником был восьмидесятидвухмиллиметровый «Василек», но армии потребовался скорострельный миномет большой мощности для уничтожения сильно укрепленных районов противника – она его и получила. Миномет с карусельным заряданием, с системой наведения по GPS или ГЛОНАСС, с автоматическим расчетом поправок на стрельбу – ввел точку попадания и все. Монтировался этот миномет на колесном шасси «АМО» или гусеничном – десантного транспорта.

Для этого террористического акта миномет модернизировали. Прежде всего – его переделали для ввода поправок на стрельбу с ноутбука – предусмотрели соответствующий разъем. Поскольку миномет должен был транспортироваться и стрелять из морского контейнера, его прочно приварили к полу. Самоходный колесный миномет перед стрельбой опирается на лапы-упоры, но тут сделать это было невозможно. Отдача прицеп с контейнером не перевернула бы, но и ювелирной точности, достигаемой с таким оружием, ждать не приходилось. Она и не требовалась – как раз некоторое рассеивание по условиям задачи было бы нелишним.

Взяв лежащий там же ломик-монтажку, Питер с силой ударил ею в часть крыши контейнера, прямо там, где стоял миномет. Крыша загудела, но выдержала, в глаза террориста посыпалась ржавчина. Выругавшись, он ударил еще раз сильнее – и кусок крыши провалился внутрь, ударил по миномету. Террорист стащил его в сторону, аккуратно поставил около борта контейнера, взглянул в голубое небо. Хвала GPS и компьютерам – установки для стрельбы миномета, возвышение и все прочее – просчитали заранее. Но корректировщик все-таки был – на случай, если произойдет какой-то сбой. Правильно навести миномет на цель террорист умел, в случае, если сбой – справится. Для него сейчас наступала пора тяжелой работы – помимо десяти мин в карусельной системе перезарядки, в кузов положили еще двадцать – рассчитали, что будет вполне нормально, поросята не успеют очухаться и понять, откуда ведется огонь. Да и вообще – нигде, никто и никогда не применял мощную, боевую артиллерийскую систему в условиях города. Ни у полиции, ни у службы безопасности просто нет вариантов реагирования в такой чрезвычайной ситуации, среди них нет армейских профессионалов, знающих, что нужно делать при артиллерийском обстреле, у них нет средств контрбатарейной борьбы, способной по звуку выстрела примерно определить квадрат, откуда ведется огонь, и накрыть его ответным артиллерийским ударом. Да и потом – какой, к черту, артиллерийский удар в городе...

Единственная проблема – ему придется сейчас поработать, как он еще никогда не работал в жизни. Сначала снабдить все мины взрывателями. Потом поставить в одиночку тяжеленную

мину в карусельный механизм перезарядки, да при этом правильно, чтобы не заклинило... непростая задача. Впрочем, если и заклинит – десяти мин с лихвой хватит...

Террорист настроил нужную частоту на рации...

– Беглец вызывает Стрекозу, Беглец вызывает Стрекозу, прием!

– Беглец, это Стрекоза! – Голос координатора был едва слышен из-за шума вертолетных винтов. – Я в указанной точке.

– Принял, Стрекоза, готов к работе!

– Беглец, даю зеленый свет, повторяю – зеленый свет.

– Принял, зеленый свет! Начинаю работать!

Ноутбук уже загрузился, поработав трекболом, террорист вывел на экран карту Большого Лондона. Щелкнув несколько раз на знак «+», увеличил ее, каждый раз курсором корректируя движение карты. Затем выбрал точку попадания, застучал по клавишам, вводя параметры обстрела и координаты точек попадания. Миномет ожил, повинаясь командам с компьютера, толстый, похожий на трубу ствол шевельнулся, отработывая поправку. На пульте управления артиллерийской системой весело перемигивались зеленые огоньки.

Террорист огляделся, выругался про себя – как всегда, что-нибудь да забудут. Забыли положить наушники – обычные наушники, которые стоят-то пару фунтов, а без них нахождение рядом с изрыгающим огонь драконом становится сущей пыткой. В голову Питеру внезапно пришла мысль – странные люди эти русские, как называют свою артиллерию – «Василек», «Ромашка»... Странные.

Террорист аккуратно поставил ноутбук на пол, отодвинулся как можно дальше от миномета, открыл рот, чтобы уменьшить действие взрывной волны на уши. Как минимум сегодня он заработает контузию, точно...

– Открываю огонь... – сказал он. И нажал на клавишу «Enter»...

Миномет ожил – система перезарядки подала в ствол первый заряд, и контейнер вместе с прицепом содрогнулся от удара. Дракон изрыгнул пламя...

Мэри Баннистер была счастлива. Причем счастлива – это еще мягко сказано, она витала на седьмом небе от счастья. Ее, выпускницу Кембриджа, студентку, имеющую самый высокий балл на всем потоке, пригласили на стажировку в правительство! Нет, не так. В Правительство!!! Такой чести удостоивался далеко не каждый! Причем проходить эту стажировку она будет рядом со средоточием власти Великобритании – на Даунинг-стрит. И сможет каждый день наблюдать, как на работу приезжает премьер-министр, как съезжаются члены кабинета. Возможно, она даже увидит Ее Величество – не может не увидеть, потому что Ее Величество до сих пор, несмотря на возраст, принимает активное участие в политической жизни. Более того, мистер Маршалл, с кем она проходила интервью, угрюмый сухой старик, пообещал ей, что если она хорошо себя зарекомендует, то постоянная работа в аппарате правительства ей обеспечена.

Своей радостью она, конечно же, решила поделиться с Ником – и обломалась. В который раз! Ника, который был на десять лет старше ее, интересовало только пиво и футбол. И еще его придурочные приятели, раскрашивающие лица и хулиганящие на трибуне. Когда она ворвалась в любимый паб Ника, подобно ветру, чтобы сообщить эту радостную новость – он просто сказал: «Молодец, детка», – и снова вернулся к пиву, приятелям и обсуждению достоинств какого-то... Арнальдо, что ли... Чтоб его...

Но ничего. Она знает правила. Там, где она собирается работать, есть много разведенных мужчин, уже занимающих весьма солидные посты. И если сыграть свою игру правильно и не допускать сплетен... А этот придурок пусть спит со своим... Ранальдо...

С этой жизнеутверждающей мыслью Мэри Баннистер, умудрившаяся сделать сексуальным строгий деловой наряд, хлопнула дверцей своего новенького «Мини», нажала на кнопку сигнализации – ее маленький друг приветливо мигнул фарами. Повернувшись, чтобы идти на

работу... и в этот момент земля будто расступилась у нее под ногами. Когда она пришла в себя – она не знала, сколько прошло времени – то с удивлением осознала, что ее голова раскалывается от боли, а сама она лежит на дороге, рядом со своим автомобилем. Сверху что-то падало... подобно граду, падало на дорогу, на машину... почему-то она не слышала, как все это падало, не слышала никаких звуков. В ужасе повернув голову, она увидела, что там, где только что была резиденция премьер-министра Великобритании, на Даунинг-стрит, 10... в общем, там были только руины... едва видные за плотной стеной пыли и дыма... и еще там было пламя... много пламени, горели автомобили... Все горело. Люди лежали на дороге, на тротуаре, подобно изломанным куклам... ее тошнило, закрывались глаза.

Она попыталась встать... надо встать... и не смогла, тело не слушалось. Она не понимала, что происходит, хотелось кричать, но из горла вырывалось какое-то сипение. А потом... очередная мина ударила чуть ближе... адский столб разрыва... прямо на дороге – и острый, как бритва, осколок попал ей в голову. Вспышка, до боли выжигающая глаза, – и все, блаженная чернота...

– Извините, мэм... Может быть, эта модель будем вам впору... Давайте примерим...

Мэм – здоровенная бабища лет сорока, вышедшая на шопинг, весьма довольная этим обстоятельством и твердо вознамерившаяся «задать всем жару», недовольно фыркнула, взяла платье двумя пальцами, как будто эта тонюсенькая переливчатая ткань заражена чумой, и скрылась за дверью примерочной...

Кристина Мойнахен подавила в себе приступ раздражения. В конце концов – она старший продавец самого модного в Лондоне бутика, расположенного в престижнейшей Бельгравии, совсем неподалеку от знаменитого Гайд-парка – и она должна вести себя профессионально в любой ситуации. Даже в такой...

Но унять раздражение до конца и проникнуться искренней любовью к покупательнице – как ее учили – не удавалось. Интересно, откуда берутся такие вот бабы – другого слова и не подберешь, именно бабы – подобно этой леди Астор. Жирная, сварливая, прущая напролом, поучающая всех и вся, считающая, что ей чем-то обязан весь мир, гордо несущая, как знамя, свой дворянский титул, не замечая грязных пятен на нем...

Кристина довольно хихикнула... Для лондонского высшего света, куда и она была... ну, почти вхожа, ни для кого не были секретом похождения лорда Астора. Лорд Астор – пожилой, рано облысевший развратник, всегда готовый к сексу на любых условиях, не пропускал мимо себя ни одной юбки, словно вознамерившись перетрахать весь Лондон. У Кристины была подруга – известная сейчас фотомодель – она рассказывала, что лорд Астор постоянно носит в нагрудном кармане своего роскошного блейзера с вышитым на нем золотыми нитями фамильным гербом целую большую упаковку презервативов. Двенадцать штук!

Впрочем, осуждать его за это... не хотелось. Как можно жить с такой выедающей мозг мегерой, как леди Астор, и не ходить налево? Ведь, наверное, когда-то и леди Астор была молодой, привлекательной девушкой. Кристина знала, что благородством происхождения она похвастаться не может. Удачно выскочила замуж – интересно, и как у таких вот... это удастся. Естественно, сразу залетела, чтобы покрепче привязать мужа к семье, а потом бедный лорд Астор не успел оглянуться – здравствуйте! Вместо нимфетки-конфетки лежит рядом с тобой в постели ожиревшая, подурневшая свиноматка, вечно раздраженная, срывающая свои неудачи в семейной жизни на прислуге и на всех, кто попадется ей под руку – включая, например, Кристину.

Мда-а-а...

Где-то вдалеке гроыхнуло – глухо, раскатисто, словно перед грозой. Кристина прислушалась – насколько она помнила, дождь сегодня не обещали...

– Что там, милочка, – раздалось из-за занавеси из роскошного китайского шелка, – собирается дождь?

Дождь?

– На сегодня обещали хорошую погоду, мэм... – отозвалась Кристина.

– Если пойдет дождь, вам, милочка, придется одолжить мне зонтик. Я забыла свой дома...

Громыкнуло ближе. Кристина начала беспокоиться – это уже не походило на гром.

– Милочка, это платье стоило бы перешить... – леди Астор появилась из-за занавеси в прозрачном пеньюаре, похожая на слона и нисколько не смущающаяся этим обстоятельством...

И тут громыкнуло в третий раз – Кристина даже не поняла, что происходит. Просто на улице ослепительно сверкнуло что-то, и ударная волна – стена раскаленного воздуха, движущаяся быстрее скорости звука и несущая с собой град выбитых из мостовой камней, стальных, рваных, раскаленных осколков и пламени. И эта стена, не знающая преград, смела стоящий рядом со входом «Роллс-Ройс», на котором приехала на шопинг леди Астор, кузнечным молотом ударила в шикарную витрину их бутика. Витрина лопнула одновременно по всей своей площади, превратилась в мельчайшие стеклянные, режущие до кости осколки – и весь этот девятый вал смел и Кристину, и леди Астор, отбросив их к дальней стене...

Удивительно, но Кристина не потеряла сознание до самого конца. Возможно, ее частично спасло то, что она стояла за неким современным подобием прилавка – и его металл принял на себя большую часть осколков. Лежа на полу, она успела увидеть леди Астор – напигованная осколками, та медленно сползала по стене на пол, оставляя ярко-алую полосу и глядя на Кристину невидящими мертвыми глазами. А потом Кристина подняла глаза к потолку и увидела змеящиеся черные трещины, расширяющиеся с каждой секундой...

– И все таки, Дами... так дешево на этот раз ты не отделаешься... Ведь материалчик просто убийный, стоит ему выйти в печать – и можно сказать, выборы проиграны... Соображаешь, сколько это стоит?

Дамиан Грейс, старший инспектор Скотленд-Ярда в отставке, среднего роста, пожилой, но хватки своей не потерявший, отпил из бокала сидр, чтобы немного помолчать и не высказать этому гниде-шантажисту все, что он о нем думает. В который раз его посетила мысль, что данайцев, приносящих дары, все-таки стоит опасаться...

Еще несколько лет назад он был старшим инспектором Скотленд-Ярда, причем работал он в Особом отделе – занимался разработкой террористических группировок, борьбой со шпионажем. Фактически он координировал работу по противодействию русской разведке, активно действующей в Лондоне. Он даже знал русский язык – говорил, конечно, с акцентом, но... И многие, кто честно смотрел на ситуацию, признавали – что у его людей бороться с этими русскими получалось намного лучше, чем у Службы безопасности, которая должна была заниматься контрразведкой.

Ведь в чем тут было дело? Люди, работающие на Службу безопасности – MI5, как раньше она называлась, в основном были «голубой крови» – выпускники Оксфорда и Кембриджа, носящие клубные пиджаки и предпочитающие тонкие черные сигареты с звездикой. Они сидели в кабинетах, участвовали в совещаниях, перекладывали бумаги с места на место, если появлялась возможность, играли с разведчиками противника в интеллектуальные игры, а выйти на улицу и покопаться в дерьме... нет, что вы, сэр, как можно, сэр... Улица вызывала у них отвращение пополам со страхом. А вот люди Грейса никогда не носили белые перчатки – все они были «бобби», причем не обычными, а отобранными, одними из лучших. Они знали, что такое полицейская работа – и просто делали ее, не ожидая ни фанфар, ни одобрительного

похлопывания по плечу на каждом шагу. Интеллектуалам из MI5 такая конкуренция, естественно, в радость не была.

Убрали его «под шумок». После войны, проигранной русскими, когда по всем министерствам и ведомствам прокатились кадровые чистки, какая-то хитрая мразь включила в списки на увольнение и его – в те дни особо не разбирались, кто и в чем виноват. Но не успел он собрать вещи и закатить прощальную вечеринку для сослуживцев, как к нему пришли...

Теперь Дамиан Грейс, старший инспектор Особого отдела в отставке, был частным детективом Дамианом Грейсом и даже имел офис на Бейкер-стрит, не 221Б, конечно – но все же Бейкер-стрит. За последний год – он специально подсчитал – его доход в пять раз превысил жалование старшего инспектора Скотленд-Ярда. Но удовольствия от работы он не испытывал – какое, к чертям, может быть удовольствие, когда копаешься в дерьме, подобном этому...

Началась эта история – от которой дерьмом несло за километр – почти год назад. Сэр Питер Вулсон, депутат Палаты Общин от консерваторов, возвращаясь домой после тяжелой трудовой недели, заметил на улице тринадцатилетнего мальчишку. Каким-то образом ему удалось войти к ребенку в доверие, и тот сел к доброму дяде в машину – покататься. Катались они недолго – остановились в Риджент Парке, в каком-то укромном местечке. Но сэр Питер, видимо, думал в этот момент... не большой головой, а маленькой головкой, а может, он просто не знал, что лондонская полиция держит этот парк под особым контролем – потому что там часто останавливаются машины, в которых находятся джентльмены и... дамы легкого поведения. Ну и в этот раз... полисмен, заметив стоящий в тени черный «Роллс-Ройс Камарг»²⁵ с затемненными стеклами, решил, что имеет место очередной акт непристойного поведения, подошел к машине, постучал в стекло, потребовал открыть дверь... и сэр Питер попал в весьма неприятное положение...

Вообще-то... личная жизнь сэра Питера особой тайной не была – хоть он и состоял в браке, все знали, что среди его помощников всегда были один-два молодых мальчика, что он охотно брал студентов на стажировку – не студенток, а именно студентов, что в его поместье некоторые служащие, жившие с семьями, получали в пять раз больше остальных – и в их семьях тоже росли мальчишки. Все это знали. Но... до сего момента сэр Питер не попадался.

С родителями мальчика договориться удалось – двести тысяч фунтов стерлингов, положенные в специальный трастовый фонд на образование подростка, стали хорошей гарантией молчания. Еще пятьдесят тысяч пришлось заплатить за полицейский протокол. Но какая-то мразь успела снять с полицейского протокола копию – и надо же было такому случиться, что эта копия оказалась в руках у проныры Виктора Крисевича, одного из самых грязных журналистов Лондона, пройдохи и шантажиста. За оригинал протокола выложили двести тысяч, за копию сразу предложили триста – сначала Крисевич согласился, но потом позвонил и сказал, что нужно срочно встретиться. На языке шантажистов – а Крисевич был именно шантажистом, несмотря на то, что всем представлялся независимым журналистом – это могло означать только одно: цена повышается. Только после этого сэр Питер запаниковал и обратился в детективное агентство Грейса. В этом и состояла основная работа Грейса сейчас – за огромные деньги быть доверенным лицом консерваторов, улаживать грязные дела. Подобные вот таким.

Ознакомившись с делом, Грейс грязно выругался. Отказаться невозможно – сэр Питер был одним из виднейших членов партии. Обратиться к нему нужно было сразу же, но сэр Питер допустил ошибку – поручил разбираться с этим делом своим людям, которые не имели никакого опыта общения с шантажистами. Шантажист назвал цену, они сразу согласились – и тот решил, что цена была названа изначально слишком низкая. Теперь с этим приходилось разбираться старшему инспектору в отставке Грейсу. Вот он и разбирался – пил сидр и смотрел

²⁵ Купе марки «Роллс-Ройс» выпускалось и в нашем мире, хотя о нем мало кто помнит.

на мерзкое лицо Крисевича – остренький нос, напмаженные усики, бегающий взгляд. Гнида, она и есть гнида.

– Сколько вы хотите, Виктор?

– Один миллион фунтов! – выдохнул тот.

Appetit...

– Вы это серьезно, Виктор? – добавив в голос максимум иронии, спросил Грейс, откинувшись на спинку стула.

– Вполне. – Крисевич заказал отбивную из телятины с гарниром и сейчас ел, ел торопливо и жадно, чавкая и разбрызгивая соус на белоснежную скатерть. Грейсу хотелось схватить его за голову и со всех сил ударить об стол – чтобы кровью захлебнулся, паскуда...

– Откуда такие аппетиты? Вы ведь понимаете, что это нереальная сумма...

– Почему? – Виктор оторвался от жратвы и нагло глянул в глаза бывшего старшего инспектора Скотленд-Ярда. – Я прекрасно знаю, как делаются дела в этом городе, Грейс... На носу выборы, сейчас собираются предвыборные фонды – и не только явные, но и тайные, смею заметить. Пусть сэр Питер потрясет своих старых дружков из «Виккерс», «Роял Армстронг», «Бритиш Аэропейс» – для них один миллион фунтов – пустяки. Если он, конечно, не хочет в канун выборов оказаться со спущенными штанами – я-то понимаю, что для него это привычно и даже приятно, но вот поймут ли его избиратели...

Громыкнуло – совсем рядом, раскатисто, на улице истошно взвыла одна сигнализация, другая. Противно тренькнули окна...

В отличие от остальных посетителей ресторана, которые недоуменно переглянулись, опытный контрразведчик из Особого отдела Дамиан Грейс сразу все понял. Верней, почти понял – он подумал, что на улице, совсем недалеко взорвалась заминированная машина.

Бросив на стол салфетку, Грейс вскочил и побежал к выходу. Виктор последовал за ним – он всегда чувствовал, где пахнет жареным, а теперь он мигом вспомнил, что он журналист. Если оказаться на месте происшествия первым и сделать пару десятков сочных снимков... конечно, не пара миллионов фунтов, но тоже какой-никакой, а заработок.

Только выскочив на улицу, Дамиан Грейс увидел, насколько плохо дело. Машина (на самом деле это была минометная мина) взорвалась дальше по улице, причем взорвалась так, что там до сих пор что-то горело. Выли сигнализации, сталкивались машины – те, кому повезло, кто не попал под ударную волну, пытались любой ценой уехать отсюда, торопились, сталкивались – и лишали себя и других возможности смыться.

– Черт, черт, черт! – Виктор сунулся в свою машину, новенький «Мини-Купер», и вытащил фотоаппарат с большим профессиональным объективом, нацелился на клубы дыма и мечущихся людей. – Это же просто круто!

Грейс бросился вперед – туда, где вся улица была скрыта клубами дыма и поднятой взрывом кирпичной пылью, туда, где из черного, прорезаемого изредка ярко-желтыми языками пламени ползли прочь от эпицентра взрыва люди – им еще можно было помочь. Вторая мина разорвалась за его спиной – как раз напротив ресторана. Словно какой-то великан поднял Дамиана Грейса и с размаху швырнул о стену. Теряя сознание, старший инспектор сумел оглянуться назад – там, где только что шла мирная жизнь, там, где стоял репортер-шантажист Крисевич со своим фотоаппаратом, сейчас было только серое облако. На тротуар падали осколки, стуча подобно граду. Потом на Дамиана Грейса рухнул балкон...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.